

К Б А Д И Г И И
Д О К О Р И Т Е Л И
С Т У Д Е Н Н А Я
А Л О Р Е И
1 9 5 5

Константин Бадигин

Покорители студеных морей

Глава I. ПОСОЛ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

В предутренней тишине тревожно нарастал топот идущего наметом коня. Псы, спущенные на ночь с цепи, рванулись к тыну, захлебываясь в злобном лае. Подковы гроыхнули по деревянному настилу; над забором мелькнул островерхий шлем всадника; топот стремительно стал удаляться и сразу смолк.

В доме боярина Борецкого не спали. В окнах большой горницы, где находилась библиотека, светился едва заметный огонек, почти растворившийся в бледном свете начинающегося дня.

В гостях у хозяина сидел Эйлард Шоневальд, приехавший к боярину Борецкому с тайным поручением от великого магистра тевтонского ордена.[1] Он прибыл в Новгород с лифляндскими купцами только вчера и в качестве ревельского негоданта[2] был представлен старшине немецкого двора.[3] В тот же день, переодетый купцом, он прибыл в дом к именитому боярину.

Гостеприимный хозяин по-княжески принял орденского посла. Беседа длилась давно, но о главном Шоневальд еще не успел сказать ни слова. Борецкий поразил гостя своей образованностью и осведомленностью в европейских делах.

К удивлению Шоневальда, ему, неразговорчивому и замкнутому человеку, больше приходилось говорить, чем когда-либо раньше. Разговор шел по-латыни.

Топот одинокого всадника, проскакавшего мимо окон дома, не остался незамеченным собеседниками.

— Гонец... Надо быть, к тысяцкому...[4] — заметил как бы про себя стоявший у раскрытого окна Борецкий, высокий, статный мужчина.

Когда он обернулся, Шоневальд прочел на лице боярина скрытое волнение. Некоторое время оба молчали.

— Продолжим наш разговор, господин, — прервал молчание Шоневальд. — Я думаю, появление этого всадника не могло отразиться на вашем прекрасном расположении духа.

— Я вас слушаю, ваше священство. — С этими словами Борецкий сел на лавку и, охватив голову руками, оперся локтями на стол.

— Вы согласны со мной, что московский князь не может иметь никаких прав на Великий Новгород, — заговорил посол. — Новгород древнее, Новгород богаче, и земля Новгородская во много раз обширнее земли московского князя.

Речь посла прервал гулкий удар башенных часов в доме Борецкого; часы пробили в нескольких местах города. Когда замолк последний, далекий удар, Шоневальд спросил:

— Кстати, дорогой господин, я никак не могу разобраться в ваших часах, почему они пробили только один раз?

— Мы на Руси начинаем день с восхода солнца. Это первый час дня, один удар наших часов...

Как бы в подтверждение слов Борецкого, первый солнечный луч скользнул по богато убранному столу, ярко загоревшись в алмазах, которыми был осыпан кубок гостя.

Хозяин загасил большую восковую свечу:

— Начался день, ваше священство.

— И этих дней не становится меньше оттого, что мы стареем. Их будет столько же и после нашей смерти... Однако, что вы думаете по поводу...

— Земли, принадлежащие лично мне, — заметил высокомерно Борецкий, — больше всей Московской земли.

— Святая истина, господин!.. — Шоневальд бросил взгляд на собеседника, как бы прицениваясь. Ему показалось, что сейчас время перейти к главному.

— И недаром великий магистр — продолжал посол, приглаживая длинные, заложенные за уши волосы, — глава нашего ордена, считает вас первым человеком в Новгороде, достойным управлять этими землями...

Борецкий насмешливо улыбнулся:

— Если бы я хотел быть посадником,[5] ваше священство, поверьте...

— Я не об этом дорогой господин. Вы должны стать полным властелином новгородских земель, независимо, хотят или нет этого горожане.

— Но это неосуществимо! — вырвалось у Борецкого помимо его воли. — Этого никогда не может быть!

— Да! — твердо повторил посол. Он понял, что может говорить смело. — Да, вы должны взять в свои руки власть! Сначала в Новгороде, а потом подчинить себе всю остальную Русь.

— Вы шутите, ваше священство.

— Нет. Вспомните Медичи.[6] Вы прекрасно осведомлены, о флорентийских делах, господин, мне не надо рассказывать о них.

— Но Новгород не Флоренция, ваше священство.

— Вам надо немедля, — не слушая Борецкого, продолжал Шоневальд, — захватить власть в свои руки, а для этого прежде всего раз и навсегда прекратить сборища черни на дворе Ярослава.[7] Вечевой колокол утопить в Волхове, а недовольных мужиков сечь батогами и рубить им головы. Ваша пословица говорит: «Не передавивши пчел, меду не есть».

— Да, но как раз чернь и не даст мне этого сделать. — Борецкий навалился на стол, придвигаясь к гостю. — Архиепископ Новгородский поддержит мужиков. За ним пойдут многие, все... Если я выступлю против веча, на меня поднимется весь Новгород, а у нас,

ваше священство, каждый мужик вооружен.

— Возможно, — сверкнул глазами Шоневальд, — возможно, господин... Но, если архиепископ будет упрямым, надо найти другого, более, так сказать... дальновидного. Но самое главное, господин, у вас есть дружина — я знаю это. С двумя тысячами всадников вы завоюете город, а потом...

Борецкий зло рассмеялся в лицо гостю:

— Вы не знаете русских людей! Вы не знаете великого князя! На меня ополчится вся русская земля.

Но посол не обратил внимания на насмешливый тон хозяина: он был увлечен своими мыслями.

— Когда справитесь с мужичьем, то великий князь вам не будет помехой. А мы поможем вам удержать власть и утвердиться в Новгороде. — И посол с торжеством посмотрел на боярина.

— Вы поможете? Кто вы, ваше священство? — Борецкий залпом осушил большую чашу мальвазии. — Орден не скоро оправится от славянских мечей под Грюнвальдом.[8]

Шоневальд не сразу нашел, что ответить.

— Мы поможем... Император Сигизмунд окажет вам необходимую помощь, он гарантирует ее особой грамотой.

— Гарантия короля Сигизмунда... Я знаю, что значит эта гарантия. Собор в Констанце, вопреки охранной грамоте короля, казнил на костре Яна Гуса. Будем говорить правду: я ему не верю, ваше священство.

Шоневальд опешил. Он удивленно посмотрел на Борецкого:

— Не верите императору, господин? Но, если вмешается папа, тогда вы будете спокойны, я надеюсь?

— Ваше священство, простите меня, — учтиво поклонился послу Борецкий, — но, после того как у римской церкви оказались сразу три папы и они наперебой проклинали и отлучали друг друга от церкви, вряд ли вмешательство четвертого папы будет сейчас принято всерьез таким человеком, как король Сигизмунд.

— Тогда, господин, вам останется верить словам московского князя! — зло огрызнулся посол. — Князь вас быстро научит ездить на поклон к татарским вельможам.

Не отвечая послу, Борецкий с хрустом раздавил в руке грецкий орех и стал не торопясь выбирать из обломков кусочки ядра. Он думал: как ему выведать сокровенные цели приезда Шоневальда.

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — Положим, я воспользуюсь вашей помощью. Но чем я буду обязан вам, как я смогу отблагодарить папу за его великие заботы?

Посол медлил с ответом. Сейчас каждое слово надо было тщательно обдумать.

— Я имею в виду бескорыстную помощь, господин, но думаю, что папа будет рад, если новгородский владыка признает главой вселенской церкви римского первосвященника.

— О-о!.. О-о!.. — вырвалось у боярина. Теперь он понял все. Игра была слишком крупная.

Борецкий не был честолюбив. Он не рвался к власти. Но чувство самозащиты заставило его,

крупнейшего землевладельца-феодала, всячески бороться против попытки великого князя усилить свое влияние в Новгороде. Он всей душой ненавидел московского князя, понимая, что если Новгород потеряет независимость, то он, Борецкий, потеряет и свои права и поместья. Боярин жаждал всеми средствами возвеличить Новгород и поставить его над всеми русскими землями. Он не прочь был использовать в этих целях своих западных соседей, однако всегда относился к ним с большой осторожностью, видя в лице католической церкви непримиримого врага.

— Дела церковные меня не касаются, ваше священство, — уклончиво ответил Борецкий, — это забота духовных пастырей. А мне необходимо усилить свое влияние в городе. Для этого хлеб должен прийти к нам с запада; это расположит к ордену голодных людей...

— Но известно ли вам, господин, что московский князь отправил в Новгород своих купцов? Он хочет продать городу хлеб, — перебил Шоневальд.

— О, это не страшно! Кто знает, доедут ли эти купцы в Новгород. Путь от Москвы к нам долгий, а люди... люди смертны. Но, однако, — продолжал боярин, — папа должен отменить свой запрет на ввоз в Новгород оружия, железа и лошадей. Все ограничения должны быть отменены. Этим мы выйдем козыри из рук независимых.

— Независимые... — медленно начал посол, — это сильная партия, господин, с ней не так просто бороться; ее поддерживает большая часть новгородского купечества во главе с богатыми иванскими купцами.[9] Как я понимаю, эта партия хочет добиться независимости Новгорода без помощи Москвы и западных государей... Это заманчиво. Ходят слухи, что сам владыка покровительствует этой идее.

Посол задумался.

Из разговора, который длился уже несколько часов, Шоневальд понял, что рассчитывать на многое нельзя.

«Боярин против великого князя, терпимо относится к союзу с орденом, но не будет покровительствовать католической церкви, — перебирал в уме посол. — Надо воспользоваться его враждой к Москве, попытаться разжечь ее еще больше, а за нашу помощь против князя мы сможем навсегда закрыть выход новгородцам в море. В конце концов это обескровит русских, и если, боже избави, великий князь захватит в свои руки Новгород, то будет поздно; на море ему не удастся высунуть и носа».

После бессонной ночи, проведенной в большом напряжении, Шоневальду смертельно захотелось спать; утро давно наступило. Щурясь от солнечных лучей, заполнивших сейчас всю комнату, едва сдерживая зевок, он вслух сказал:

— Итак... подведем наш итог, господин. Хлеб с низовья, из рук московского царя, не должен попасть в Новгород. Об этом, я вижу, вы уже позаботились. За хлеб, который мы продадим, новгородцы должны благодарить только запад. Это первый шаг к захвату власти, а будет власть в ваших руках, мы снабдим оружием и лошадьми ваше войско, которое, я не сомневаюсь, победоносно пройдет по Руси.

Борецкий хотел было возразить, но в это время вкрадчивый голос произнес:

— Разрешите поздравить вас с добрым утром, господа, и рассказать о здоровье вашей прелестной дочери, боярин Борецкий.

Небольшого роста человек с кругленьким, благообразным лицом и черными с проседью волосами стоял у двери и почтительно кланялся.

— Это мой домашний врач, ваше священство, — сказал Борецкий, заметив подозрительный взгляд Шоневальда, — венецианец Миланио. Хороший врач, смею вас заверить!

— Ах, врач Миланио, я совсем забыл... — Шоневальд запнулся. — За приятной беседой я совсем забыл про свою болезнь. После очень трудного путешествия в Новгород у меня обострились боли в суставах. И я хотел с вами посоветоваться, дорогой Миланио.

— От ломоты в суставах, господин купец, — ласково улыбаясь, ответил врач, — я знаю хорошее средство. Накопайте навозных червей и наполните ими глиняный сосуд. Этот сосуд с червями облепите со всех сторон хлебным тестом и поставьте в горячую печь вместе с хлебами. Когда хлебы будут готовы, вынимайте ваш горшок. Дайте хорошенько отстояться содержимому и принимайте жидкость по ложке три раза в день.

— Мне ваше лекарство не совсем нравится, — брезгливо поморщился посол. — Нет ли другого средства, более, как бы сказать... приятного?

— С удовольствием, господин купец. — Миланио опять поклонился. — Есть еще одно средство, более сильное. Когда боль будет вас особенно мучить, велите подоить корову, тут же плюньте в молоко и дайте выпить собаке. Боль прекратится.

— У кого прекратится боль: у меня или у собаки? — злобно спросил Шоневальд. — Вы шутите, господин Миланио!

— Не шучу... Советую попробовать оба средства, господин купец, — еще раз поклонился венецианец.

— Я прошу вас, господин Миланио, — изменил тон посол, — посетить меня завтра и тщательно осмотреть для более правильного лечения... Вы разрешите посетить меня господину Миланио, господин?

— С удовольствием, ваше священ... господин купец.

Борецкий пошел провожать Шоневальда. Когда они вышли на каменное крылечко с колоннами и лепными украшениями, посол, глянув на проснувшийся город, сказал:

— Господин, я хотел бы быть незамеченным, выходя из вашего дома. Могут быть разные толки... Наше свидание должно оставаться в тайне.

Борецкий на минуту задумался.

— Хорошо, ваше священство, я проведу вас другой дорогой. — И он открыл небольшую дубовую дверь направо от главного входа.

Гость и хозяин поднялись по крутой каменной лестнице, прошли несколько богато убранных комнат, опять вышли на такую же лестницу с другой стороны дома и спустились вниз. Сюда не проникали солнечные лучи. Помещение освещалось тусклым светом слюдяного фонаря.

Борецкий остановился перед тяжелой дверью, окованной железом, и снял висевший на стене фонарь.

К удивлению Шоневальда, дверь открылась сама. Он не заметил, как Борецкий повернул крюк, на котором висел фонарь.

Пахнуло сыростью.

— Нагните голову, ваше священство, — предупредил боярин и пошел вперед, освещая путь.

Это был подземный тайник, выходивший прямо на кладбище у небольшой деревянной церквушки. Место было глухое, редко посещаемое горожанами.

Когда Шоневальд следом за боярином выбрался наверх по узкому сырому ходу, он с удивлением увидел, что поднялся из могилы: тяжелое каменное надгробие, повернувшись, открыло выход из подземелья.

— Идите туда, — показал Борецкий. — За тем кустом бузины найдете небольшую калитку.

Попрощавшись, посол стал пробираться чуть заметной тропинкой и скоро скрылся в густом кустарнике. * * *

Неподалеку от хором боярина Борецкого жил степенной[10] тысяцкий, югорский купец[11] Кузьма Терентьев. Его большой деревянный дом утопал в зелени. Купец славился своим богатством и огромным фруктовым садом. Здесь остановился всадник, промчавшийся мимо дома Борецкого.

Соскочив с коня, он нетерпеливо стал стучать в калитку, ударяя тупым концом короткого копья.

— Отворяй скорей! — торопил он подошедшего старика сторожа. — Из самого Торжка с вестями прискакал. Беда тама.

— Успеешь. Спит Кузьма Саввич. Не добудишься, поди! — ворчливо ответил старик, громяхая запорами.

Всадник ввел взмыленного коня во двор и передал поводья сторожу.

— Возьми! — торопливо сказал он и бросился к дому.

— Кузьма Саввич, господине! — теребил гонец за плечо тысяцкого. — Кузьма Саввич!

Терентьев только кряхтел во сне и отмахивался, словно от назойливой мухи.

Наконец он, еще сонный, сел на постели и зло спросил:

— Кто таков, что надобно?

— Московских купцов в Торжке сгубили! — выдохнул гонец. — Тех, что хлеб продавали. Семь человек, как одну душу, а восьмой убег, на коне спасся.

Тысяцкий сразу проснулся.

— Квасу! — грозно рявкнул он.

В соседней комнате слышались торопливые шаги. Кузьма Терентьев, спустив на пол голые тонкие ноги, громко, с хрипом дышал, царапая пальцами волосатую грудь. Испив холодного квасу, тысяцкий пришел в себя.

— Убивцы знаемы? — спросил он, утирая полотенцем мокрую бороду.

— Не знаемы, господине. Двух злодеев на торгу стражники схватили, а уберечь не смогли: до смерти самосудом народ забил.

— Иди в трапезную, — сказал, не поднимая головы, Терентьев, — скажи, пусть накормят. А я подумаю.

Прошло совсем немного времени, и из дома тысяцкого побежали слуги ко всем знатным новгородским купцам. Терентьев звал их к себе немедля для важных дел.

Глава II. МОРЕХОД ТРУФАН АМОСОВ

Под лучами яркого летнего солнца туман, только что застилавший все вокруг, постепенно таял. Из его цепких объятий то тут, то там вырывались тяжелые ветви деревьев, покрытые свежей листвой. Показались деревянные крыши домов, многочисленные главы церковных куполов, древние, покрытые щелями стены крепости.

Туман редел, медленно растворяясь в утреннем воздухе.

Хлопнула где-то дверь, послышался громкий разговор, скрип колодезных ворот, по деревянной мостовой зашаркали ноги прохожих.

Теперь уже хорошо были видны бревенчатые стены домов, частоколы, каменная кладка церквей, темные бревна мостовых. Солнечные лучи прогоняли последние белесые полосы, притаившиеся по оврагам и западинам, запутавшиеся по дворам в густой зелени бузины и шиповника.

Дольше всего туман держался над рекой; сквозь него лишь угадывались смутные очертания мостов, соединявших большой город. Но вот еще немного — и туман совсем исчез, открыв взору разветвленное устье большой реки.

У истока реки Волхова, неподалеку от озера Ильмень, широко раскинулся Господин Великий Новгород. Софийская сторона на западном берегу и Торговая на восточном — части двуединого города — возникли в далекую, незапамятную старину. У самого Волхова, на пологом холме, высились каменные стены кремля — Детинца с башнями и узкими воротами.

За стенами кремля теснились разукрашенные главы древнего Софийского собора. В башнях, расположенных над воротами крепостных стен, ютились небольшие церквушки, перед которыми, торопливо крестясь, останавливались прохожие.

Разделившаяся на три конца — Гончарный, Загородный и Неревский, Софийская сторона полукружьем больших и малых деревянных домов обнимала Детинец. Трое ворот — на юг, на запад и на север — открывали горожанам дорогу под защиту каменной громады стен.

Ранняя заутреня отошла. Из многочисленных церквей, разбросанных каменными островками в большом деревянном городе, по узким, кривым улочкам растекались толпы богомольцев.

Молились горожане усердно: голодным был этот год в Новгороде. Прошлым летом полые воды затопили город, снесли восемь перегородей у Великого моста через Волхов, затопили дома, церкви, монастыри. Спаслись кто как мог — на деревьях, холмах; многие погибли. Холод зимы погубил людей еще того больше.

Наступило лето. Надежды жителей на урожай не оправдались. Начался голод: люди ели коней, собак, даже крыс. С голодом пришли болезни, быстро распространявшиеся по городу. Тысячи своих сынов похоронил Новгород, и многим еще угрожала смерть.

Именитый, потомственный купец-мореход Труфан Федорович Амосов, ведущий свою

родословную от далекого пращура, одного из основателей Иванского купечества, шел сейчас по Великому мосту. Старик двигался медленно, боясь оступиться на выщербленном лошадиными копытами настиле. Он осторожно обходил щели, сквозь которые просвечивал Волхов, кативший на север свои мутные воды. На мосту было пустынно и тихо. Лавки, прилипшие плотными рядами к перилам, пустовали. От бойкой торговли, процветающей здесь в прежние годы, не было и следа.

На набережной у причалов в хорошие годы отбою не было от крестьян, предлагавших прямо с карбасов, сойм[12] и лодий[13] хлеб и толокно, сухую рыбу и хмель, орехи, мед, соль и ягоды. А сейчас стоял десяток барок, груженных лесным товаром, и хозяева наперебой навязывали редкому покупателю то вязанку дров, то пук лучины, то куль угля.

Только на Буяне, набережной, что ниже моста, куда новгородские кормщики ставили лодьи с товарами иноземных купцов, было заметное оживление. Толпа закрыла от глаз Амосова корпуса прибывших с Ладоги кораблей.

«Большой караван, — подумал Амосов, считая мачты. — Летние гости ганзейские[14] пожаловали. Ко времени ли?»

До морехода доносился глухой рокот толпы, собравшейся у причалов; слышались злобные выкрики, перебранка. Обгоняя Амосова, прошли два горожанина-ремесленника.

— Убивец нашелся, — услышал Труфан Федорович резкий голос, — тот самый, что в Любеке купца Салова убил!

— Ишь ведь, признали! Что ж теперь, виру требовать? — сказал другой. — Ванюха-то, Салова сын, таковский, маху не даст.

— Кожу с зубов норвят ганзейцы содрать. Выходит дело, нам, судовщикам да носильщикам, даром на них работай. Уперлись на своем: что дедам вашим платили, то и вам платить будем.

Первый злобно выругался:

— Как есть свинья! Посади ее за стол, она и ноги на стел...

Купец не обратил особого внимания на слова прохожих. Требовать виру — плату родственникам за убитого — было обычным в те времена. Нередки были и жалобы на иноземных купцов.

Труфана Федоровича тревожило другое. «Почто степенной звал? — думалось ему. — Наказывал и часу не медлить. Неужто беда какая стряслась?» И старый мореход ускорил шаги.

Солнышко поднималось все выше и выше. Под его горячими лучами стали испаряться капли утренней росы на свежей зелени ветел, высаженных по обочинам бревенчатой мостовой, на траве, буйно разросшейся возле домов и по дворищам у церквей.

С наслаждением вдыхая утренний свежий воздух, пахнувший дымом домашнего очага, Амосов пробирался по узким улицам ремесленников. Тянулись бесконечные ряды кожевников, швецов, плотников, дощаников, седельников, сукновалов, веревочников. Великий Новгород насчитывал сотни ремесленных специальностей. Тысячи людей трудились над изготовлением товаров для торговли на обширной Новгородской земле.

Повернув на торговую улицу, где дома были побогаче и мостовая получше, Амосов подошел к крепким, высоким хоромам югорского купца-судовладельца Кузьмы Терентьева. Поднявшись по дубовому резному крыльцу, он постучался в тяжелую, обитую железом дверь.

Просторная горница была битком набита народом. Окна были плотно завешены: купцы собрались тайно. Две толстые восковые свечи в массивных кованых подсвечниках едва освещали бородатые насупленные лица. После резкого дневного света мореход не сразу распознал друзей и приятелей.

Поздоровавшись со всеми, Амосов подсел поближе к хозяину, освободившему местечко для почетного гостя.,

— В Торжке московских купцов зарезали, — шепнул мореходу хозяин. — Ночью гонец ко мне прискакал, вести привез. Теперь понизовского хлеба[15] нам как своих ушей не видать. Если здесь всех дел не решим — заморской торговле конец... Сынок твой, Олег Труфанович, слово держит, — добавил, помолчав, Терентьев.

Кивнув в ответ, Амосов захватил в ладонь бороду и стал слушать.

— Душит Ганза новгородскую торговлю, — продолжал прерванную речь Олег Труфанович, староста Неревского конца. — Без морского пути, без кораблей заморских торговле выгоды нет. Смотри ведь что задумали: нашим купцам за Котлин не ходить, кораблей заморских не иметь, а товары, какие надо, мы, дескать, вам на своих кораблях привезем и в Новгороде на своих дворах торговать будем.

Купцы негодуя зашумели.

— И наши товары, — повысил голос младший Амосов, — хотят на своих кораблях в Заморье возить, а ежели так — цены не мы, а они назначать будут; что захотят, то и дадут.

— А опричь всего, — раздался звучный бас, — норовят обмануть, мошенники. В сукнах недомер, в соли недoves. Товар худой, гнилье к нам везут. Только и судись с ними, будто других делов нету. Поперек дороги нам Ганза встала.

Все обернулись. На другом конце стола стоял иванский староста Никита Михайлов.

— Правда твоя! — снова зашумело купечество. — В Любеке навалом соль куда дешевле брать.

— Будем на своих судах заморские товары возить. Сколь к нам кораблей немецких с товаром приходит, столь и наших к ним.

Обождая, пока купцы успокоились, Олег Труфанович продолжал:

— Оружие, зелье, другое, что для войны надобно, немецкие купцы не везут, говорят: римский папез запрет наложил. А грабить наших купцов — на то есть папское благословение? Попробуй сунься в море — судно ограбят, а тебя враз живота лишат. Сколько народа разбойным делом промышляет, счету нет! Порядки свои завели: ежели омелилось судно у берега, ты ни в судне, ни в товаре не волен — отберут и суда не сыщешь.

— А посадник да господа про то давно ведают, а пользы от того нет! — снова громыхнул Михайлов.

Младший Амосов движением руки остановил Михайлова:

— Не кончил я... Господа[16] всю власть взяла. Золотые кушаки тайно от народа дела решают. Голодный сейчас народ — что уж лучше у своих, русских, хлеба купить? Нет, не то им надобно. Московских купцов ни за что в Торжке загубили, с ливонцами дружбу ведут, литовскому князю посулы дают. Разгневаается великий князь, закроет заставы, не только с товаром — и пустому не пройти.

Олег Труфанович остановился передохнуть. Молчания никто не нарушал. Купцы сидели смиренно и согласно кивали головами.

— Это не все. Золотые кушаки сейчас думу думают, как бы ряду[17] с Ганзою учинить. По той ряде пять лет ни одно судно новгородцев в заморье не выйдет, на том крест целовать хотят. А немецкие купцы за то хлеб привезти обещают.

— Не будет этого! — неожиданно хлопнул кулаком о стол старший Амосов. — Отцы наши, деды, прадеды на такой грамоте креста не целовали, и мы не будем!.. — От гнева его голос дрожал. — В разор пойду, а чести русской позорить не дам! Морская дорога божья — никто закрыть не может.

Тут купцы не выдержали — все разом повскакали с мест и закричали:

— Прав Амосов! Мы все за тобой! Не дадим морскую дорогу закрыть, не дадим!..

Кузьма Терентьев тщетно пытался унять разбушевавшихся гостей.

Неожиданно раздался громкий, настойчивый стук у крыльца. Купцы мгновенно затихли. Хозяин со свечой пошел открывать непрошеному гостю.

— Свой человек, господа купцы. Никола Воронин послал предупредить: народ бунтует, кричат вече ударить. Пусть сам расскажет... Говори, Спирия, — подтолкнул хозяин гонца.

Круглолицый молодец, с короткой шеей и выпученными глазами, трудно переводил дыхание.

— Немцы у Готского двора[18] седельника Семена Федорова сгубили... Сродственники купца Салова народ собрали виру требовать, а немцы пьяные шли — да в драку. Наши гнуть их стали, они подмогу крикнули. Из Готского двора немцы вооруженные выскочили, многих посекли, а Федорова насмерть...

Купцы молча переглядывались. Натужно дышал гонец.

— То нам на руку, — нарушил молчание младший Амосов. — Самое время с господой рассчитаться.

Он на минуту задумался. Пошарив в поясе, вынул пригоршню золотых монет.

— Ты, молодец, — обратился он к парню, — собирай ребят, пусть на вече ударят. Да погорластее ребят-то, да поболе. Что прикажу — пусть кричат. Пока вот это бери, а ежели по-нашему будет, всех одарим. Да погоди, — удержал гонца за рукав Амосов. — Грамоту хозяину отнесешь.

Он попросил у Терентьева небольшой отрезок бересты и костяной палочкой стал быстро чертить угловатые буквы.

— Смотри, чтобы в чужие руки не попала!.. — строго предупредил Олег Труфанович. — Ну, с богом, ступай.

Гонец мотнул головой — понял, мол. Ссыпал деньги в карман, а через минуту, дробно стуча подкованными сапогами, он скатился с крыльца и скрылся в переулке.

Когда затихли шаги посыльного, купцы вновь принялись обсуждать дела.

— Спасибо, Труфане! Трудное дело на себя берешь, — с поклоном сказал Терентьев.

Остальные купцы молча враз поклонились Амосову. Тысяцкий, подойдя к столу, высыпал все деньги из своего кошелька:

— Поможем на доброе дело, господа купцы. По очереди стали купцы подходить к столу и ссыпать деньги. Быстро выросла большая куча.

— Моих три лоды в Холмогорах. Возьми их, — говорит кто-то.

— Моих две.

— Я четыре даю.

Главное взял на себя Труфан Федорович. На морских лодьях он задумал привезти хлеб в голодный Новгород из Дании. Из полуночных стран по студеным морям должны были пройти корабли новгородского купца. Опасен и труден был этот путь, а впереди еще тяжелый поход по рекам, через дремучие северные леса к берегам Студеного моря.

Обойтись своими силами и без помощи Ганзы накормить новгородцев, не дать кабальным договором с немцами связать свою заморскую торговлю, открыть морскую дорогу на Балтике для своих кораблей — вот что объединило новгородских купцов и заставило их вступить в борьбу с Ганзой.

Теперь хозяин и гости напряженно прислушивались. Они чего-то ждали.

Первым загудел большой колокол Софийского собора. Набатный призыв мощным гулом разливался по городу. Почти враз ударили кончанские вечевые колокола.

Но купцы не тронулись с места, они ждали главного.

Наконец забили в набат на Ярославовом дворище. Призывные звуки старинного колокола были с пеленок знакомы каждому новгородцу. Как бы уступая власть старшему, умолкли все остальные вечевые колокола, а колокол на Ярославовом дворище все звал и звал. Купцы поднялись и вышли из дома. Они спешили вовремя попасть на сборище.

Торговая сторона, где исстари собирались новгородские горожане решать свои дела, быстро заполнялась народом. Люди бежали со всех концов города, с пригородов и посадов.

У торгового Славенского конца скопилась огромная толпа. Она занимала всю площадь между церквями. Запоздавшие располагались у самого берега. Многие бежали с оружием, на случай, если придется решать вопрос силой.

«Кто собрал вече?» — спрашивали друг у друга горожане, стараясь перекричать колокольный гул и шумевшую толпу.

Над сборищем проплывали знамена: главное — Великого Новгорода — и знамена пяти великих концов города. Появились степенной посадник и тысяцкий, торопливо пробирались сквозь толпу члены господы — старые посадские и тысяцкие, перепоясанные золотыми кушаками, и за ними важно шествовали кончанские старосты.

Толпа расступилась, пропуская знать к вечевой башне. Взойдя по ступенькам на помост, посадник махнул рукой — и колокол стих. Утихла понемногу толпа. Посадник поклонился в пояс и звучным, громким голосом произнес полагающееся по старинному обычаю приветствие вечу. Поклонился и тысяцкий, поклонилась господа. Народ ждал настоящего слова.

Наступила гнетущая тишина. Было слышно, как на крыше соседнего дома ласково ворковали голуби.

— Без нашего ведома собрано вече, — начал посадник, с беспокойством косясь на застывшую толпу. — Пусть говорит тот, у кого есть дело... Я спрашиваю, кто созвал вече?

— Не бывать ряды с Ганзою! — пронзил тишину чей-то резкий голос. — Ганзейские купцы не токмо в своих городах — на русской земле наших людей губят.

Сборище вдруг сразу стало шумным.

— Убивцы, душегубцы!.. — кричали в толпе. — Привести ганзейских гусей на вече!

— Не дадим закрыть морскую дорогу! На своих кораблях повезем товары в заморье! — раздалось с другого конца. — Доколь убытки терпеть?

Посадник понял, откуда дует ветер. Он мигнул глазом дьяку, стоявшему поодаль. Тот быстро скрылся, нырнув в толпу. Старые посадники и тысяцкие, перешептываясь, с беспокойством оглядывались по сторонам.

— На расправу ганзейских купцов!

— Громить их поганые дворы!..

Вдруг толпа стихла и, словно разрезанная ножом, расступилась, освобождая проход еще кому-то.

Показалось шествие: четверо горожан-ремесленников несли своего товарища. Подходя к вечевой башне, они опустили тело.

Круглолицый парень с короткой шеей, повернувшись к толпе, снял шапку. Шелест пронесся над вечем, тысячи людей обнажили голову. Сняли шапки побледневшие правители.

— Братцы, измываются еретики-немцы над Великим Новгородом — душу христианскую зазря загубили! Изрубили всего и места живого не оставили.

— У-у!.. У-у!.. А-а!.. — заревела толпа.

В общем гаме сначала ничего нельзя было понять.

— На расправу немцев!

— Жги дворы!..

Возбужденная зачинщиками, толпа зашевелилась, кинулась в сторону, готовая броситься к гостиным дворам.

— Стойте! — крикнул посадник. — Слушайте мое слово!

В городе голод, умирают наши дети и жены. Ганзейские купцы сулят вскоре засыпать хлебом Новгород...

— Долой посадника, он проданся Ганзе! — взревел вдруг детина с короткой шеей.

— Долой! Долой!.. — завопили в толпе.

— Наши купцы русского хлеба привезут!..

— Амосов старший хлебом посулился!..

— Почто от народа скрываетесь, тайно дела решаете?..

Голоса становились все настойчивее и громче. Толпа угрожающе напирала на вечерую башню, подбираясь к ступеням.

Улучив удобный момент, парень с короткой шеей прыгнул к помосту вечеровой башни и схватил за одежду растерявшегося посадника. Несколько человек бросились его защищать; другие с криком поспешили на помощь парню, и началась свалка.

На помост взбирается мореход Труфан Амосов. Толпа понемногу успокаивается.

— Слушайте люди новгородские! — раздается спокойный голос морехода. Он кланяется на все стороны.

— Пусть говорит, слушаем!

— Слушаем!

— Говори, Амосов!

— Задумал я на своих кораблях хлеб привезти, а с ганзейцами ряды не чинить. Купцы югорские, иванские в согласии... Прошу слова новгородского. Как скажете, братья?

— Не чинить ряды с Ганзой!

— Сидели голодом, потерпим еще!

— Согласны с Амосовым!

— Согласны, согласны!.. — завопила в один голос толпа. Амосов поднял руку — опять стало тихо.

— Дружина нужна из людей лучших, непугливых. Тяжел и опасен будет наш путь.

— Кого хочешь бери!

— Все согласны!

— За Новгород Великий и головы сложим!

— Эй, мореходы, выходи к Амосову!..

Вече закончилось временной победой купечества: простой народ поддержал его. Посадник был выбран новый, а о договоре с Ганзой госпде сейчас нельзя было и думать.

Глава III. ДВОР СВЯТОГО ПЕТРА

Прозвучал удар в било, что означало конец торговли. Купцы-ганзейцы заторопились, выпроваживая задержавшихся новгородцев. Слуги уносили многочисленные образцы

товаров, выставленные на день в лавках и амбарах.

Появилась ночная стража из купеческих слуг и учеников, вооруженная мечами и копьями. Загребели засовы на дубовых воротах, окованных толстым полосовым железом.

Как всегда, ровно в шесть часов вечера старшина двора, ольдерман Юлиус Мец, появился в дверях своего дома.

— Какие будут приказания, господин старшина? — обратился к нему один из стражников.

— Охраняйте как можно лучше двор. В городе неспокойно. Вчера на вече сменилось правительство, много кричали против нас, ганзейских купцов. Бог знает, что еще могут придумать эти новгородцы... — Ольдерман Юлиус Мец махнул рукой.

Ожидавший его знака слуга спустил с цепей десяток больших свирепых псов, наводящих страх на мальчишек Славенского конца.

Огороженный дощатым забором от русского населения, немецкий двор состоял из нескольких двухэтажных строений, в которых удобно располагались приезжавшие купцы. В этих же помещениях находились лавки и склады. Другие дома были заняты больницей, баней и пивоварней.

В центре двора помещалась католическая каменная церковь Святого Петра с глубокими погребями и пристройками для хранения товаров.

Двор был расположен в центре Великого Новгорода. С одной стороны, на Ярославовом дворище, рядом с которым жили немцы, новгородцы собирались на вече для решения своих внешних и внутренних дел; с другой — сосредоточивалась вся обширная новгородская торговля.

Близость церкви Ивана Предтечи облегчала общение ганзейцев с именитым новгородским купечеством. И в той же церкви тысяцкий разбирал тяжбы русских и немецких купцов.

Напротив немецкого двора находилась церковь Святой пятницы, покровительницы заморского купечества Новгорода, а по обе стороны от нее, ближе к реке Волхову, — Готский и Псковский гостиные дворы. Тут же, на берегу Волхова, протянулись главные корабельные пристани: Княжья, Псковская, Иванская, Ильинская, и начинался Великий мост, переброшенный через реку на Софийскую сторону, прямо к Богородицким воротам Детинца.

Свободно изучая и наблюдая жизнь новгородцев, немецкие купцы ревниво оберегали от русского глаза все свои дела. Древние правила Ганзейского союза затрудняли непосредственное общение купечества с новгородскими жителями и ограничивали доступ в гостиные дворы новгородским купцам.

Итак, двор быстро опустел. Только у дверей церкви Святого Петра несколько купцов и слуг провожали на ночное дежурство молодого немца-купца из Любека, Иоганна Фусса, и слугу одного из бременских купцов — горбуна Пруца.

Войдя в церковь и заперев изнутри дверь на тяжелые крючья, сторожа прислушались. Трижды со стоном в замке повернулся ключ. Шаги стали удаляться — провожавшие торопились передать ключ ольдерману.

Поставив подсвечник на выступ стены, обильно закапанный воском, Иоганн Фусс с интересом

осмотрелся: охранять церковь, да еще ночью, ему приходилось впервые. Церковь Святого Петра оказалась надежным и обширным складом для товаров ганзейских купцов: тут было использовано каждое свободное местечко.

На веревках, протянутых рядами вдоль стен, до самых сводов висели тюки с мягким товаром. Иоганн, глядя на упаковку, стал от нечего делать угадывать, что за товар в тюках.

«Тут фламандские сукна, — думал он, — самые лучшие в мире: ипрские, диксмюйденские и лангемарские. А это английские — безукоризненная выделка, не хуже фламандской».

Взглянув на большие черные тюки, Иоганн усмехнулся:

«Наше, немецкое сукно — толстое, грубое. Наверно, из Кельна или Ахена». Купец взял в руки свечу, нагнулся и стал рассматривать фирменные знаки.

Подойдя к мехам, он с удовольствием провел ладонью по драгоценным собольим шкуркам, приладил на себя дорогую соболью шубу и бобровую шапку, сшитые новгородскими ремесленниками. Вспомнив, что в алтаре хранится скра — правила для немецких купцов, проживающих в новгородском дворе, Иоганн Фусс решил взглянуть на древний документ. Лавируя между кругами воска, разложенными на каменном полу, кипами с тонким бременским полотном и фряжскими кружевами, слитками меди, олова, бочками с серой, купец пробирался к алтарю. Он с завистью смотрел на тяжелые дубовые бочки с романеей и мальвазией, с яблоками, на ящики со сладостями, окружавшие со всех сторон алтарь.

Тут же у алтаря небольшими кучками лежали драгоценные моржовые клыки; на их желтоватой кости издали были видны хозяйские клейма. Отодвинув в сторону весы с медными чашками, он вошел в алтарь. Большая толстая книга сразу бросилась в глаза — это была скра.

Положив ее поудобнее и поставив свечу, Фусс стал читать.

«За убийство старшина двора присуждает к смертной казни; за нанесение раны — к отсечению руки. Всякий вор как за большое, так и за малое воровство осуждается к позорной казни — виселице...» Фусс перевернул несколько листов.

«Штраф десять марок серебром, — писалось в другом месте, — платит сторож, допустивший русского только на первую ступеньку церкви... Запрещается торговать с русскими в кредит. Запрещается вступать с ними в компанию... Запрещается выносить со двора ключ от церкви... Штраф десять марок, если русский даже во дворе заметит церковный ключ...»

Купец опять перевернул страницу.

«...Одному запрещается выходить со двора, нужно по крайней мере вдвоем, но не с родным братом, или с компаньоном, или с собственным слугой...»

Запрещается... запрещается... штраф...

Иоганн Фусс отер потный лоб.

«О-о... — подумал он. — В этом Новгороде очень легко разбогатеть, но совсем не трудно за пустяк потерять голову!»

Позади звякнуло железо — купец обернулся. Слуга продолжал закрывать ставни. Его тень с горбом металась по кипам товара, по сводчатому потолку церкви, по алтарю.

Иоганну Фуссу показалось, что он слышит чьи-то шаги. Кто-то неторопливо поднимался из подвала по каменной лестнице; вход в подвал находился сразу за алтарем.

— Кто это? — испуганно спросил Иоганн у слуги, продолжая всматриваться в темный угол. — Ночью запрещается кому-либо находиться в церкви.

Горбун, будто не слыша, продолжал возиться у последней ставни, бормоча что-то себе под нос.

Из темноты возникла фигура человека в капюшоне и черной длинной одежде.

Удивление Иоганна Фусса было велико — он так и застыл с раскрытым ртом, не в силах вымолвить слово.

— Иоганн Фусс, — раздался глухой голос, — вас призывает на суд святая инквизиция.

— Меня?.. За что? — Купец покрылся холодным потом.

— Брат Пруц, — приказал тот же голос, — проводи к нам господина Фусса! — И незнакомец бесшумно исчез в темноте.

Горбун со свечой в руке подошел к растерявшемуся купцу.

— Пойдемте, сударь, — сказал он.

Видя, что Фусс не двинулся с места, слуга легонько подтолкнул его вперед.

Спустившись на несколько ступенек по сырой каменной лестнице, Пруц поднял над головой свечу, осветив крепкую дубовую дверь.

Взявшись за медное кольцо, Иоганн Фусс нерешительно отворил дверь и с трепетом переступил порог.

Подвал церкви Святого Петра служил для склада громоздких товаров. Войдя в него, купец очутился среди больших бочек с красным и белым вином и тяжелых пивных бочек. В конце подвала, на небольшой, свободной от товара площадке, стоял стол, покрытый черным сукном, а за столом сидели три монаха в орденских одеждах.

На столе было всего четыре предмета: в центре небольшое мраморное распятие, две высокие восковые свечи в бронзовых подсвечниках по сторонам и возле одного из монахов толстая книга с золоченым крестом на кожаном переплете.

Теперь Иоганн Фусс узнал всех троих: это были рижские купцы, только два дня как приехавшие сухопутьем из Лифляндии.

Ольдерман Юлиус Мец, вспомнилось Фуссу, долго не хотел пускать во двор рижан. А потом, получив согласие, они как-то сразу исчезли и больше не показывались на глаза.

— Вас обвиняет церковь в вероотступничестве, — пристально взглянув на купца, сказал сидевший посередине монах с красивым бледноватым лицом. — Святую католическую веру, насажденную здесь, на севере, кровью многих христиан, вы ставите в опасность.

— Я верую в святую римскую церковь... я... никогда... я...

— Ваши слова лживы, господин Иоганн Фусс. Вы совсем недавно нарушили запрет святейшего папы и обманным путем, в сельдьяных бочках, привезли оружие в Новгород и продали его нашим заклятым врагам — русским.

Монах замолк, наблюдая за купцом.

Ужас обуял Иоганна Фусса. Он понимал всю тяжесть своего преступления.

— Я думаю, вам известно, — продолжал монах, — что за тайный провоз оружия русским, кроме смертной казни и конфискации имущества, согласно папскому интердикту, вам предстоит вечное мучение на том свете... А я, смиренный монах Эйлард Шоневальд, постараюсь...

— Вы Эйлард Шоневальд?.. — Иоганн Фусс не верил своим ушам.

Имя Эйларда Шоневальда было хорошо известно любецкому купцу. Людей сжигали на кострах и пытали в мрачных монастырских застенках по одному слову этого человека.

— Да! — надменно ответил Шоневальд. — И я не допущу, клянусь вам мощами святого Доминика, чтобы запрет святейшего папы остался только на бумаге.

— Пощадите! — Купец рухнул на колени.

— Встаньте, Фусс! — Шоневальд не повысил голоса, но что-то в его тоне заставило купца повиноваться.

Иоганн Фусс поднялся и снова сел на ящик.

— А теперь отвечайте: вам известен русский купец Амосов?

Купец замешкался с ответом. Трясущейся рукой он поправил воротник.

Только сейчас Фусс заметил на коленях у Шоневальта большого черного кота. Допрашивая купца, инквизитор ласково гладил животное своей худой рукой с длинными пальцами. Его белая, выхоленая рука почему-то казалась купцу лапой большой хищной птицы; пальцы то сжимались, то разжимались, и у Фусса замирало сердце каждый раз, как они касались шеи дремавшего животного.

Как заколдованный, он не мог отвести глаз от этой руки.

— Не пытайтесь отрицать, вы только усугубите свою вину, — поспешил Шоневальд. — Нам известно, что именно Амосову младшему вы продали оружие и изрядное количество золота и серебра. Недаром вы три года учились русскому языку в семье Амосовых. Больше того, и после вы часто посещали дом этого купца. Попирая наши законы, вы бражничали у купца Смолкова, вашего давнишнего друга.

— Нет... Да, я ходил.

— Вы говорили Олегу Амосову, — безжалостно обличал инквизитор, — что забудете нашу истинную веру и примете русскую, если он выдаст за вас свою дочь. К чести Амосова надо сказать, он отказал вам.

Рука Шоневальда остановилась на шее животного, тонкие пальцы сжались. Купец вздрогнул.

— Пощадите! — со стоном вырвалось у него.

— Вы утверждали в разговорах со многими лицами, — неумолимо продолжал инквизитор, — что святые отцы церкви не имеют права владеть каким-либо имуществом, ссылаясь на Иисуса Христа и апостолов, которые якобы не имели никакого имущества.

Это было самое страшное обвинение.

— Это неправда! — крикнул в отчаянии купец. — Я не говорил этого! — Он закрыл лицо руками и затрясся в рыданиях.

— Молчать! — грозно прикрикнул Шоневальд. Глаза его сверкнули. Он поднялся, отшвырнул кота, кубарем слетевшего с колен. — Не притворяйтесь! Вы прекрасно понимаете, что костер для вас — самая легкая смерть... Так ли я говорю, братья? — обратился Шоневальд к монахам.

— Да будет наказан по заслугам проклятый еретик! — отозвался толстый монах, сидевший слева.

— Поступить с ним так, как принято поступать с еретиками по обычаю или как прикажете вы! — прозвучал глухой голос второго монаха.

Шоневальд успокоился. Лицо его приняло прежнее выражение приторной вежливости. Он опустил на скамью и несколько минут молча наблюдал за купцом.

«Ты, однако ж, не из храбрых, — думал он, — и будешь делать все, что прикажу я».

— Но если вы согласитесь отречься от своих убеждений, — вкрадчивым голосом начал Шоневальд, — и поможете святой церкви, сын мой, вас ждет прощение и великие милости.

— Я согласен! — радостно крикнул оживший купец. — Я согласен!.. — В его глазах светилось то недоверие, то надежда, то мольба.

Шоневальд кивнул одному из монахов.

— Повторяйте за мной слова клятвы слово в слово, господин купец, — поднявшись с места, торжественно произнес монах с лицом желтым и неподвижным, точно вырезанным из дерева.

Иоганн Фусс только сейчас, по глухому голосу, узнал монаха, приходившего за ним.

— Клянусь, — начал монах, — что я верую в своей душе и совести и исповедую, что Иисус Христос и апостолы во время их земной жизни владели имуществом, которое предписывает им священное писание, и что они имели право это имущество отдавать, продавать и отчуждать.

Иоганн Фусс повторил клятву.

— Теперь поклянитесь, что вы во всем будете помогать святой католической церкви и выполнять все поручения нашего ордена, соблюдая строжайшую тайну.

Иоганн Фусс произнес страшную клятву верности ордену.

— Теперь, — Эйлард Шоневальд показал купцу на ящик, — садитесь и слушайте. — Он недовольно посмотрел на своего соседа, непрерывно перебиравшего желтые янтарные четки, затем снял нагар со свечи, поставил ее ближе к купцу, осветив бледное испуганное лицо.

— Политика Ганзейского союза по отношению к Новгородской республике — это бездарная политика мелочных торгашей. Да, да! Здесь ради собственной выгоды забыто все! — Эйлард Шоневальд вскочил с места, сделал несколько шагов.

— Они, эти ганзейские купчишки, — как бы очнувшись от сна, вдруг заговорил толстый монах, — отобрали у бедного капеллана[19] даже его кружку святого духа для сбора подаяний в храме, алтарь превратили в хлев и... — Монах под взглядом Шоневальда сразу осекся и замолчал.

— Вместо того чтобы торговаться с новгородцами за добавку нескольких кругов воска, — снова раздался голос инквизитора, — или спорить из-за нескольких собольих мехов в придачу к дрянным беличьим шкуркам, надо было давно закрыть им дорогу на запад, к морю. На добрых католиков восточный ветер из Новгорода действует как несносный сквозняк. Поймите! — Шоневальд в упор смотрел на купца. — Новгородская республика никогда не уступила бы вам и на волос своих прав на море и была бы сейчас сильнейшим морским государством, если бы не споры с московским князем!.. Поймите это!.. — Инквизитор задохнулся от возбуждения. — Представьте себе, как бы выглядели мы, если бы московский князь защищал интересы новгородцев на суше. Они, прекрасные мореплаватели, заполонили бы наше море!.. — Шоневальд посмотрел на молчаливых монахов.

Толстяк, шевеля губами, продолжал безостановочно перебирать четки, другой монах сидел с закрытыми глазами, словно спал.

— Сейчас, как никогда, необходимо заставить новгородцев принять наши условия, — облизав сухие губы, продолжал инквизитор. — Как назло, русские оказались на этот раз несговорчивыми. Больше того, они задумали нанести удар нашей торговле. Мы узнали, что знаменитый купец Труфан Амосов, отец Олега Амосова, — Шоневальд строго посмотрел на Фусса, — учит против немцев других новгородских купцов...

Он очень опасный человек, запомните это, господин Фусс! Теперь Амосов спешно покидает Новгород. Мы должны разгадать тайный план русских. А вы нам поможете, господин Фусс!

— Чем я могу помочь, ваша милость?

— Вы узнаете, когда, куда и какой дорогой собирается ехать Труфан Амосов. Вы поняли меня, господин Фусс? Если же вы попытаетесь уклониться от нашего поручения, — Шоневальд повысил голос, — то ничто не помешает святой церкви поступить с вами так, как принято поступать с еретиками,

— Я буду стараться, ваша милость.

— Все, что вам удастся узнать, господин Фусс, не медля ни минуты, сообщайте доброму католику, священнику нашего ордена Пруцу.

— О-о!.. — вырвалось у Фусса.

Долго он пятился к выходу, кланяясь и бормоча благодарности.

На лестнице купца ждал со свечкой горбун Пруц. Он помог ему выбраться из подземелья и добраться до тюков у алтаря, на которых была приготовлена постель.

Накрывшись с головой куском шершавого кельнского сукна, Иоганн Фусс провел беспокойную ночь. Он просыпался от шумной крысиной возни по углам церкви, от хриплого голоса монаха, не перестававшего преследовать купца и во сне. * * *

После ухода купца Шоневальд с торжествующей улыбкой посмотрел на сообщников:

— Перепуганному купчишке никогда не вырваться из наших рук. Еще один верный слуга ордена в этом варварском городе.

Глава IV. ДОМ СВЯТОЙ СОФИИ

Владыка новгородский громко стонал во сне. Ему привиделась келья Вяжищенского монастыря, где он провел молодые годы. Но радости не было на душе, а сердце билось тревожно и часто.

Вдруг будто чья-то рука закрыла маленькое слюдяное оконце горенки. Свет сразу померк. Евфимию сделалось страшно, так страшно, как никогда не бывает наяву; ему чудилось, что кто-то еще есть в горнице. Незримый, он заставил шевелиться волосы на голове архиепископа.

Скрипя зубами, владыка протянул дрожащую руку и стал крестить что-то в темноте.

— Господи помилуй, господи помилуй!.. — повторял он не переставая.

Проснулся владыка в холодном поту. Кровь тяжелыми ударами билась в висках.

— Василий! — выдохнул он с хрипом. — Василий!.. У дверей что-то зашевелилось, темная фигура поднялась с пола и двинулась на Евфимия.

— Пить! — держась за сердце, попросил владыка.

Приняв из рук послушника серебряный ковш, он дробно стучал зубами о край его, будучи не в силах побороть трепетную дрожь.

«Страшен диавол, коли во сне привидится, — думал он, хлебнув воды и постепенно успокаиваясь, — и не открестись во сне-то».

— Собирай-ка, Василий, в церковь, сам сегодня буду служить, — вслух сказал архиепископ.

— Видать, грехов на мне много. Отмаливать надо.

Из церкви Евфимий вернулся спокойный и ласковый. Когда ему доложили о приходе Труфана Амосова, он велел звать немедля.

— Садись, Труфане, — приветливо сказал Евфимий. — С чем пришел?

— Благослови, владыка, на поход дальний. Евфимий молча ждал, что еще скажет купец.

— В Студеное море путь держу, на морской путь благослови.

— Рыбий зуб[20] добывать едешь на Грумант-остров, на Матку али еще куда? — допытывался Евфимий. — Ежели на Грумант, грамоту Федору-мореходу передай, что в Русской губе промышляет для святой Софии. На промысел отпустил в позапрошлом году.

— Другое задумал, владыка... — Купец замялся, словно раздумывая, говорить всё или нет. — Задумал я, — гордо откинув седую голову, сказал Труфан Федорович, — старину вспомнить: свои товары в заморье продать и товары заморские на своих судах в Новгород привезти. Нам хлебушек, доспехи бранные во как нужны!.. — Амосов провел ребром ладони по горлу. — Хочу хребтину ганзейским купцам обломать, дорогу морскую освободить! А не сможем, ганзейцы навеки нам ту дорогу, закроют.

Владыка, не перебивая, внимательно слушал.

— Добро задумал, Труфан Федорович, да хватит ли сил? — вступил он в разговор.

Амосов передал владыке, что решили купцы.

— Так, говоришь, заморских купцов югорские да иванские поддержали?.. И я благословляю. Правильное дело задумали — святой Софии, Новгороду поможете.

— Спасибо, владыка, отец родной ты нам! — Труфан Федорович опустился на колени перед архиепископом.

— Встань, Труфан Федорович! — Владыка старался поднять купца. — Встань, говорю! — И он усадил его на лавку рядом с собой.

Старики посидели молча.

— Однако одним мореходам дела не сделать, — после раздумья начал Евфимий. — Дело большое... Мои люди, — оглаживая бороду, медленно говорил он, — на торгу, два дня назад, аглицким и донским купцам' едва жизнь уберегли. Немцы с Готского двора с ними свару завели, до ножей дело дошло. А когда спрашивать стали немцев, почто гостей обижают, те говорят: нам одним-де с вами торговать можно, а англичанам и донским в Новгород ходу нет.

Евфимий, прищурясь, посмотрел на Амосова:

— Ты как, Труфан Федорович, мыслишь?

— Негоже Великому Новгороду такое терпеть! — возмутился купец. — Видать, мало немцев учили. Не они — мы своей торговле хозяева: с кем похотим, с тем и торговать будем. А божьи рыцари иноземных купцов — тех, кто в Новгород сухопутьем торговать идет, бьют, в ямы бросают, а то и вовсе насмерть.

— Нам давно воровство ганзейское ведомо, — отмахнулся владыка, — да не о том речь... Известно, донской король ныне с Ганзой в ссоре и всегда нам в том деле помощь окажет, кое для Ганзы вредно.

Амосов внимательно посмотрел на архиепископа, стараясь до конца разгадать его мысли.

— Не заслать ли, Труфане, послов от купечества к донскому королю? С донскими купцами [21] торговать будем, а ганзейцев прочь. Пусть из вторых рук разживаются. Тогда и узнают, каково обманом жить... Послов тайно отправить надо, — тем же спокойным, тихим голосом продолжал владыка. — Ежели немцы прознают — перехватят в пути, убьют... Вот и выйдет, Труфане, пока ты морем плывешь, тебя донские купцы ждать будут... Что ты, прости господи, глаз на меня вылупил, словно видишь впервой? — шутливо закончил Евфимий.

Увидя, что единственный глаз Амосова помутнел и крупная слеза скатилась в седую бороду, новгородский архиепископ крепко обнял купца.

— Иди. Для Великого Новгорода и святой Софии подвиг твой, для всей Руси, — сказал Евфимий, широко благословляя Амосова. — Да будет тебе удача!

Старики обнялись и расцеловались.

— Труфане, да есть ли сила в тебе? — шутил архиепископ. — Знаю, годов много — скоро век живешь, Труфане!

— До века еще двадцать лет доспевать, — весело отозвался Амосов. — И сил еще хватит! — Он выпрямился, высокий, широкоплечий.

— А ведь и вправду будто молодой, — глянул на Амосова владыка.

В эту минуту Труфан Федорович услышал шум и поднял голову. Из часов, построенных, как скворечня, выпорхнула небольшая деревянная птичка и, трепеща крылышками, откуковала десять раз.

Видя удивление купца, Евфимий развеселился.

— Что, хороша вещь? — улыбаясь, спросил он. — Кузнец-замочник с Лучковой, Павел Овечка, сделал... А мне пора, — вдруг заторопился владыка.

Он вспомнил, что сегодня приемный день и прием должен начаться сейчас.

— Я пойду, Труфане, а ты здесь посиди, тебя позовут.

Когда Амосов вошел в большую красивую палату, он не узнал Евфимия.

Владыка сидел в конце большой гридни на массивном белом стуле, вырезанном из моржовой кости. Работа была необычайно красива. Стул был словно кружевной, а на тонком полотне кружева выделялись изображения воинов в полном вооружении. Стул был отделан золотом, а на спинке, по краям, высились два золотых креста на больших золотых шарах.

Архиепископ Великого Новгорода был в полном облачении. Белоснежный клобук украшал голову старика. По правую и по левую руку владыки толпились люди: по правую — черное и белое духовенство[22] а по левую — степенные посадник и тысяцкий и десятка два старых правителей в золотых кушаках.

На другом конце комнаты, вместе с Амосовым, стояли купцы, ремесленники и разные житые люди. Через всю гридню лежала бархатная зеленая дорожка.

Все стояли, один владыка сидел на своем белом стуле. Старый посадник Кузьма Овинов читал грамоту за двумя свинцовыми печатями. Окончив чтение, Овинов сказал:

— Как скажешь, владыка?

— Наказать вятичей строго, — сказал Евфимий, — пусть почитают старших. И другим неповадно будет.

Из толпы старейшин с золотыми поясами вышел боярин Роман Игнатъев и громко сказал:

— Пльсковичи потоптали старину нашу. В прошлую пятницу у вечевой башни сожгли на костре четырнадцать женок за ведьмовство, а вина их в том, что травы на потребу людей собирали, сушили и продавали. От недугов травы те. Как скажешь, владыка?

Евфимий не сразу ответил.

— Феодор, — после раздумья позвал он казначея, — пошли в Пльсков человека про то сыскать, за что женок пожгли. Пусть посадник отпишет.

— Я пять дней жду, владыка! — раздался вдруг голос рядом с Амосовым.

Труфан Федорович обернулся. Плотный, высокий человек, по обличью мореход, выступил вперед:

— Выслушай, владыка!

— Говори.

— Я двинянин, — начал мореход. — В Холмогорах подель[23] у меня, лодьи да кочи[24] заморские строю и промысел на морского зверя держу. Одна из лодей моих, с кормщиком Тимофеем Лысуном, пять годов дома не была; думал — сгибла... А в прошлом годе вернулись мореходы.

— Не дивно то... — начал было говорить стоявший подле владыки боярин.

— Пстой! — сделав рукой жест, словно отстраняя боярина, перебил двинянин.

Он сделал еще шаг вперед и вынул из-за пазухи свиток пергамента:

— То не дивно, что лодьи пять годов дома не было, а дивно вот что... — И двинянин развернул пергамент.

— Ближе подь! — позвал владыка.

Двинянин шагнул еще. Теперь он держал свиток перед самыми глазами Евфимия.

— Вот здесь, — громко сказал мореход, — Матица земля, здесь река Обь, а тут человеки мангазеи живут. И зимой и летом море торосьем великим наполнено, но, ежели знаючи, тут вот рынчарой,[25] — он пальцем повел вдоль жирной черты, изображавшей берег, — можно в меженное время[26] лодьей али кочем плыть. Тут река великая, возле нее кости моржовой не счесть. Дале еще река есть, и везде моржовой кости много...

Двинянин взглянул в глаза владыке:

— Тимофей Лысун здесь впервой зимовал, кости моржовой собрал и в десять лодей не укласть. В другое лето он на восхсд солнечный той рынчарой сплыл.

— А ежели кормщик Лысун моржовой кости набрал столь, что лодье не вместить, зачем он дальше поплыл, почему домой не вернулся? — любопытно спросил Евфимий.

— Незнаемое, знать, потянуло. Да разве мореход, коли дорогу морскую в неведомые края увидел, повернет в обрат? Что ты, владыка! — удивился двинянин.

Евфимий улыбнулся.

— Ну, далее сказывай! — Видно было, что ему понравился ответ промышленника.

— Еще одно лето шел лодьей Лысун берегом, еще много малых рек и пять великих видел. А лесу стоячего нигде нет, не растет там лес. В местах этих, — двинянин вел пальцем по карте, — ежели ветры горные дуют, торосья далеко в море уносит. Везде морского зверя видимо-невидимо и заморской кости не счесть. Тут второй год зимовал Лысун. — Он показал на карту. — Следы многих людей здесь встречены, и людей Лысун видел — однако, мирные люди и наших не тронули... На третье лето Лысун снова на восход плыл. И здесь вот, — двинянин повысил голос, — кормщик в теплое море-океан вышел. А напротив этой земли другая великая земля лежит, и леса там растут всякие, словно здесь у Великого Новгорода. И реки большие есть, и наша рыба в реках живет.

Бояре и духовенство окружили промышленника, подошел и Амосов. Все с любопытством разглядывали морской чертеж.

— Кто чертеж писал? — не удержался Труфан Федорович,

— Лысун-кормщик, — ответил двинянин, — обучен сему художеству.

— Много ли людей сгибло? — спросил Евфимий, думая о чем-то.

— Один, на той земле похоронен. Носошник[27] Степан Гвоздь. Наши там часовенку поставили, избенку, да тыном всё обнесли.

Владыка выпрямился и строго оглядел собравшихся. Потом поднял глаза на расписной потолок гридни.

— Слава тебе, господи! — торжественно сказал он. — Благословил ты народ русский новыми

землями, реками и морями. Покорил ты те земли вере христианской, языку русскому, а власти новгородской... Артемий Дмитриевич, — обратился владыка к посаднику, — надо клич кликнуть: сто семей новгородских охочих в те земли звать... Построй десять лодей больших заморских для божьего дела, — обратился он к двинянину. — Из десятины нашей епископ в Холмогорах тебе воздаст. Грамоту у отца Феодора возьми. А я хлеб, рыбу соленую и другое, что надобно, из своих запасов дам.

Все молча поклонились, соглашаясь с Евфимием.

— А охочие люди найдутся: не сладко новгородцам сим годом, голодно. Уж сколько народа в полуночные страны ушло...

Послышался шум в дверях. Какой-то человек в мокрой, разорванной одежде, с кровавыми отметинами на лице протолкался вперед и упал на колени перед Евфимием:

— Владыка, защити нас от хлопей наших. Суда твоего прошу!

— Встань! — ответил новгородский владыка. — Поведай, на кого суда просишь?

Человек поднялся с колен, оставив на полу лужу грязной воды.

— Степашка-кожевник, — начал он, всхлипывая, — наймит мой, схватил меня, господаря своего, и на вече поволок. На вече вопить стал на меня облыжно. Народ черный, худые вечные мужичонки[28] меня казнить порешили да, окромя того, били, кости намяли, а баба... та все в морду норовила, видишь, всего оцарапала... — Боярин громко заревел.

На него зашумели:

— Перестань орать, дело сказывай!

— На мост Великий привели да с моста в Волхов, — плаксиво говорил боярин. — И вовсе было тонуть стал, да рыбак Личков, сын с Людинова конца, спас — на свой челн из воды вынул... Теперь вот в чужой одежде скрываюсь.

— Поведай нам, боярин, — участливо обратился к пострадавшему владыка, — на вече Степанько что на тебя кричал?

— Облыжно кричал... — начал было боярин.

— Да ты говори делом! — оборвал его казначей Феодор. — Правду говори, ежели владыка спрашивает!

— Да я... он кричал... будто я... — боярин запнулся, — будто я женку его скрал и у себя дома держал. Ложно то.

— А кака женка тебе на вече рожу поцарапала? — смекнул, в чем дело, владыка. Он сразу посуровел. — Ты правду сказывай, а то велю приговор справить — будешь уху в омуте хлебать! Не пожалею... Была у тебя женка Степанькова дома?

— Была, — пряча глаза, сознался боярин.

— Была? А для чего тебе надобно чужих женок дома прятать, — своя-то есть небось?

— Есть, владыка милостивый, есть...

— Нехристь, в поганстве живешь! — загремел Евфимий, приподнявшись с кресла. — Язычник. Нет тебе моего прощения! — Старик разошелся и поднял посох.

Боярин, оставляя мокрый след, быстро отполз в толпу и, поднявшись на ноги, стал хорониться за спинами.

— А хитер бобер! — насмешливо заметил кто-то, — Вчерась в Волхов бросили — до седня и обсушиться не успел. Видать, недавно холопы из ушата окатили. Ну и боярин Божев.

Многие улыбались в бороды. Всем был известен строгий нрав владыки.

Евфимий опустил в кресло и долго молчал, шевеля губами.

К нему подошел степенной тысяцкий Кузьма Терентьев.

Бесстрастным голосом он стал рассказывать Евфимию о голоде и болезнях в Новгороде:

— ...Многие новгородцы ради спасения души своей бегут в монастыри — ближние и дальние, бегут в страны полуночные. Сильные слабеют, владыка, слабые мрут.

Тысяцкий приостановился и, вынув берестяную грамоту, приблизил ее к глазам:

— А мертвых тел по городу много: только в одной скудельнице,[29] что на Прусской улице, — три тысячи. А кроме этой, на Людинцевой улице да на Колене, что твои люди строили, — полны...

Владыка сидел с закрытыми глазами. Трудно было понять, спит он или бодрствует. Сейчас, посмотрев на восковое лицо владыки, покрытое глубокими морщинами, Амосов подумал: «Немного ему жизни осталось: кровинки на лице нет».

Тысяцкий закончил свой доклад и отошел на прежнее место.

Из толпы старых посадников вышел грузный, высокий боярин со шрамом на лице от сабельного удара.

Опашень[30] ярко-синего цвета красиво охватывал могучую грудь поседевшего под шлемом воина, покрытую короткой кольчужной рубахой. Привычной рукой оправив короткий меч на широком поясе, он подробно стал рассказывать о военных приготовлениях и войнах в соседних странах.

Владыка сидел в неизменной позе — откинув голову и закрыв глаза. Только когда старый посадник стал рассказывать о нескольких тысячах язычников, которые, находясь в осажденном городе и не желая сдаться в плен крестоносцам, заживо сожгли себя, веки Евфимия дрогнули и глаза открылись.

— Хуже язычников, — внятно произнес владыка, — божьи рыцари, собаки! — и снова закрыл глаза.

Старый тысяцкий, ведающий градостроительством, постройкой церквей, мостовых, колодцами и городским водопроводом, сообщил, что по просьбе великого князя в Москву отправлены двести каменщиков.

Голова владыки чуть заметно качнулась, словно утверждая сказанное.

Место у кресла владыки занял казначей Феодор. Он долго и нудно говорил о хозяйственных делах Софийского дома. До слуха Труфана Федоровича донеслось перечисление разных мехов, моржовых и тюленьих шкур, рыбьего зуба, рыбы и других товаров из стран полуночных.

Наконец казначей закончил читать списки и другим, громким голосом сказал:

— Владыка, иноземные купцы видеть тебя хотят!

Глаза владыки раскрылись. Лицо сразу ожило. Взглядом умных, пронизательных глаз он обежал присутствующих, словно отыскивая кого-то.

«Поживет еще владыка, — подумал Амосов, поймав острый взгляд старика, — поживет: в глазах силы много».

— Зови, отец Феодор, — разрешил владыка. Казначей сделал знак, и два воина с секирами, стоящие по сторонам двери, распахнули ее.

— Труфане, — позвал владыка, — стань ближе да слушай лучше!

Амосов подошел и встал у кресла Евфимия. Владыка больше не закрывал глаз и наблюдал, как группа людей в иноземных одеждах приближалась к нему. Казначей, наклонившись к владыке, шептал:

— Аглицкие гости, доньские, фландрские, из Генуи, персы, арабы, армяне, евреи, бухарские купцы.

Владыка кивнул головой и потом, в свою очередь, что-то шепнул казначею. Феодор отошел в сторону и скрылся в толпе.

Из труппы купцов вышел вперед один, в черном бархатном платье с кружевным воротником. Держа в руках большую шляпу с пером, он поклонился владыке.

— Каких земель гость? — спросил тихо владыка у Амосова.

— Аглицкой, — ответил Труфан Федорович, став совсем близко к Евфимию.

Купец витиевато и длинно приветствовал владыку от себя и других купцов и, окончив, еще раз поклонился и смолк.

Толмач, младший вечевой, дьяк Гаврила Конь без запинки переводил английскую речь. Бесстрастное лицо владыки не выражало ничего, кроме, может быть, усталости. Черный провал глаз, беззубый старческий рот подчеркивали глубокую старость Евфимия.

— Скажи аглицкому гостю — не государь я Господина Великого Новгорода. Народ новгородский сам своими делами государит... — Владыка передохнул. — Пусть говорит купец, — снова обратился он к толмачу.

Держа в руках большую шляпу с пером, купец поклонился владыке.

Английский купец начал издалека. Он рассказывал о своей стране, о богатствах ее, о великом числе городов, о множестве народа, о сильных и смелых воинах, о больших морских кораблях и опытных мореходах.

— Не слыхано о мореходстве вашем, — вдруг перебил толмача Евфимий. — А по земле новгородской храбрых мореходов, что песчинок на морском берегу.

— Нам известно о доблестных мореходах Великого Новгорода, — почтительно согласился купец. — И тем не менее прискорбно, — добавил он, — что морская дорога к Новгороду закрыта. И не только купцы других стран, но и сами новгородцы вынуждены торговать через немцев, кои захватили море в свои руки. Вашим купцам приходится торговать в убыток.

— Любецкие купцы нам хвалились, — снова вступил в разговор владыка, — будто они у вас лису за грош покупают, а лисий хвост за талер вам же продают. Стало быть, не так новгородцам, как вам Ганза поперек горла стала.

Засмеялись новгородцы, засмеялись, заулыбались иноземные купцы. А англичанин продолжал:

— Мы все хотим, чтобы новгородцы торговали по-прежнему, по старине. Здесь у вас сходятся товары с востока и с запада, и путь морской для всех купцов должен быть свободен.

Иноземцы возгласами одобрения встретили слова англичан.

Все ждали ответа. Евфимий молчал. Он опять закрыл глаза. Купцам показалось, что владыка заснул, и они стали переглядываться между собой.

— Мы хотим помочь вам: аглицким, доньским купцам, всем заморским торговым людям... — вдруг сказал владыка и обвел собравшихся удивительно ясными глазами. — Этим годом мы решили свои товары продавать в доньской земле, там же покупать товары и вести их в Новгород. Если доньской король и доньское купечество поприветят наших гостей, будем так делать и впредь.

— Да, да, мы будем просить короля за новгородских купцов, — в один голос отозвались датчане.

— Мы боимся, что Ганза помешает вам это сделать, — снова выступил вперед англичанин: — море полно пиратов; немецкие купцы закроют на крепкий замок Неву. Как думаете вы туда доставлять свои товары? Каким путем?

— Об этом пусть думают наши купцы, — уклончиво ответил владыка. — Новгородские мореходы исстари свои корабли по всем морям водят и разбойников сумеют унять. А мы со всеми странами в мире жить и торговать хотим.

Владыка кивнул в сторону вернувшегося казначея. Тот подал знак, и двое слуг внесли большую корзину, покрытую красным шелком. Поставив корзину на пол у ног владыки, слуги сняли покрывало.

В корзине лежали моржовые клыки больше полпуда весом каждый. Торцовая часть клыков была отделана золотом, там стояла надпись «Господин Великий Новгород».

— Владыка Великого Новгорода Евфимий одаривает вас драгоценным товаром полуночных стран — зубом морского зверя, зовомого моржом, — сказал казначей.

Купцы брали невиданные гигантские клыки и, по очереди подходя к владыке, кланялись и благодарили.

Как только дверь за иноземными купцами закрылась, владыка, подзвав Амосова, встал и, тяжело опираясь на посох, вышел в свои покои.

Глава V. МЯТЕЖ

Утром Амефа, Степанькова жена, прибежала в темный амбар, где работал староста кожевников Афоня Сырков.

Спотыкаясь со света о сырые смрадные кожи, кучами наваленные на земляном полу, Амефа подошла к первому от дверей работнику, который что-то ворочал в дубовом чану длинной слегой.

— Где Сырков работает? — шепотом спросила Амефа.

С трудом раздвигая тяжелые кожи, молодой парень всем телом налег на толстый конец слегы. Услышав шепот, он перестал работать и взглянул на молодую красивую женщину. Парень хотел было заговорить с ней, но раздумал и молча указал на дальний угол.

Там, у светильника в две лучины, согнулся над растянутой кожей плотный мужчина с широкой рыжей бородой, Амефа подошла к нему и, не говоря ни слова, остановилась. Огонь светильника освещал суровое лицо с крупными чертами, нависшие густые брови.

— Чего тебе? — строго спросил он, не дождавшись слова от женщины. Подняв голову и увидев блестящие на глазах Амефы слезы, он уже мягче добавил: — Ну, ну, рассказывай, женка, с чем пришла, плакать потом будешь.

— Степанька ночью увезли, прямо с постели взяли божевы люди, — быстро проговорила Амефа, умоляюще глядя на рыжего мужика. — Мучит его боярин, грозится глаза выжечь.

Афоня Сырков, собираясь с мыслями, медленно вытирал руки о фартук.

— Откуда тебе боярские посулы ведомы? — строго спросил он. — Мертв ведь боярин. Вчера с моста вечники бросили, сам видел.

— Божевский холоп поведал. Я за мужем до самого двсра бежала, у ворот боярских ждала. А Божев-то жив-здоров — рыбака его спас.

Амефа громко зарыдала, отвернувшись в темный угол.

— Подь сюда, ребята! — крикнул староста. — Бросай работу!

Люди быстро собрались возле Сыркова.

— Ну-ка, женка, обскажи мужикам, что мне поведала, — начал было Афанасий, но в это время за стенами сарая послышались торопливые шаги и громкий возбужденный разговор.

— Афанасий Иванович, — крикнул кто-то, войдя в амбар, — где ты, милай? Ишь ведь темень какая, со свету-то ничего не разглядишь!

В сарай один за другим вошли несколько человек.

— Проходи сюда, ребята! — откликнулся Сырков. — Здоров будь, Тимоха! С чем пришел, кого привел?

— Ну и дела! — начал человек, названный Тимохой. — Ну и дела, Афанасий Иванович! Бояре наши супротив старины, супротив веча идут. Всем народом, кажись, вчера Степанька и Божева судили! Вечный приговор был боярина смерти предать. Всем миром с моста бросили. Ин дело-то как обернулось: боярин живой, здоровый, а Степанька на чепь посадили.

— Знаю, вон женка Степанькова плачет, — сказал Сырков и показал на рыдавшую в углу женщину. — Она мне все обсказала.

Тимоха и остальные, разглядев Амефу, запустили пятерни под шапки.

— А хозяин наш Божев, — продолжал Сырков, — он, слов нет, зверь. В Волхове ему самое место. Он и плюнуть-то на пусто место николи не плюнет, а все, глядишь, в горшок либо в

чашку.

— Зато обычай у него добр: когда спит — без палки проходи смело, — добавил кто-то. Все засмеялись.

— Вот что, ребята, — как-то сразу решил Сырков: — кончай работу. Степанька выручать надо... Ты, Ванюха, ты, Федор, ты, Илья, — строго продолжал Сырков, — к дворищу поспешайте. Тимоха у вас за главного будет. На вече в колокол ударьте. А ежели вечный дьяк мешать будет — по шеям тогда дьяка. Ну, с богом, ребята!

Афанасий Иванович Сырков снял шапку и долго так стоял, не говоря ни слова.

И снова колокольный звон встревожил горожан и поднял галок и голубей, тучами взлетевших над городом.

Вече было бурное. Житые и черные люди яростно наступали. Из толпы кричали немедленно выдать Степанька, казнить боярина Божева. Требовали правого суда по русскому обычаю.

— По крестному целованию судите, — кричали горожане, — по два боярина, по два житых с каждой стороны.

— Доколь терпеть будем? Великим князьям своеволить не дали, так своим боярам и подавно не дадим.

Вече кое-где стало переходить в рукопашные схватки, зазвенело оружие, появились раненые и убитые. Бояре и богатые купцы побежали с веча укрываться в своих дворах.

Озверевшая голодная толпа двинулась на Софийскую сторону. Многие горожане были в доспехах и с оружием. Словно бурливая река разливалась по улицам и переулкам Софийской стороны. Ворвавшись на Козьмодемьянскую улицу, народ прежде всего взялся рушить двор Божева. Богатые хоромы вмиг разнесли по бревнам. Не найдя ни боярина, ни Степанька, толпа двинулась дальше — на Яневу, Людинцеву и Люгощу улицы.

— Братья, други, — надрывно кричал кто-то, — в Никольском монастыре житницы боярским зерном полны!

— Дети дома голодные! — поддержали в толпе женские голоса.

— Давай в монастырь за хлебом!

— В монастырь за хлебом! Почто боярский хлеб прячут?

Горожане по призыву женщин ринулись к монастырю и, сломав ворота, стали выгребать из монастырских житниц зерно. На монахов, хватавших за руки и умолявших не трогать хлеб, не обращали внимания.

— Посидишь голодом, не помрешь! Ишь ведь пузо отрастил!

— Наши дети голодные плачут, а мы на вас смотреть будем?

Опустошив монастырские кладовые, толпа двинулась на Прусскую улицу.

Афанасий Сырков, шедший впереди всех, вдруг остановился. Он не верил своим глазам. Навстречу толпе шел Степанёк, его вели под руки два монаха.

— Степанька ведут, Степанька ведут! Стой, ребята!

— Степанька ведут... — вторили в толпе. Люди остановились.

— Смотри, смотри, Степанёк-то еле ноги переставляет. Замучили человека душегубы!

Монахи подвели Степанька к Афанасию Сыркову.

— Владыка велел боярам Степанька выдать, — сказал один из провожатых. — Смиритесь, люди добрые! — добавил монах. — Зачем кровь проливать? Разойдитесь по домам!

В толпе заколебались. Но в этот момент Степанёк, оттолкнув провожатых, шатаясь, пошел на толпу.

— Обезглазил меня боярин Божев! — неожиданно громко сказал он. — Заступитесь, покарайте злодея!

Отчаянный женский вопль ударил по сердцам горожан. Толпа вздрогнула и рванулась вперед.

Глава VI. БОРЬБА НАЧИНАЕТСЯ

Труфан Федорович один из первых покинул вече. Он знал, что недаром под плащами у многих горожан спрятаны боевые доспехи и, судя по возбуждению, охватившему собравшихся, ждать кровавой расправы оставалось недолго,

С трудом пробравшись сквозь плотную стену толпы, старый мореход направился на Софийскую сторону. Там, на Прусской улице, доживала свой век старая деревянная церквушка. Еще дед Труфана Федоровича воздвиг ее, благополучно возвратясь домой с далеких походов на реку Обь.

Церковь была о двенадцати главах, когда-то золоченых. Построил ее знаменитый в то время плотник одним топором, без единого железного гвоздя. Внизу, под церковью, был сооружен обширный подвал из камня-ракушечника; в нем, бережась пожаров, Амосовы прятали свое имущество. Тут же, в церковном саду, густо заросшем высокой травой и кустарником, Амосовы хоронили членов своей семьи, а в церкви крестились, венчались и отпевали покойников.

Труфан Федорович торопился в полуночные страны и на завтра окончательно распорядился с отъездом. А сегодня он хотел поговорить с послами Иванского купечества, которые, по совету владыки, должны были доставить грамоту датскому королю. Путь, предстоявший купцам, был нелегкий: он проходил через земли, враждебные русским. Но такие опасные походы были не редкостью для купечества того времени. Каждый раз, собираясь в путь, новгородский купец брал с собой оружие. И не только он, вооружались и слуги, составлявшие его дружину. Постоянно рискуя своей головой, подвергаясь различным невзгодам, купец закалялся, привыкал к опасностям и становился сильным воином, отлично владеющим оружием.

Труфан Федорович вспомнил подробности вчерашнего совета старейшего новгородского купечества, на котором выбирались послы.

«Молодцы ребята, — думал он, — для дела себя не пожалели! А люди надежные, с умом, должны бы и в доньскую землю дойти и в обрат вернуться».

Глянув на закрытую дверь церкви, Амосов подошел к небольшой пристройке, прислонившейся к древней церковной стене. Тут жил старый поп отец Сергей со своей внучкой.

— Господи Иисусе Христе, боже наш, помилуй нас! — громко сказал мореход, стуча в дверь.

— Аминь! — раздалось в ответ.

Дверь открылась, и на пороге показалась девочка с рыжими вихрами и лицом, часто усыпанным веснушками.

— Труфан Федорович! — радостно воскликнула девочка, — А дедушка вас утресь еще ждал...

В этот миг из-под ее ног выскочил на улицу молодой петушок и, задорно взмахнув крыльями, пропел хриплым голосом свою песню. Девочка стремглав бросилась за петухом и словчилась ухватить его за хвост, но не удержалась на когах и упала на мостовую.

Петух с тревожным клекотом вырвался, оставив в руках своего преследователя несколько перьев, и с испугу взлетел на ограду.

— Кыш, кыш! — поднявшись, замахала на него руками девочка.

И, когда петух слетел в церковный сад, сказала Амосову:

— Хорошо, народа на улице нет, а то не видать бы нам боле кочетка.

Приласкав ребенка, Амосов подошел под благословение отца Сергея.

Поп был одет по-домашнему: в холщовой рубаше, в таких же штанах, заправленных в белые шерстяные чулки, и без обуви.

— Садись, садись, Труфане! — приветливо приглашал он. — Садись, голубь, совсем старика забыл. Амосов устало опустил на широкую лавку.

— Пошто пожаловал? — Отец Сергей посмотрел на морехода и, не ожидая ответа, снова сказал: — Сними опашень свой — полегчает, голубь.

— Люди должны сюда подойти, отче, — ответил Амосов, — купцы наши. В дорогу проводить надо. Так ты братину меду хмельного на стол подай. Есть ли?

— Есть, есть, Труфане, как не быть!.. — засуетился старик. — Любаша, — обратился он к девочке, — сбегай, голуба, в погреб, медка принеси. На вот, — он протянул ей связку ключей с затейливыми бородками, — этим отмыкай, да не балуй, озорница.

В дверь еще раз постучали.

— Господи Иисусе Христе, боже наш, помилуй нас! — донесся приглушенный голос.

— Аминь! — звонко отозвалась девочка, открывая дверь.

Пригибая голову, в горницу вошли три человека. С первого взгляда они казались воинами: под опашнями блестели стальные кольчуги, на голове надеты были шлемы, а у пояса висели короткие мечи.

— Труфане Федорович! — увидев морехода, обратился к нему старший из них. — Здоров буди! И все трое, сняв шлемы, поклонились.

— Здоров буди и ты, отче! — оглядевшись, продолжал он, обращаясь к отцу Сергию.

Все снова поклонились.

— Садитесь, люди добрые, места хватит на лавках, в ногах правды нет.

Гости, загремев оружием, уселись на лавку.

Это были купцы, едущие послами в Данию. Старший из них, Михаил Медоварцев, был плотный мужчина пятидесяти лет, суровый на вид, с темными волосами и сединой, струившейся в бороде. Держался он степенно, говорил медленно и веско.

Второй посол, Федор Жареный, был моложе — ему в этом году минуло сорок лет. Рыжие, почти красные волосы со всех сторон густо обрамляли краснощекое веселое лицо. Борода была широкая, лопатой, и волосы коротко подстрижены под горшок. Прямой славянский нос, правильные черты лица делали его красивым.

Наконец третий, Порфирий Ворон, был самый младший — ему не было еще и тридцати. Несмотря на молодость, Порфирия Ворона уважали за смекалку и грамотность.

Волосы у Порфирия были белы, как чистый лен. Голубые глаза ласково и доверчиво смотрели на людей, а слегка вздернутый небольшой нос придавал ему задорный вид. Бородка у него была курчавая, холеная, расчесанная на две стороны. Видно было, что Порфирий обращал немалое внимание на свою внешность. Под плащом он носил не кольчугу, а панцирь миланской работы.

— Труфан Федорович, — поднял голову Медоварцев, — что велишь?

Амосов обвел глазом купцов. На миг морщины. разгладились, лицо стало приветливым и добрым.

— Зазвал я вас, други милые, — начал мореход, — чтобы удачи в пути пожелать и доброго здравия.

Купцы поклонились.

— Хочу вам сказать... — Он помолчал, ища нужное слово. Залетевшая в горницу пчела громко жужжала и билась о слюдяное оконце, мешая думать. — Еще хочу сказать вам, други, — раздались тихие слова, — не для корысти вы в путь собрались, а ради народа русского... — Голос стал твердым и строгим. — Ради земли родной, Новгородской!.. Нет, други, ничего краше жизни. Хороша жизнь: и солнце красное, и звезды, и море великое, и реки студеные, и леса дремучие!

Труфан Федорович говорил медленно, останавливаясь.

— А еще дороже для человека, — начал он, помолчав, — честное имя. Имя доброе или худое — оно века живет: на воде не тонет, на огне не горит, в земле не гниет. Нет давно человека на земле, а имя его, ежели честным до смерти был, люди добром поминают, а в бесчестье помер — клянут.

Умолк опять Амосов. Пчела так же громко жужжала и билась в оконце, но никто теперь не слышал ее.

— Худо жить на земле, коли имени честного нет... — От непривычки много говорить битое оспой лицо Амосова покрылось потом. — Но и жизнь, и имя честное за землю родную, коли придется отдать, не жалеете. Самое великое, самое дорогое — любовь к земле отцов, дедов и прадедов ваших. Нет ничего дороже такой любви. Кто жизнь свою и честное имя за родную землю отдал, вечно будет жить в сердце народном, Помните, други: дорога наша русская земля, кровью многих людей полита, и нет таких богатств в целом мире, чтобы ту кровь откупить!

Купцы видели, как единственный глаз Амосова заморгал часто-часто... Волнение старого морехода передалось всем.

— Говоришь ты больно жалостливо, Труфан Федорович!.. — тоненьким голоском сказал отец Сергей. — Чего стоишь, озорница, опять рот открыла! — напустился он на внучку, вытирая слезы. — Давай сюда мед-то!

Амосов взял из рук девочки братину и приподнял ее.

— За жизнь, за честное имя, за русскую землю! — торжественно сказал он и омочил белые усы в пенном меде. Хорошо хлебнув, он передал чашу Медоварцеву,

— Спасибо за слова дорогие, Труфане Федорович! Будь в надежде, себя не пожалеем, а дело сделаем!

Братина обошла всех. Отец Сергей отпил последним.

— Еще, други, скажу последнее слово... — И Труфан Федорович опять сделался строгим. — Тайно посольство ваше, однако стеречься надо. По чужой земле путь... всякое случиться может. — Вынимая из карманов три кожаных мешочка и кладя их на стол, он сказал: — Берите! От югорских купцов по сто талеров каждому... Нет, нет, — торопливо добавил Амосов, видя, что послы хотят возражать, — берите! В дороге деньги надобны, а дело общее.

Переглянувшись, купцы взяли деньги, поднялись из-за стола и стали прощаться. Отец Сергей благословил их в путь. Амосов крепко обнял каждого.

Гости, громыхая оружием и низко склонив голову, чтобы не задеть шишаками дверной косяк, вышли на улицу и направились к дому Медоварцева, где их ждали слуги.

— Жалею купцов! — сказал отец Сергей. — Словно на смерть проводил, таково жалко!

Амосов молчал. Погрузившись в думы, он ходил, тяжело ступая по дощатому полу горницы.

— Дойдем, — вдруг громко сказал он, — дойдем! И Ганзу в свой ряд согнем, и хлеб привезем. — Он молча продолжал шагать, пригибая старые половицы.

— Что за шум, слышишь, отче? — насторожился Амосов. — Будто близко кони ржут, а люди оружием бряцают.

— Прости, Труфане, — отозвался поп, — туг на уши стал, стар, не слышу.

Амосов вышел на улицу и внимательно посмотрел по сторонам. Улица была пустынная. На противоположной стороне, прихрамывая и волоча ноги, шел нищий.

Дойдя до лавки сапожника, нищий остановился и стал колотить в закрытую дверь. Ветер раскачивал одинокую пару сапог, подвешенную на самом конце шеста над воротами.

Вот открылась дверь соседнего дома. На улицу вышел сначала мальчик с большим серебряным тазом в руках; за мальчиком, высоко поднимая ноги, показался долговязый поп с кропилом; а за ними, кряхтя и охая, вылез толстый боярин, одетый тепло, не по погоде.

Обмакнув кисть в таз и гнусава, поп стал помахивать ею, обильно кропя дорогу перед боярином. Люди медленно двигались вперед, оставляя позади мокрый след.

«Святой водой от хвори себя пасет боярин, — думал Амосов, когда толстяк проходил мимо. — От хвори спасешься, а жир тебя задушит».

Хриплое дыхание боярина долго раздавалось в его ушах.

Стук лошадиных копыт по мостовой заставил морехода повернуть голову: отряд конных воинов остановился у богатых хором боярина Исаака Борецкого; ворота распахнулись, и всадники въехали во двор.

«Так вот откуда шум! — догадался Труфан Федорович. — Борецкий у себя войско собирает».

Взглянув на колокольню, он решил взобраться на нее и узнать, что делается на дворе именитого боярина.

С колокольни как на ладони можно было рассмотреть огромный двор Борецкого.

Не менее пятисот вооруженных всадников расположились в нем лагерем. Воины спешили. Они по очереди подходили к большим чанам с медом и, зачерпнув ковшом, пили. Из окна терема, крытого свинцовыми пластинами, выглядывал дозорный в стальном шлеме.

Через два двора отворот Борецкого стояли хоромы Федора Арбузьева — дружка и собутыльника именитого боярина. Боярин Федор Арбузьев был один из самых богатых людей в Новгороде, и его земельные владения не уступали владениям Борецких. Двор Арбузьева был также полон всадников.

Труфан Федорович с удивлением глядел на военные приготовления богатых бояр.

Посмотрев по сторонам, старый мореход собрался было спуститься с колокольни, но его остановил шум и яростные крики, доносившиеся теперь с другой стороны.

На улице показались несколько человек: они бежали, крича и размахивая руками. За ними повалила плотная толпа горожан — у многих в руках было оружие.

По сигналу дозорного на дворе Борецкого заиграли в боевой рог, его призывный сигнал повторился у Арбузьева. Воины стали садиться на лошадей.

Труфан Федорович схватился за сердце. Теперь он понял, для чего готовили войско. Забыв свои годы, он мигом спустился на землю и бросился бежать по улице прямо навстречу яростно ревушей толпе.

— Стойте, стойте, други! — закричал он, расставив широко руки, словно норовя остановить бегущих горожан. — Много войска там... Посекут, порубят вас!

Его окружили. Один молодой кожевник с коричневыми от дубовой коры руками с ругательством схватил старика за бороду и замахнулся на него топором. Несколько рук остановило парня.

— Стой, тебе говорят! Мореход это, Амосов старший. Людям от него обиды нет. Слушай, что старик говорит.

— У бояр, у Борецкого да Арбузьева, войско стоит. Сейчас ворота отворять будут, — говорил, задыхаясь, Амосов.

Толпа приближалась к Амосову. Впереди вели Степанька, рядом шла его жена Амефа, заплаканная, с растрепанными волосами.

— Чего тут, ребята? — подошел к Амосову Афанасий Сырков. Щека у него была разрезана мечом и залита кровью. Он еле ворочал языком. — Здравствуй, господине! — поклонился он старому мореходу.

Не успел Амосов еще раз повторить свой рассказ, как в воротах двора Борецкого показались первые конники.

Афанасий Сырков сразу понял все:

— Перебьют нас здесь, ребята, как цыплят передушат! Расходись по дворам, разбегайся, а завтра мы им покажем!

Конница лавиной неслась навстречу толпе.

Афанасий мигом собрал возле себя сотню хорошо вооруженных горожан. Он решил задержать всадников и дать время спастись остальным.

Амосова подхватили под руки и понесли; разломав ворота, его затащили в чей-то двор.

Началась схватка. Боярская дружина, разметав заслон горожан, ринулась преследовать бегущую толпу, рубя направо и налево, топча и калеча людей.

Глава VII. НА РАСПУТЬЕ

В другом конце города, у земляного вала, двигался купеческий обоз, состоящий из нескольких груженных колываг и группы вооруженных всадников.

В каждую колывагу была впряжена четверка крепких лошадок, груз надежно закрыт сермягой и плотно увязан пеньковой веревкой.

Подъехав вплотную к воротам Псковской проезжей башни, обоз остановился.

Один из всадников, высокий рыжебородый мужчина, спешил у маленькой, почерневшей от времени дубовой калитки и несколько раз громко постучал.

Дверь отворилась не сразу — ему пришлось стучать еще и еще.

— Эй, что за люди? — прохрипел показавшийся наконец в дверях стражник. — Сказывай!

— Люди простые, костяные да жильные, — насмешливо ответил рыжий мужчина, глядя на заспанное лицо стражника. — Отворяй-ка, друг, ворота попроворнее — спросонья и своих не узнаешь!

— Не велено! — глядя исподлобья, строго ответил стражник.

— Что — не велено?

— В эти ворота пущать, вот что! — И сторож хотел было захлопнуть калитку.

— Постой-ка, братец, — ответил рыжебородый. Он успел сунуть в щель здоровенный сапог, — поспешишь, так ведь и людей насмешишь... Ну-ка, на, читай владычну грамоту!

Сторож молча осмотрел свинцовую печать, подвешенную к пергаменту на шелковом шнурке. На одной стороне печати было вытиснено имя новгородского архиепископа и осьмиугольный крест на подножии, на другой — изображение божьей матери.

Шевеля губами, сторож стал читать грамоту.

— «...купцы новгородские Михаил Медоварцев, Федор Жареный и Порфирий Ворон...» — вслух произнес стражник.

— Так, так, — поддакнул рыжебородый, — правильно чтешь, мы и есть купцы, про нас сказано. Я вот, — он ткнул себя пальцем в грудь, — Федор Жареный, а на пегом коне, шишак позолочен, — то Медоварцев, а у Ворона и конь вороной. У него на шишаке лента синяя — невеста на счастье повязала.

— Замолкни, пустомеля! — оборвал его стражник. — Мешаешь только.

Дочитав грамоту, он стал неторопливо открывать ворота.

— Во Пльсков, Порхов да Остров путь держите? А что на возах увязано: съестное али красный товар? — любопытствовал он.

— Не твоего ума дело! — с обидой ответил Жареный. — Открывай быстрее ворота, а то — «пустомеля»! — передразнил он стражника.

Прислонив секиру к каменным плитам башенной стены, сторож долго возился с тяжелыми засовами. Медленно ворочаясь на ржавых петлях, ворота наконец раскрылись, но это были первые, внутренние ворота. Другой конец башенного проезда закрывали еще одни тяжелые дубовые двери,

Из сторожки вышли новые стражники и, переругиваясь между собой, поднялись на деревянный помост... Там стоял большой ворот с двенадцатью спицами на каждом конце, соединенными для крепости толстым деревянным ободом.

Пока старший с помощью купеческих слуг открывал главные крепостные ворота, остальные стражники опускали на железных цепях тяжелый подъемный мост.

— Готово! Давай, братцы! — крикнул один из стражников, когда прекратился жалобный скрип блоков и больших железных петель.

— На вот, получай за работу, — миролюбиво сказал Жареный, протягивая старшему немного денег.

— Не для твоей рыжей бороды работаю — для святой Софии! — отозвался стражник, но деньги взял.

Федор Жареный тронул поводья. Горячий конь вмиг вынес его на псковскую дорогу. Громыхая по мосту, покатались тряские колымаги. Пришпорив своих коней, проскакали остальные всадники. Последним медленно выехал Медоварцев.

Миновав несколько закоптелых изб-кузниц, расположенных по обочинам дороги, и десятка два опустевших домиков, Медоварцев остановился.

Дальше дорога шла через редкий ельник и болота, покрытые скудной растительностью.

Купец повернул коня к городу и снял шапку. Дитинец, освещенный вечерним солнцем, сиял золотыми главами трех десятков церквей, поднимаясь над высоким зеленым валом и деревянной крепостной стеной. Высокие стены, укрепленные кострами — белыми каменными башнями, были опоясаны глубоким рвом, наполненным водой.

— Прощай, Новгород Великий, господин мой! Будь славен, блюди старину, блюди свободу сынов своих!

Со стороны Псковской башни послышался протяжный скрип — стражники поднимали мост. Из-за крепостных стен доносился шум большого города и гул церковных колоколов.

Медоварцев слез с лошади и, крестясь, низко поклонился Великому Новгороду, поцеловал родную землю и, вскочив в седло, поскакал вслед отряду.

Вскоре клубившаяся по дороге пыль скрыла от глаз дозорных на Псковской башне и всадников и колымаги. * * *

Эйлард Шоневальд был очень доволен своими успехами в русском Новгороде. Кроме высоких поручений папы и ордена, он, пользуясь расположением неких знатных новгородцев, не без выгоды вершил свои торговые дела. Только вчера его приказчик выгодно купил большую партию первосортного воска. И надо было видеть удивление и зависть любецких и штральзундских купцов, когда грузчики стали закатывать пятипудовые душистые круги в подклеть удачливого товарища.

Плотно пообедав, Шоневальд благодумствовал за кружкой двойного пива.

Решив вздремнуть, он направился к постели, но не мог побороть искушения и остановился у настенной полочки. В который раз с наслаждением он разглядывал маленькую серебряную крепость чеканной работы, искусно сделанную новгородским мастером. Это был подарок. Боярин Борецкий, желая сделать приятное Шоневальду, преподнес ему серебряную модель Мариенбургского замка. А сейчас Шоневальд представил себе, как удивит великого магистра, избравшего своей резиденцией Мариенбург, подарив ему красивую игрушку.

Шоневальд сел на край постели и стал бездумно глядеть на дощатый двор, на стены церкви Святого Петра, на степенных ганзейских купцов, прогуливающих по двору, и глаза его стали слипаться.

Тихий стук нарушил приятно начавшийся отдых. В дверь просунулась крысиная физиономия Пруца.

— Я к вам, ваша милость. Важные новости! — раздался вкрадчивый голос.

— Важные новости, — сонно пробурчал в ответ Шоневальд, проклиная в душе услужливого Пруца.

Он с кряхтеньем сделал попытку подняться с постели, но так и не встал.

Дверь снова скрипнула — в горнице появилась высокая фигура купца Иоганна Фусса. Купец чувствовал себя неуверенно, он трусил, пытаясь скрыться за спину Пруца.

— А-а, кажется, господин Иоганн Фусс? — сказал Шоневальд. — Так это вы принесли важные вести? — Он оживился, сразу отогнав дремоту.

— Мне удалось узнать, ваша милость... — торопливо, волнуясь, начал Фусс, — мне удалось узнать, что купец Труфан Амосов выезжает на север завтра. На Двине он закупит много хлеба и морем поедет в Новгород... — Фусс остановился, но, взглянув на Шоневальда, снова заторопился. — Путь Амосова на Гандвик будет проходить по реке Свири, озеро Онего, через Повенец по озеру Выг...

— Много ли воинов и слуг с Амосовым? — спокойно спросил Шоневальд.

Сорок человек, ваша милость.

— Церковь весьма вам признательна, господин Фусс. Но как вам удалось добыть такие сведения? Ведь новгородцы совсем не откровенны с нами и...

— Это еще не всё, ваша милость, — осмелился перебить всесильного Шоневальда купец. — Мой друг, русский, присутствовал вчера на тайном купеческом совете в церкви великого Ивана. И там купеческие старшины решили отправить трех послов с письмом к датскому королю.

— О чем было то письмо, — подскочил как ужаленный Шоневальд, — вам удалось узнать, господин купец?

— Мой друг, русский, говорил, — в голосе Фусса слышалось торжество, — будто в письме купцы предлагают датскому королю торговать с Новгородом, минуя Ганзу, и просят помочь Труфану Амосову в торговле, как скоро он приплывет с товаром в Данию. И еще он говорил, — почти шепотом закончил Фусс, — что новгородский владыка приложил руку к тому письму.

— Проклятье! Если дело пойдет так, как хотят новгородские купцы, нам нечего будет делать в Новгороде...

— Ваша милость, — снова перебил Иоганн Фусс, — послы сегодня покинули Новгород. Они едут в Псков. Мой друг, русский, сказал, что послы возьмут в Ревеле судно, принадлежащее какому-нибудь местному купцу, и на этом судне...

Шоневальд больше не слушал Фусса. Нервно кусая губы, он стал обдумывать свой план.

— Господин Фусс, — вдруг сказал Шоневальд, — ваши вести настолько важны для святой церкви, что я осмелюсь от лица папы отблагодарить вас! — С этими словами он вынул изящный, вязанный из серебряной проволоки кошелек и взял оттуда несколько талеров.

— Нет, нет, ваша милость, мне не надо денег! — пяťясь, говорил Фусс. — Я, как хороший католик, всегда готов на жертвы ради нашей святой церкви.

Шоневальд усмехнулся и спрятал деньги.

— Пусть будет так. Церковь не забудет ваших услуг! Ступайте, господин Фусс. Вы оправдали наше доверие! — И он милостиво протянул купцу руку.

Когда дверь за Иоганном Фуссом закрылась, орденский посол подозвал к себе Пруца, и они долго шептались между собой. Затем Шоневальд написал несколько писем и, запечатав, передал их Пруцу. Горбун тщательно спрятал бумаги и, торопясь, вышел из горницы.

— Не теряйте ни одной минуты, святой отец! — крикнул вдогонку Шоневальд. — Не жалейте денег!

Когда шаги Пруца затихли, он вынул из деревянного сундучка флягу с вином, налил объемистый кубок и осушил его одним духом.

— Посмотрим, господа купцы, — с угрозой сказал он, — посмотрим, далеко ли вам удастся уехать!

Шоневальд еще долго не мог успокоиться. Наконец ему удалось задремать, но стук в дверь снова нарушил сон.

Это был венецианец Миланио — лекарь боярина Борецкого.

— Вы просили посетить вас, ваша милость. Я к вашим услугам, — кланяясь, сказал врач.

— Надеюсь, вы сделали это достаточно осторожно! — хмуро ответил Шоневальд.

Врач с удивлением посмотрел на него:

— Осторожно?.. У меня нет никаких оснований остерегаться в этом городе кого-либо. Я не понимаю...

— Я думаю обратное! — грубо оборвал Шоневальд. — И вы сейчас убедитесь в этом.

Он взял в руки какую-то бумагу и посмотрел в упор на врача:

— Миланио, вы шпион морских разбойников! Благодаря вам много ганзейских судов, груженных новгородскими товарами, ограблено и пущено на дно. — Шоневальд вдруг повысил голос: — Да, это так, Контарини. Вы не врач, вы только презренный стекольщик. Вы вздумали бунтовать народ против своего правительства и были приговорены к смертной казни. Но вы убили тюремщика, и вам удалось бежать.

Миланио изменился в лице.

Шоневальд помолчал, наблюдая за ним.

— Сделавшись убийцей, вы сбежали к этим... морским братьям... Вы пришли вовремя. Мне необходимы ваши услуги. Если будут исполнены мои требования, все останется по-старому и Борецкий никогда не узнает, кто живет у него в доме. Если же нет, то... — И Шоневальд многозначительно посмотрел на Миланио.

— Мне нечего бояться русских, ваше священство. Мы, морские братья, топили только ваши корабли. Мы боремся только против вас, орденских псов. Во имя прогнившей католической церкви, во имя своей корысти вы уничтожаете целые народы, вы заливаете землю невинной кровью...

— Проклятый еретик! — Шоневальд привскочил с места. — Борецкий не станет слушать вашу ересь! Он просто повесит вас на первом дереве, если узнает, что вы, неуч, осмелились лечить его дочь. Но это не всё, Контарини. Ваши родители, ваша жена и сын находятся в надежных руках святой инквизиции. И от вас, вы слышите, Контарини, только от вас зависит их будущее!

Миланио, не поднимая глаз, молча слушал.

— Итак, — продолжал Шоневальд, — ваши люди должны похитить план Ладожской крепости и передать его в руки командора шведского замка Выборг. Шведы давно зарятся на Ладугу. Я уверен, что командор поторопится захватить крепость и заодно прихлопнет там приткого купца Амосова. Ну, а если купец успеет улизнуть, все равно ему не миновать наших рук. В другое время я обошелся бы без вашей помощи, Контарини, но сейчас иноземцу опасно

путешествовать по Новгородской земле. Как видите, я совсем откровенен с вами. — Приглаживая ладонями свои волосы, Шоневальд с торжеством смотрел на собеседника: — Ваши морские братья, милейший Контарини, должны оказать мне небольшую услугу... Но это уже мелочи... Итак, дело за вами.

— Я согласен, ваше священство, — ответил Миланио, подняв голову, — если мой сын и мои родные...

— Я уверен, что теперь вы будете охранять мою жизнь от всяких случайностей, так же как вы бы охраняли жизнь своего сына... — И Шоневальд рассмеялся. — А теперь займемся делом, Контарини.

Под утро ворота Псковской башни снова открылись. По мосту проскакали один за другим четверо всадников, закутанных в черные плащи. Пригнувшись к коням, они птицами понеслись по псковской дороге.

Послы новгородских купцов к полудню следующего дня должны были приехать в Псков. В этот день Михаил Медоварцев поднял всех рано: до рассвета было далеко, а он тряс за плечо Жареного.

— Еще ворон своих птенцов купать не думает, а ты добрым людям спать не даешь! — бурчал Федор Жареный, норовя повернуться на другой бок. — Ночь ведь глухая.

— Вставай, а то на глазах мозоли напишь, — не унимался Медоварцев, — вставай! Вишь, расхотелся, словно веник по полу... Вот что ты скажи: помнишь, нас вчера немецкие купцы обскакали? Так вот один из них, горбун плюгавый, долго на нас смотрел, все оборачивался, словно на всю жизнь запомнить хотел. К чему бы это?

— И я того немца горбатого приметил, — согласился, позевывая, Федор Жареный. — Да что в том! — Отогнав дремоту, он поднялся и с недовольным видом вышел во двор.

Дружинники работали быстро, и Федор Жареный едва успел умыться, а уж лошади были впряжены к походу.

Дорога шла лесом. С рассветом подъезжали к небольшой деревушке, расположенной у самого края густой березовой рощи. По обочинам дороги высокая, мокрая от росы трава стояла наклонившись, еще не проснувшаяся от ночного сна. Стала разгораться заря, в лесу запели птицы.

Но вот взорам открылся старинный город Псков — младший брат Великого Новгорода. При слиянии двух рек — Великой и Псковы — на высоком холме красовался Детинец с дорогой каждому псковитянину церковью Живоначальной троицы. У каменных стен Детинца располагался Кром — центральная часть города. А дальше раскинулись многочисленные улицы и переулки деревянных и каменных домов, церкви и монастыри. Купцы остановились на ночлег в заезжем доме Юрьевского монастыря, на правом берегу реки Великой.

Спали плохо: всю ночь стучали колеса по тесинам Смердьего моста, в городе тявкали неугомонно собаки, а под самым окном горницы петух то и дело горласто отмечал время.

Порфирий Ворон долго ворочался на лавке. Задремал он только под утро, а когда проснулся, солнышко давно смотрело во все глаза сквозь слюдяные оконца горницы.

За столом, покрытым домотканой скатертью, сидел Федор Жареный в чистой рубахе, с

тщательно расчесанной бородой и завтракал, макая калач в деревянную миску с медом.

— Заспался, Порфирий, — сказал Жареный. — Вставай! Небось есть хочешь. Брюхо ведь злодей — старого добра не помнит... Калача вот пльсковского отпробуй. В Новгороде у нас такого ноне не купишь.

Порфирий Ворон быстро вскочил на ноги и подошел к глиняному рукомойнику, висевшему в углу на шнурках.

— Михаил Андреич где? — спросил он, поливая себе голову холодной водой. — Не видел, Федор?

— Видать не видел, а знаю, — степенно отвечал Жареный. — На торжище пошел, вчера еще собирался. А я б и доси спал — уж больно хорошо на сене, да случай у меня вышел... — Тут Федор хитро подмигнул Порфирию. — Сладостен сон на заре, — продолжал Федор, — потому я в сарай спать пошел. Думаю про себя: «Теперь Михаил Андреичу не скоро найти придется, коль будить поутру меня захочет». А вышло не то — опять тычет в бок спозаранку. «Оставь, говорю, Михаил Андреич, дай поспать, окаянный!» На другой бок повернулся... Куды там — не отстают, слов не понимает, все пуще ярится. Вскочил тогда я разом на ноги...

— Злой, поди, Федор, вскочил-то! — перебил Порфирий.

— И то. Впору на кулаки, в драку. Смотрю — свинья большая стоит и меня рылом в бок пихает, а вокруг поросята копошатся, да много...

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Порфирий. — Вот так штука! Знала свинья, кого разбудить! Ха-ха-ха!..

— Хы... хы... хы!.. — залился веселым смехом и Федор. — Хы... хы... хы!.. — Он смеялся отрывисто и громко.

— Веселитесь, други? — неожиданно раздался голос Ме-доварцева. Он стоял в дверях, высокий и строгий.

Веселье в горнице разом стихло. Медоварцев, снимая опашень, внимательно смотрел на товарищей.

— Был на торгу, — сказал он, садясь на лавку. — Так тот горбун проклятый следом все ходил. Дружина говорит: и у них немец был, спрашивал, куда-де господу купцы путь держат. Не к добру это, кабы лиха какого не вышло.

— Не верь, говорят, кривому да горбтому, — вставил Жареный. — Еще деды наши приметили. Медоварцев отмахнулся:

— Не в примете дело. Подумать надо, други, как дальше быть, как грамоту уберечь — доньскому королю доставить. Жареный и Ворон молчали.

— Пока с торга шел, все думал, как дале быть... — переждав, медленно говорил Медоварцев. — Негоже, други, нам вместе ехать. Если лихо какое случится, все трое головы сложим и дела не сделаем.

— Не так говоришь, Михаил Андреич, — заговорил Жареный. — Розно-то не в пример хуже. Сгинешь — кто жене да детям скажет, где кости отцовы гниют? А на миру и смерть

красна.

— Прав Михаил Андреич! — горячо вступился Порфирий Ворон. — Розно ехать надо — для

дела надежнее.

— Други, — опять начал Медоварцев, — грамоту всем надо в памяти держать, чтобы не запнулся никто, ежели королю сказывать будет. Кто из нас живым в донскую землю придет — за всех ответит. А всем костью лечь проку мало.

Жареный опустил голову. Он понял, что ошибся.

— Прости, Михаил Андреич, что супротив шел. Прав ты. Ты всегда до самого корня копаешь, потому и прав. — Жареный виновато посмотрел на товарищей. — Ну, а как пути-дороги наши отсель пойдут?

Медоварцев открыл дверь и вышел в сени.

— Кабыть никого нет, — тихо сказал он, возвратясь. — наших речей слышать никто не должен. — Он снова тяжело уселся на лавку. — На мой разум, друзья, Федору надо к Нарове [31] ехать, в устье судно заморское внаем взять, до Любека рядиться. — Михаил Андреевич посмотрел на Жареного, который все время согласно кивал головой. — А я, други, по Амов-же на карбасах до Колывани с товарами. А там с купцом немецким подряжусь до Любека плыть... Согласны, други?

— Одобряем, — сказали товарищи.

— Ну, а Порфирий горним путем из Пльскова и в донские земли...

— Хорошо придумал, Михаил Андреич! — одобрил Федор Жареный. — Порфирий-то по-свейски да по-немецки хорошо обучен — недаром на Готском острове пять лет с отцом прожил, толмачом у него был.

— А ты согласен, Порфирий? — ласково спросил Медоварцев. — Горний путь труден. Ведомо ли тебе?

— Знаю, Михаил Андреич. Да коли в баню идти — пару не бояться. А я париться жарко люблю! — Он засмеялся, показав ровные белые зубы. — Да и бояться-то мне нечего, — сделавшись серьезным, говорил Порфирий. — Я свейским гостем[32] обряжусь, таковым из Пльскова выйду и далее весь путь до земли доньской без опаски пройду.

Медоварцев и Жареный переглянулись и опустили глаза.

— Ну что ж! — вздохнул Жареный. — Для святого дела и честью поступиться можно. Платье поганое кому охота носить, и я так бы сделал, ежели б как ты по-свейски или по-немецки разумел, — утешал он Порфирия.

Купцы молча пожали друг другу руки и расцеловались. Потом Медоварцев сказал:

— Помнить надо: окрепнет человек — крепше камня, ослабнет — слабже воды, так пословка говорит. Я про то, други, сказал, — закончил он напутственное слово, — держать себя надо крепко, тогда все хорошо будет!

Однако Медоварцев на этом не успокоился. Зная беспечный характер Жареного, он решил вместе с ним послать своего верного дружинника, толмача Аристарха. Тихонько разбудив спавшего в колымаге мужика, Медоварцев сказал ему:

— Много лет знатье наше, Аристарх. В походы вместе ходили, бились вместе, а сегодня, друже, пришло нам время расстаться. С Жареным путь твой... Всем хорош Федор, одно плохо — задним умом крепок. Вот и хочу тебя с ним послать. Верней дело будет, и мне спокойней. Посоветуй, коли что, Федору-то. Ежели учтиво, не дерзко скажешь, он всегда

послушает,

Глава VIII. НА ВЕЛИКОМ МОСТУ

Неделю назад владыка прогнал двух врачей-венецианцев, бесплодно лечивших его долгое время, а сегодня по совету казначея Феодора он пригласил лекарем маленького подвижного бухарца, привезшего свои лекарства в Новгород из далеких восточных стран.

Как большую драгоценность, бухарец хранил несколько десятков корешков, похожих на фигурки маленьких человечков; на торгу он просил за них много серебра — ровно в двадцать раз больше, чем весили сами корешки.

Новгородские купцы только качали головой и пересмеивались между собой, слушая странного торговца. Рассказы бухарца о чудодейственной силе корня не помогли — ему не верили, считая обманщиком.

Однажды соборный поп Таисий, будучи навеселе, проходил мимо лавки бухарца. Увидев разложенные на чистом полотенце желтоватые, почти прозрачные корешки, так похожие на человеческие фигурки, он в испуге попятился и сказал, указывая на них пальцем:

— Поганью торгуешь, нехристь! Сущие оборотни, дьяволята, тьфу, прости господи!

Слухи об этом быстро облетели торжище, и надежда продать товар или приобрести пациентов оставила бухарца.

Но, когда он, заняв денег у земляков, собрался в обратный путь, к нему пришел софийский дьяк и позвал к владыке.

Бухарец, обнажив высохшее тело больного, долго и внимательно осматривал Евфимия. Легкие руки врача были приятны владыке.

— Спроси, Лаврентий, вылечит меня лекарь-то? — поеживаясь от прохлады, спросил у толмача владыка.

— Вылечу, если захочет бог, — обнажив необыкновенно большие зубы, ответил бухарец и, шурша шелковым цветастым халатом, низко поклонился Евфимию.

Владыка оставил лекаря у себя.

В покоях стояла тишина. Владыка, закрыв глаза, хрипло дышал. Мучительная тупая боль в боку временами доводила его до исступления. Будто издалека до него доносилось постукивание фарфоровой палочки в руках бухарца, растиравшего что-то в большой толстостенной ступе.

— Лаврентий, — тихо позвал больной.

— Здесь я, владыка. Что велишь? — отозвался дьяк.

— Спроси, Лаврентий, у лекаря, чем лечить меня будет. Кажись, все снадобья на мне пробовали, да толку нет.

Бухарец, услышав вопрос, вытер руки чистым белым полотенцем и, неслышно двигаясь в мягких туфлях, подошел к постели больного.

— «Не ведают здесь моего лекарства», — перевел дьяк. Бухарец уселся на ковер у постели, поджав ноги.

— Далеко на востоке, — рассказывал он, — раскинулось могучее и древнее царство Мин. Богат и велик народ этой страны. Нет нигде равных в мире ученым, поэтам и врачам, живущим в царстве Мин...

Бухарец придвинулся ближе к больному:

— Там растет пан-цуй — чудесное растение жизни! Велика целебная сила его корней. Пан-цуй обновляет тело и дух человека, делает его здоровым, сильным и бодрым.

Закрыв глаза и покачиваясь, бухарец ждал, пока дьяк переведет его слова.

— Трудно найти пан-цуй, — продолжал он, не открывая глаз. — Если молния ударит в чистый прозрачный источник, бьющий из-под земли, — источник иссякнет. В этом месте вырастает пан-цуй. Могучая сила молнии порождает растение. Сила небесного огня и жизненная сила земли скрыты в корне пан-цуя. Корень пан-цуя — это сама жизнь.

— А что ты растираешь в чашке? — допытывался владыка. — Один ли корень будешь давать мне?

— Велика сила пан-цуя, — ответил бухарец. — Если лечиться только корнем, кровь выступает из носа и десен. Я делаю лепешки из пан-цуя, молодых оленьих рогов, медвежьего клея, морских водорослей и настоя других трав...

Слух владыки ласкала тихо журчащая речь бухарца. Ев-фимию нравилась уверенность врача, он начинал верить в чудесную силу пан-цуя.

— Скажи лекарю, Лаврентий, — обратился он к дьяку, — ежели он меня вылечит — отблагодарю, золота не пожалею.

— Если захочет бог, — низко поклонился бухарец, — ты будешь здоров, великий господин.

Дверь отворилась, и казначей Феодор появился на пороге:

— Разреши, владыка, дело есть.

— Что за дело, отче? — недовольно спросил больной.

— Боярин Исаак Борецкий к тебе и другие бояре. Говорят, непременно надо владыку видеть.

Подумав, Евфимий промолвил:

— Зови, отче.

Ждать гостей пришлось недолго. Первым, гремя боевыми доспехами, во владычные покои вошел Борецкий. Он с достоинством поклонился новгородскому архиепископу, а владыка удивленно спросил:

— Кого воевать собрался, боярин?

— Надо прекратить мятеж, владыка! — не скрывая беспокойства и не отвечая на вопрос, сказал Борецкий. — Весь город вооружился на нас. Просим тебя, заступись!

Несколько бояр в доспехах тихо вошли и стали позади

Борецкого.

— Они вчера хотели грабить наши дома, — повысил голос Борецкий, — только мои дружинники сумели разогнать этот сброд... вечных мужиков...

— Чего требуют вечники, — перебил Борецкого владыка, — тебе ведомо, боярин Овинов?

Боярин Овинов тревожно посмотрел на Борецкого, потом на владыку:

— Ведомо мне. Выдать боярина Данилу Ивановича Божева, кричат. Боярин-то от суда убежал, к смерти его вечники приговорили. Кабы тихо дома сидел да богу молился Данила Иванович, и обошлось бы. Народ новгородский отходчив, милостив. А боярин за бесчестье мстить начал. Его людишки Степанька схватили, пытали да глаза выжгли... Ты велел, владыка, отдать Степанька, так его, слепого, к вечникам повели. Мужики еще пуще разъярились, Божева требовать стали.

— Выдать вечникам Божева! — едва выговаривая от гнева слова, сказал владыка. — Отдать немедленно!

— Нельзя отдать боярина черному народу на растерзание! — загремел Борецкий.

Он выпрямился и, откинув со лба волосы, вызывающе оглядел всех:

— Худой пример, владыка! Сегодня они казнят Божева, завтра сбросят с моста меня, а потом и тебя, владыка, бросят в Волхов. Мы решили не отдавать боярина Божева.

Воцарилось молчание. Все смотрели на владыку. Больной, раздувая ноздри, дышал с трудом. Он закрыл глаза и тяжело откинулся на изголовье. Вот он судорожно прижал руку к груди. Казалось, Евфимий в тяжелом обмороке. Но голова владыки была светла как никогда.

«Что делать? — думал он. — Борецкий говорит от лица бояр, в руках которых половина новгородских земель. Он говорит от лица господы. Но почти столько же земли принадлежит дому святой Софии. Боярам надо все больше и больше земли, они давно зарятся на церковные земли и уже не раз поговаривали о том, что у церкви не должно быть собственности. Они подкармливают паршивых филозофов да попов, что без дела ходят, а те учат народ против православной церкви и пишут худые книги. Если бы не вече, — думал владыка, — уж, наверно, все церковные земли расхватали вечно голодные, вороватые бояре.

Жить по старине — значит владеть землями по-прежнему, но надо поддерживать вече и уважать народный суд... Дай вам поблажку — вы первые владыку за горло, аки волки, схватите... Нет, шалишь, боярин, себе могилу рыть не заставишь!»

Владыка принял решение — он был уверен, что за спиной народа он сохранит власть и богатства церкви.

— Прокляну! — неожиданно спокойно сказал он, посмотрев в глаза Борецкому. — Всех прокляну, кто старину забудет и супротив народной воли пойдет! А коли решили кровь проливать, так... так на себя и пеняйте. Пусть всех вас, как собак, в Волхове перетопят, а я вам не заступа!

Он посмотрел на бояр и увидел в глазах их испуг.

— Мое последнее слово: отдайте мужикам Божева, — твердо продолжал владыка, — пусть казнят по приговору... Да смотри, боярин, — обратился он к Борецкому, — торопись!

В последних словах владыки бояре почувствовали угрозу.

Евфимий снова закрыл глаза и упал на подушки. Теперь владыка был уверен в победе. Не открывая глаз, он позвал Феодора.

— Пусть уйдут все, — сказал ему Евфимий.

Покои сразу опустели.

В широких сенях софийского дома Борецкого ожидали вооруженные люди.

— Боярин, — испуганно зашептал один из них, подойдя вплотную к Борецкому, — вечные мужики твою дружину ломают! Боярин Арбузьев на мосту бьется. Вечники на лодках плывут, хотят нашим в спину ударить. Дружинники, кто слаб духом, по дворам прятаться зачали, говорят: «За бояр нам свои головы терять не мочно». Боярин Арбузьев просит, пусть-де владыка с попами к мятежникам крестным ходом идет, а то, говорит, плохо будет. Всех бояр грозятся мужичье извести. Борецкий побледнел. Заскрипев зубами и не сказав ни слова, он круто повернулся и почти бегом возвратился к владыке. * * *

Бой на мосту продолжался с неослабевающей яростью. Убитых и раненых было много. Сотни трупов горожане сбросили в Волхов, и они тут же тонули, отягощенные доспехами. А на Торговую сторону народ все прибывал и прибывал. Всю ночь на каменных башнях, созывая народ, горели костры. Через крепостные ворота окольного города, стекаясь к Ярославову дворищу, непрерывным потоком шли жители ближних и дальних посадов. К полудню у моста появились суда новгородских рыбаков, промышлявших на озере Ильмене.

Несмотря на хороню вооруженные отряды бронников Борецкого и Арбузьева, многочисленную челядь других бояр, ремесленники и черный люд, сметая все на своем пути, рвались вперед. Вот и рыбаки стали помогать восставшим: на своих судах они перевозили народ через Волхов. Боясь удара в спину, боярская конница помчалась к перевозу, еще больше ослабив защиту у моста.

Положение бояр стало безнадежным.

Вдруг разом ударили колокола в Детинце. Под торжественный звон из ворот вышел новгородский владыка в полном облачении. Рядом с ним выступали юрьевский архимандрит и игумен Антониевского монастыря. Евфимий был бледен и едва двигался; лоб его был мокр от обильно выступившего пота, а руки едва держали массивный золотой крест.

За владыкой шло крестным ходом новгородское духовенство с иконами и выносными крестами. Благословляя народ на все стороны, владыка взошел на мост в самую гущу разъяренной толпы.

В народе раздался ропот, из уст в уста переходила весть:

— Владыка на мосту, владыка... попы крестным ходом идут...

— Владыка милостивый...

— Владыка, владыка...

— Остановитесь, миленькие! — раздался чей-то звонкий голос. — Образ святой Софии несут. Остановитесь...

Свалка стала стихать. Вечные мужики при приближении

владыки теснились, освобождая Евфимию место. В какой-то миг его окружила толпа

окровавленных, разгоряченных битвой людей.

— Почто пришел, владыка? — грозно спросил здоровенный мужик, опустив на землю огромный двуручный меч. — Мы за правду стоим, за старину. Не мешай нам, уйди!

Детина смахнул ладонью кровь со лба и, низко опустив голову, словно обезумевший бык, двинулся было вперед.

— Бояре супротив своих братьев войско держат, — выступил из толпы Афанасий Сырков. — Сами суд творят. Не мочно нам, владыка, назад поворачивать.

К Евфимию бросились несколько женок, бок о бок сражавшихся со своими мужьями:

— Уйди, владыка, биться будем, от бояр жизни нет!

— Почто бояре наши дома пожгли?

— Голодные мы!

Архимандрит Варлаам, известный в городе своим густым голосом и богатырской силой, протискался вперед и зычно крикнул в толпу:

— Слушайте, мужи новгородские. Владыка велит прекратить побоище. Неудобное богу дело творите. Брат на брата идет, кровь христианскую на нашу святую землю льете.

Стихли колокола в Детинце. Мощный бас Варлаама далеко был слышен в наступившей тишине.

— Выдайте нам боярина Божева! — крикнул кто-то из толпы.

— На судной грамоте всем народом крест целовать! — раздалось с другого конца.

— По русскому обычаю, тысяцкому судом править!

— Не хватать людей без суда!

— Боярина Божева выдать!

— Бо-жева!..

— Боярина Божева!.. — раздались отовсюду голоса. — Выдать Божева!

— Вот вам боярин Божев, Данила Иваныч! — загремел Варлаам. — Казните его по вашему разумению!

Стоявшие около владыки вечники увидели двух здоровенных дружинников и между ними связанного боярина Божева. В лице у него не было ни кровинки. С пеной у рта он кричал и страшно ругался. Боярин то рвался из рук стражников и бил их ногами, то падал на землю, и его с трудом поднимали.

— Данилу Божева привели, выдали бояре... — пробежал по толпе слух.

— Казнить душегуба!.. — Какая-то женщина бросилась к Божеву.

— Казнить!..

— В Волхов с моста, по обычаю!..

— Утопить в Волхове!

— Тише! — снова загремел Варлаам. — Владыка говорить хочет.

Опять все стихло.

— Я повелел боярам выдать вам Божева, — раздался тихий старческий голос. — Казните его... Я не дам старину рушить, — окреп голос владыки, — не дам боярам беззаконие творить.

Одобрительный гул покрыл его слова. Толпа давала свое согласие,

Глава IX. ПОГОНЯ

На правом берегу реки Амовжи, медленно катящей спокойные воды в Чудское озеро, у самого устья, виднелось большое двухэтажное строение, крытое почерневшим камышом. Подъезжающему с озера или реки путнику бросалось в глаза большое гнездо аистов, нахлобученное бесформенной кучей хвороста на самый верх крыши.

Случившееся с десятков лет назад большое половодье подмыло берег, сваи покосились, и изба заметно легла набок. Несмотря на убогий вид, жилье было обитаемо: дым густыми клубами выходил из дощатой трубы.

Избу окружали старые дуплистые ветлы, зеленый кустарник, высокие стога свежескошенного сена, амбар, хлев. Дальше раскинулись сочные луга, а еще дальше неровной полоской темнел лес. На реке, у развалившейся вконец пристани, стояли две большие рыбацьи лодки, а на берегу сушилась на кольях сеть и валялись рассохшиеся дубовые бочки. Берега вокруг низменные, топкие.

Если смотреть с крыши избы на восток, ничего не увидишь, кроме озерной глади, а на западе, среди лугов, река Амовжа извивалась широкой серебряной лентой. Перед последним крутым поворотом к озеру холодные струи реки разрывали луг на много зеленых островков.

Небо с утра хмурилось тяжелыми тучами. Порывистый северный ветер сердито шелестел зеленой листвой, трепал сухую траву на стогах и, подхватив серые клубы дыма, кружился и метался с ними по крыше.

Собирался дождь. Тонкие путаные нити молний то и дело разрывали потемневшее небо; гроыхал гром, раскатываясь по просторам Чудского озера.

Вот упали первые капли дождя — озеро покрылось мелкими пятнышками; растекаясь, они охватили всю поверхность озера и разгладили ветреную рябь. Зашумел потоками проливень, словно где-то порвалось небо. Еще злее трепал крышу ветер, а когда он ворвался в деревянную трубу, в окне корчмы показалось усатое лицо охмелевшего гостя. Не замечая дождя, он по пояс высунулся наружу.

— Проклятье! Кхе-кхе!.. Кхе! — ругался и кашлял человек, вытирая слезящиеся от дыма глаза. — Проклятье, дышать нечем. Кхе-кхе!.. Э-э!.. На дворе дождь, — спохватился он, когда капли дождя упали за шиворот. — Кхе-кхе!.. У меня отец, бывало, говаривал: лучше на дождь смотреть, чем на дожде мокнуть. Кхе-кхе!.. Впрочем, ты уже мокр, Якоб, — сказал он сам себе, — тебе дождь нипочем.

Вытирая лицо грязной пятерней, он обернулся:

— Потоп, братцы! Отверзлись хляби небесные... — Он хотел еще что-то сказать, но, махнув

рукой, скрылся в окне.

Внутри дома слышались пьяные выкрики, смех. Чей-то сиплый голос приказал:

— Эй, хозяин, пива!

Другой грозно добавил:

— Пошевеливайся, животное!

В корчме старого эста Прийду вот уже неделя как сидят гости. Прийду не рад незваным гостям.

Братья ливонского ордена, поработившие и разорившие родину Прийду, были заклятыми врагами каждого эста. Огнем и мечом рыцари заставляли бесправных язычников принимать христианство. Скрежеща зубами, спасая свою жизнь, эсты крестились, а потом совершали торжественные и сложные обряды отречения. Даже умерших они выкапывали из могил и снова превращали в язычников. Многочисленными восстаниями и уничтожением своих поработителей отвечали эсты. Новее новые и новые полчища немецких дворян-рыцарей, закованных в тяжелые латы, страшных своей неуязвимостью, обрушивались на богатые земли, опустошая их, сжигая целые поселения, заставляя скрываться в лесах и болотах исконных хозяев.

Под видом борьбы с язычниками воинствующие рыцари залили всю страну кровью. И не было видно конца страданиям и мукам свободолюбивого и гордого народа! Постепенно пашни забрасывались и плодородные земли превращались в болота.

Орденские братья сидели за двумя столами в разных углах корчмы. За одним столом расположились трое в одинаковых длинных кафтанах с круглым вырезом у шеи. Рыцари были пьяны. На столе валялись полубоглоданные кости жареного кабана и корки пшеничного хлеба, обильно политые пивом. Рядом на стене висели шерстяные плащи с красными, словно нарисованными кровью знаками: мечом и крестом. Под каждым плащом поставлен щит с гербом хозяина. На одном щите, красного цвета, была нарисована рыба с золотым кольцом во рту; на другом по зелено-белому полю — большой золотой ключ; третий, синего цвета, был украшен стремительно бегущим серебряным оленем. На каждом щите красовался девиз, но разобрать буквы было невозможно: сквозь маленькое окошко проникало слишком мало света.

В очаге пылали раскаленные угли. На вертеле дожаривались остатки кабанины; капли жира, вспыхивая на углях, отражались на блестящих рыцарских доспехах, расставленных по стенам и углам.

Вот уже неделя, как рыцари, празднуя удачную охоту, горланили песни и без усталости стучали о стол оловянными кружками, требуя пива.

На другом столе братья-оруженосцы пили из деревянной чаши таких размеров, что в ней можно было купать ребенка. Громко хохоча и толкая друг друга, они норовили пить из одной посуды все шестеро разом.

— Скоты, скоты! — с презрением повторял старый Прийду, стараясь не глядеть на пьяных братьев-рыцарей.

Снова наполнив кружки и чашу пивом, он поднялся вверх, плотно притворив за собой дверь.

— Не нравится старой собаке принимать таких гостей, как мы! — с трудом говорил один из рыцарей. — Видал, брат Лангем, какая надменная рожа у этого мерзавца?

Говоривший пучил глаза и старался держаться прямо. Ему это не удавалось — он все время валился на бок.

— Ты прав, брат Дирк. Если бы не мы, здесь давно бы собралась полная корчма этих дикарей, и они стали бы жаловаться друг другу, что мы берем большие налоги. Но, брат Дирк, мы ведь знаем хорошее правило: чем чаще стригут овцу, тем у нее быстрее растет шерсть.

— И рыцарь, высокий и худой, как высохший сук, захохотал.

— Твой смех, брат Лангем, не к месту... — очнувшись от дремоты, заметил третий рыцарь, с лицом, изрубленным крест-накрест сабельными ударами. — Прошли добрые времена. Если бы господь дал хорошую войну, — он поднял глаза к потолку, — все бы изменилось.

— Ты прав, брат Зиверт, — плаксиво, еле ворочая языком, отозвался Дирк, — войны бы или хоть хорошей драки. А теперь нам осталось только одно развлечение — разъезжать по чужим свадьбам да по знатным крестинам.

Кто-то снаружи стал двигать щеколдой; на стук никто из сидящих не обратил внимания, зато лежавшие у очага псы беспокойно зашевелились и подняли голову.

Подхваченная ветром дверь с шумом распахнулась. И с потоками воды, хлынувшими в комнату, появился человек небольшого роста, закутанный в плащ.

Один из братьев-оруженосцев ударил ногой большую собаку, пытавшуюся кинуться на чужого.

— Да будет на вас благословение божие! — сказал вошедший, откинув капюшон и отряхиваясь. Взгляд его маленьких беспокойных глаз быстро пробежал по лицам запьяневших рыцарей.

Услышав немецкую речь и рассмотрев на плаще незнакомца красный крест — отличие орденских священников, братья наперебой стали приглашать его к столу.

— Благо-слови... на-шу тра-пезу... отче, — запинаясь, обратился к нему худой рыцарь.

Священник благословил стол и рыцарей.

— Когда здесь были русские купцы? — жестом отказываясь от приглашения, спросил он. — Купцы должны были вчера войти в реку, чтобы достичь Дерпта.

Все молчали. Наконец один из слуг, Якоб, сказал:

— Вчера... э... э... в это время я видел, как двое русских... э... э... с такими длинными бородами, — он показал рукой на грудь, — э... э... покупали хлеб у здешнего хозяина, а потом... э... э... сели в лодку и быстро поплыли вверх по реке.

Тут худой рыцарь встал и, пошатываясь, подошел к незнакомцу:

— У нас была хорошая охота, святой отец, и грех не выпить за нашу удачу... — Он пошатнулся и схватил незнакомца в объятия. — Смотри, какой зверь попался на наш вертел!

И рыцарь показал рукой на стену. Там висела окровавленная голова громадного дикого кабана с большими клыками; кровь, капая с нее, образовала на полу небольшую полузасохшую лужицу.

— Я благодарен за приглашение, — решительно ответил незнакомец, — но дела ордена прежде всего... Не видел ли ты, дорогой брат, еще русских, кроме двух с длинными бородами? — обратился он к оруженосцу.

— Как же, как же, у них... э... э... было несколько лодок. Как только они купили хлеб... э... э... две лодки пошли вверх по реке, а другие снова вышли в озеро и пошли туда... — Он указал на север.

Глаза незнакомца злобно сверкнули.

— О-о!.. Так купцы здесь разделились, и двое из них отправились в Нарву?! — Он шагнул к двери и взялся было за щеколду, но вдруг обернулся. — Именем великого магистра, — произнес он изменившимся голосом, — приказываю вам выехать в замок Нарву!

Он вынул из поясного кармана бумагу и развернул ее:

— Вот приказ, читайте!

Стоявший рядом худой рыцарь искоса взглянул на документ и, увидев круглую печать с изображением креста и меча, в испуге отпрянул.

— Иезус Мария! — воскликнул он. — Печать великого магистра!.. Приказывайте нам, святой отец, — мы верные слуги ордена. Нет, нет, не буду читать, мы вам верим и так! — И с гордым видом рыцарь отстранил бумагу.

Священник ухмыльнулся в рыжие усы: он знал, в чем дело, — рыцарь был неграмотен.

— Хорошо, братья! — согласился он. — Тогда слушайте меня внимательно и запоминайте.

Подсев к столу, он стал что-то говорить рыцарям, то понижая, то повышая голос.

Печать великого магистра отрезвила орденских братьев. Они внимательно слушали, иногда прерывая его речь вопросами.

— Итак, братья, кажется, всё. Как только прекратится дождь, выезжайте — дорога каждая минута! Вам в помощь я оставлю своего человека.

С подозрением посмотрев на стол с пивом и кабаниной, он добавил:

— Я хочу вас предупредить об опасности... Завтра язычники славят своего бога. Они зажгут тысячи костров. И смотрите, братья, чтобы корчму вместе с вами они не принесли в жертву своему мерзкому богу. Такие случаи бывали в прошлом... Берегитесь, братья!

Рыцари и оруженосцы молча слушали.

— А ваш хозяин, старый хрыч, не пожелал сказать, были ли здесь русские, — продолжал он. — Я вижу насквозь этого старика... Он первый подложит огонь под свой дом.

С этими словами священник накинул капюшон, открыл дверь и скрылся за стеной дождя.

Некоторое время рыцари молча переглядывались.

— А ты заметил, дорогой брат Зиверт, у святого отца большой горб. От такой поганой рожи, как у него, русским добра ждать нечего. Не хотел бы я быть на их месте... Эй, Якоб, — приказал рыцарь, — сходи посмотри, куда он делся!

Накинув плащ, Якоб нехотя вышел на двор и быстро вернулся:

— Там было три лодки... э... э... Одна двинулась по реке к Дерпту, а две остались здесь. Около лодок какой-то человек. За дождем не видно, кто он.

— Братья, нам надо собираться, — сказал худой рыцарь. — Великий магистр...

— Я не стал бы этого делать, — перебил оруженосец, — ни за какие деньги. Дождь идет как из ведра, ровно через минуту на нас не будет и сухой нитки.

— Ты глуп, Якоб! Лучше промокнуть до костей и потом обсушиться у хорошего огня за кружкой пива, чем испечься в этой проклятой корчме! Тогда, даже если тебя искупают в двойном пиве, тебе будет все равно...

В это время старик эст лежал на полу в своей комнате, прижавшись ухом к потайному отверстию, — он все слышал, что говорилось внизу.

Когда священник вышел из комнаты, Прииду поднял голову.

— Он прав, этот горбатый, — сказал эст вслух. — Мы хотели сжечь этот дом, не дожидаясь праздника. Но аисты еще не покинули своего гнезда на крыше, а причинить вред аистам не велят боги — накликаешь большое несчастье. Но как спасти русских? Им грозит большая опасность. Как предупредить их?

Поднявшись, старый Прииду неслышными шагами стал ходить в раздумье по комнате.

Глава X. ПРЕДАТЕЛЬ

У самого Ладожского озера, там, где Волхов, умерив свой бег, медленно несет мутные воды, хорошо приметен на реке небольшой островок, заросший высокой травой и кустарником. Легкий ветер шевелит сочные травы и зеленые ветви молодых березок, наклонившихся к самой воде. Из кустов дикой смородины и малины, осыпанных спелыми ягодами, разносится веселое разноголосое щебетанье пернатых лакомок. В густом ольшанике огромный лось лениво обкусывает свежие побеги; в тишине звучно раздается похрустывание стеблей на зубах зверя.

Но вот с дальнего берега островка послышался треск ломающихся сухих ветвей. Птицы испуганными стайками поднялись над кустарником, лось перестал жевать, прынул ушами и насторожился.

Шум становился все громче, явственнее; казалось, кто-то пробирается сквозь буйную поросль. Зашевелились кусты орешника, чья-то рука отвела в стороны зеленые ветви — и на берегу у самой воды показался человек.

Путник сел на траву, почти касаясь сапогами воды, и, прикрыв глаза ладонью, огляделся.

Его внимание привлекло небольшое рыбацкое суденышко, на палубе которого хорошо был виден человек, перебиравший сеть.

В лучах яркого полуденного солнца, на воде, вскипавшей вокруг сети, мелькали, будто серебряные иглы, небольшие рыбешки. Изредка человек нагибался, вынимал застрявшую в ячеях рыбу и бросал в корзину.

Несколько чаек, высматривающих добычу, с пронзительными криками кружили над судном.

— Неплох кораблик! — облегченно вздохнув, пробормотал человек, появившийся на берегу.
— Как раз впору.

Нагнувшись, он плеснул на красное, потное лицо несколько пригоршней холодной воды, покрутил головой, определяя, откуда дует ветер, посмотрел на короткую полуденную тень,

протянувшуюся от небольшой елочки, и поднялся на ноги.

— Э-гей! — воплем разнеслось по реке. — Э-гей! Эй, рыбак! — закричал путник, заметив, что человек на судне оглянулся. — Эй, сюда, человеке! — И он замахал руками. — Сюда давай!

— Обожди-и... — донеслось с судна. — Не кричи, друг, на ветер-то, горло простуди-ишь!..

Еще раз призывно махнув рукой, путник уселся на траву к стал стаскивать сапоги, грязные, побитые дальней дорогой. С наслаждением опустив в воду натруженные ноги, он примостился поудобнее, подложил под голову небольшую котомку и бездумно стал смотреть на далекие облака, медленно проплывавшие куда-то нескончаемой вереницей.

Прошло немного времени, и ему стало казаться, что облака спустились совсем низко и окутали белесым туманом все вокруг.

Путник почувствовал страшную усталость — глаза стали смыкаться, отяжелевшая голова упала на грудь, и сон как-то сразу охватил его...

У берега раздались мерные удары весел о воду. Путник вздрогнул.

Открыв глаза, он увидел совсем близко небольшой паузок,[33] идущий прямо на него. На веслах сидела женщина.

Путнику бросились в глаза золотистые волосы, выбившиеся из-под косынки, и широкая спина с прилипшей к ней мокрой от пота рубахой.

Женщина обернулась, и почти тотчас лодка врезалась в песчаную отмель.

— Прыгай быстрее, — с улыбкой сказала она. — Ты Максима, мужика моего, кликал? Недосуг ему, сети рыба порвала.

Путник не заставил себя ждать. Он мигом уселся в лодку, накренив ее тяжелым телом. Женщина ловко развернула паузок и стрелой помчала его обратно.

«Молодец женка!» — только и успел подумать путник, а уж лодка прижалась к борту рыбацкой соймы.

По приглашению хозяина, молодого дюжего мужика, путник уселся на лавке. Долго сидели молча.

— Говори, зачем пожаловал? — не выдержал хозяин, напрасно прождав первого слова от незнакомца.

— В монастырь Валаамский иду, святым отцам поклониться, — не сразу ответил путник. — Сойму твою хочу откупить, отвезешь ли?

Мужик удивленно смотрел на непрошеного гостя. Добротная одежда, меч у пояса, ножи за голенищами, бахилы,[34] а особенно квадратное лицо, густо заросшее волосами, с крупным носом, не располагали к доверию. Он много видел странников, пробиравшихся к Валаамским островам, а таких, как этот, видеть не приходилось.

— Ну, говори, согласен? Да что же ты на меня уставился? — насмешливо спросил путник.

— Смиренья в тебе нет, не видывал таких богомольцев. — В глазах мужика сверкнула искра

недоверия. — Кабыть не время ряженым быть.

— Смиренья, говоришь, нет. Да ты ведун!.. — И незнакомец расхохотался. — Ну, вот что, друг, — сказал он и вынул длинный кошель: — получай десять талеров. — Путник бросил деньги на стол. — А этих не хочешь, рублями новгородскими дам.

«Деньги большие, — подумал хозяин, — рыбой и за год не заработаешь».

— Ладно, довезу к святым отцам, — сказал он, сгребая ладонью монеты со стола. — Сети вот только починим.

— Нет! — отрезал путник; голос его прозвучал резко и повелительно. — Нет, тороплюсь я. Завтра святого Ивана славят, да и ветер с полудня нам справный. Вдвоем с бабой справишь дело. Двое ведь вас?

— Двое, — ответил мужик. — Мы-то с Евдокией, с женкой, что хошь справим; хоть баба она, а двух мужиков в нашем деле стоит.

— Ну и с богом, — уже спокойно сказал незнакомец. — Взымай якорь, и в путь.

Скоро рыбацкая сойма, выйдя из реки и набрав в паруса ветра, пустилась по волнам озера Нево.

От устья Волхова низменный берег озера круто изгибается к северо-западу. Образовав тупой выступ, берега уходят на юг, уступая место большому мелководному заливу. В западном углу мелководья берет свое начало северная красавица Нева.

От беспокойных соседей, шведов, подступы к озеру Нево, откуда шли дороги в Новгород и Заволочье, охраняли две крепости: Орешек в верховье Невы и Карела на западном берегу. В северной части озера, на одном из Валаамских островов, расположился древний монастырь, свято чтимый новгородцами.

Когда путник увидел, что берега стали скрываться из виду, он вышел на палубу. Над озером стояла белая ночь. На западе давно погасли багровые отблески. Хозяин, держась за румпель, что-то напевал однообразное и грустное.

Ветер от юго-востока дул сильный, но ровный.

«Пора», — решил про себя незнакомец. Он подошел к мужику и встал с ним рядом.

— Друг, — негромко сказал он, — дело есть.

Хозяин посмотрел на него невидящим взглядом.

— Чего тебе еще, человече? — будто проснувшись, спросил он. — Идем хорошо, лучше лучшего, завтра вечерять с монахами будешь.

— Вот что, — приблизив свое квадратное лицо к уху хозяина, еще тише сказал незнакомец: — поворачивай-ка на Орешек. Ветер нам и на Орешек гож. Слышь, что говорю?

— Не рядился я на Орешек, — хмуро ответил рыбац.

— Ты не бойся, деньги все тебе останутся, — понял по-своему путник. — А ежели мимо стражи меня провезешь да сыску чтоб не было, тогда, друг, еще столько дам.

— Тебе, видно, и Орешек без надобности. После скажешь на Готланд-остров идти али еще

куда.

Незнакомец хлопнул рыбака по плечу:

— Ай, друг, вижу, недаром голову на плечах носишь! Только не на Готланд нам, а в крепость Выборг плыть.

— К свеям?

— Выходит, к ним, друг. Ну что ж, по рукам? Ежели ладно привезешь, все серебро твое! — И незнакомец вынул свой кошелек.

Мужик, навалившись на румпель, подправил по ветру сбившееся судно и долго молчал.

— Зачем тебе к свеям? — спросил он наконец.

— Не твоего ума дело, друг, ну да уж скажу, ладно. Посольником я.

— Посольники своей стражи не боятся. Таких богомоллов да посольников наш посадник наказывал вязать да к нему на двор волочь.

Незнакомец хотел было ответить, да не успел.

— Переветник ты! — спокойно смотря ему в лицо, продолжал хозяин. — А кто от своей земли отступится — мертв есть. Я еще давеча приметил, — добавил он, помолчав, — в глазах-то у тебя пусто, значит, нет живой души, плотью и живешь только...

— Молчи! — взорвался незнакомец. — Не твое дело учить! Поворачивай как велено, ну? — И он с угрозой взялся за меч.

— Не больно пугай, не пугливые мы... — ответил мужик. — Евдокия, — громко позвал он, — Евдокия!..

Женщина, закутавшись, дремала у ворота.[35]

— Сейчас, Максимушка, — ответила она сонно. — Разве к правилу время? Рано кабыть...

— Зажги огонь да маши, авось увидит стража-то!.. — приказал мужик. — Ну-к что, взял, богомол? — обернулся он к путнику.

Кровь бросилась в лицо незнакомцу, тело сразу покрылось испариной, взмокло.

— Ах, ты!.. — зарычал он и, вынув меч, взмахнул над головой рыбака. Пот и злоба заволокли ему глаза.

Хозяин, выхватив промысловый нож, словно рысь, кинулся на противника и нанес ему сильный удар в грудь. Нож скользнул по стальному панцирю и выпал из рук. В тот же миг тяжелый меч обрушился на голову мужика.

Тяжело дыша, незнакомец оглянулся, ища глазами Евдокию.

— Баба, не подходи, зарублю!.. — испуганно крикнул он, увидев страшные глаза женщины. — Глянь-кось, шевелится хозяин, дышит... Бери, может, выходишь.

— Живой?! — Евдокия бросилась к мужу и осторожно приложила ухо к груди.

— Сбрось лодку, баба, забирай мужика, гребись к берегу!.. Добрые люди помогут, вылечат.

Евдокия быстро исполнила все, что говорил незнакомец. Схватив могучими ручищами мужа, она осторожно перенесла его к кормовому срезу. Ловким движением баба сбросила лодку на воду и спустилась в нее сама:

— Помоги мужика взять.

Незнакомец молча передал Евдокии тело, в котором едва теплилась жизнь.

Бережно уложив раненого, баба ножом перерезала веревку, которой была привязана лодка, взяла весла.

— Будь ты проклят, злодей! — раздался ее прерывающийся голос.

— Заткни глотку, дура! — крикнул незнакомец и бросил в лодку свой кошелек. — Бери вот!

Евдокия с отвращением, словно что-то нечистое, взяла кошелек и молча швырнула его в озеро.

Оставшись в одиночестве, незнакомец привел судно на курс, крепко привязал веревкой румпель и, присев на низенькие резные перильца, стал думать, как быть.

То, что он наметил сделать раньше, теперь было невозможным. Даже хорошему мореходу было не по силам провести незамеченным судно мимо крепости Орешек и по Неве выйти в море. Пользоваться чьими бы то ни было услугами, а тем более встречаться с пограничной новгородской стражей незнакомец не хотел.

К солнечному восходу, изменив направление, ветер усилился: теперь он задул с востока. Незнакомец умело подправил паруса и, не обращая внимания на жалобный скрип мачт и на волны, то и дело захлестывавшие палубу, повернул руль, направив судно к западному берегу озера. С попутным ветром сойма быстро набирала скорость и птицей понеслась навстречу каменистым рифам и мелям.

План незнакомца был смел: он решил высадиться на западном берегу озера Нево, южнее крепости Карелы, и дальше на Выборг идти по озерам и рекам.

Молча смотрел незнакомец на рассвирепевшее озеро, а мысли его были далеко.

Иван Калика видит себя десятилетним мальчиком. Вместе с отцом стоят они перед боярином Борецким. Иван слышит прерывающийся голос отца. Он не может разобрать слов, но хорошо знает, что отец продает его, Ивана, за две кадки ржи в навечные холопы боярину Борецкому. Боярин отправил его учиться свейскому языку. Иван попал в услужение к купцу-мореходу из Висби. На большом кургузом паруснике, перевозящем разные товары в города Ганзейского союза, мальчик прошел хорошую мореходную школу и в совершенстве овладел шведским языком. За несколько месяцев до возвращения в Новгород Иван встретил и полюбил девушку — дочь стокгольмского кузнечных дел мастера. Не в счастливый час рассказал Калика боярину Борецкому о своей любви. Упрямый, своенравный боярин на просьбу Ивана Калики разрешить ему привезти девушку в Новгород и жениться на ней ответил грубым отказом и насмешками. Несколько раз Иван умолял боярина, но все напрасно. Так в тоске и страданиях прошло три года. И вот лекарь Миланио, с которым Иван поделился своим горем, предложил ему тайно отвезти письма шведам, обещая хорошие деньги.

— Ты можешь жениться там на своей девушке, — сказал он, — а денег тебе станет надолго.

Иван Калика не смог устоять перед соблазном и согласился.

То, что произошло на судне в эту ночь, потрясло Ивана и заставило усомниться в своей правоте, но отступать было поздно. Он знал — теперь за малейшее ослушание ему грозит

смерть.

Наступил день. Судно стремглав несло навстречу своей гибели. Открылись опасные, окруженные рифами берега. С каждой минутой они становились все ближе и ближе.

Иван Калика тщательно спрятал на груди, под одеждой, завернутые в пергамент письма, привязал котомку за спину и молча ждал.

Когда перед глазами встали пенящиеся и ревущие буруны, Калика твердой рукой направил судно туда, где белая полоса между судном и берегом была уже. Не уменьшая хода, сойма вошла в кипящие волны. Вдруг страшный удар потряс судно, за ним второй, третий...

Сойму повернуло бортом к волне, и тут ей наступил конец: новый удар был так силен, что обе мачты разом рухнули на палубу, а Иван Калика, оглушенный какой-то снастью, потерял сознание и свалился в воду.

Когда Иван очнулся, то долго не мог понять, что же произошло. Он лежал в лесу у костра с забитым травой ртом. Возле него сидели карелы, жестикулируя и громко разговаривая.

По нескольким знакомым словам Калика понял, что это карелы-католики, находящиеся под шведским владычеством.

— Ах, собаки, — выпихнув языком траву, громко сказал он на хорошем шведском языке, — так-то вы заботитесь о рыцаре! Вместо того чтобы накормить и напоить потерпевшего кораблекрушение, вы заткнули ему рот и скрутили веревками.

Карелы с недоумением смотрели друг на друга. Только после новых ругательств и угроз Калики они бросились развязывать своего пленника.

— Мы не знали, что ты швед, — испуганно сказал один из них. — Прости нас, мы думали — русский.

Когда же Калика назвал им грозного командора Выборга, карелы как один вызвались проводить его.

Труден был путь в непролазной лесной чаще, по топким болотам. С лодкой на плечах путники перебирались от одной порожистой реки к другой. С помощью карелов Калика на третьи сутки очутился на набережной города Выборга. Распрощавшись со своими провожатыми, он шел медленно, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Наступала ночь. Было серо и холодно. По-осеннему сеялся бесконечный мелкий дождь, покрывая все туманной пеленой. Впереди, в мутном пятне, угадывались очертания крепости, справа темнела высокая башня церкви, а совсем рядом, среди грязи и глубоких дождевых луж, виднелись сырые, в темных пятнах стены жилищ.

Неожиданно дверь одного из домиков шумно раскрылась, несколько солдат, бранясь между собой, вышли на улицу. Пахло хмельным теплом харчевни. Свет, вырвавшись в открытую дверь, осветил непролазную грязь и серую муть ненастья.

Порывистый морской ветер пронизывал путника мозглой сыростью, заставляя его плотнее кутаться в одежды и мечтать о тепле у домашнего очага.

Где-то рядом Иван Калика слышал бряцанье оружия, хриплые слова команды. По дощатому настилу простучали тяжелые сапоги солдат. И стены крепости как-то разом выросли перед путником.

Старинный Выборгский замок огромной каменной глыбой осел на небольшом прибрежном островке, прикрывая собой город. Высокие его стены были далеко видны со стороны большого залива, где находили убежище от бурь и разбойников многие корабли.

Опираясь на сильную крепость, шведы держали в повиновении карел западных погостов,[36] обращенных в католичество; здесь же под каменными сводами у рыцарей зрели захватнические замыслы и накапливались силы для военных походов на восток.

У главного входа в замок, по сторонам массивной двери, горели смоляные факелы, укрепленные в железных державках. Двор был вымощен булыжником; на мокрых камнях отражались колеблющийся свет раздуваемых ветром факелов и неясные пятна многочисленных освещенных окон замка.

Рассказав о себе стражникам, Иван Калика стал ждать. Командор пожелал видеть гонца немедленно. Слуги повели Ивана Калику по темным коридорам и узким переходам замка, освещенным коптящими сальниками. Прошли два мрачных и холодных зала.

Перед небольшой дверью, едва в рост человека, слуги остановились и, распахнув ее, пропустили гонца.

Большая продолговатая комната, в которую попал Иван Калика, со сводчатым потолком и каменным полом была своеобразным хранилищем военных и охотничьих реликвий. Лосиные и олениные рога, кабаньи головы, черепа разных зверей и птиц висели по стенам и стояли на полках. Одна из стен была украшена самым разнообразным рыцарским вооружением: длинные мечи, пики, медные, серебряные и стальные панцири, шлемы, кольчуги были в отменном порядке и своим видом делали честь хозяину.

Громадный очаг, сооруженный наподобие камина, занимал добрую половину другой стены. Огонь в очаге выл и стонал, пожирая смолистые сухие поленья. Дым, подхваченный ветром, клубясь, уносился под своды очага. Посередине комнаты на большом ковре, опершись о шпагу, стоял высокий воин. На гонца метнулся испытующий взгляд глубоко запавших глаз. Крутой лоб, орлиный нос, широкий подбородок придавали лицу резкость и особую рельефность.

Это был командор шведской крепости Выборг.

Немного поодаль за небольшим столиком сидел маленький, совсем седой старичок. Он низко склонился над раскрытой книгой, чуть заметно шевеля тонкими, блеклыми губами.

— Откуда? — услышал Калика властный голос командора.

— Из Новгорода Великого.

Удивление отразилось на лице воина:

— Из Новгорода?! Кто послал?

— Господин Шоневальд, ваша милость.

— Он там, старая лиса?! — снова удивился командор. — Что же его заставило забраться в самое логово зверя?

Командор не спускал глаз с гонца.

— Я не знаю, ваша милость. Я привез письмо.

— А-а, письмо?

Иван Калика неторопливо извлек из-за пазухи послание Шоневальда, осмотрел печати и протянул командору.

Командор присел на дубовый резной стул, стоявший у камина.

— Эберт, — негромко позвал он старика, быстро пробежав письмо, — мне надо видеть Густава Эриксона. Пусть придет сюда.

Командор снова обернулся к гонцу.

— Где сейчас находится купец Амосов? — отчеканивая слова, спросил он.

— Пять дней назад, ваша милость, он лежал в горячке в доме ладожского посадника.

Командор задумчиво поглаживал свою бороду, словно забыв о гонце.

— Ты свободен! — грубо сказал он, услышав шаги за дверью. — Если в чем нужда, обратись к управителю.

Иван Калика понял, что свидание кончилось. Ответив почтительным поклоном на небрежный кивок командора, он направился к выходу. В дверях он столкнулся с рослым белокурым воином. Смерив Ивана Калику суровым взглядом, воин молча посторонился и прошел в комнату.

— Готовы к походу, Эриксон? — вместо приветствия спросил командор.

— Да, ваша милость. Лошади отдохнули и...

— Лошади не понадобятся, Эриксон, — перебил командор. — Вам предстоит совсем другая задача.

Он взял лежавший на столе пергамент и развернул его.

— Смотрите, Эриксон. По этим рекам и озерам, имея удобные лодки, можно легко достичь намеченной цели. Вам надо выступить через час и двигаться сюда... — Командор стал снова водить пальцем по карте. — Здесь, в этом месте, вы должны уничтожить русский отряд во главе с купцом... — он взглянул на письмо Шоневальда, — с новгородским купцом Труфаном Амосовым. Этот купец — злейший наш враг.

Командор крепости и Эриксон еще несколько минут рассматривали карту.

— Счастливого пути, дорогой Густав, желаю удачи. Помните, — по-отечески ласково добавил он, — вы поведете свой отряд по земле врага. Не верьте никому, и вы победите. — Он обнял за плечи воина и приложился сухими губами к его лбу. — Итак, в путь!.. Пойдите, Эриксон, — снова прозвучал голос командора. — Возьмите с собой карела Кеттунена — он прекрасно знает все дороги на север. Кстати, в прошлом году этот выродок добровольно принял католичество.

Когда в замке затихли тяжелые шаги Эриксона, командор снова взял в руки письмо и подошел к очагу. Приблизив письмо к огню, он стал читать вслух:

— «План Ладожской крепости вам передаст мой человек. Он по ночам на острове в устье Волхова будет зажигать три костра. Пусть будет вам наградой за хлопоты Ладожская крепость, которую вы теперь без труда возьмете».

Командор поднял голову, его взгляд устремился в тот угол комнаты, где белело мраморное

распятие.

«Видит бог, — думал он, — я всегда был хорошим католиком и никогда не жалел своих сил на благо христианства. План Ладоги будет в моих руках. Если бы мне удалось захватить эту крепость — о! — как расширились бы наши владения к северо-востоку, сколько язычников было бы обращено в лоно святой церкви. Сам святой папа...»

Командору казалось, что он уже держит в руках папскую буллу.

— Завтра в поход! — раздельно и громко сказал он. — Я сам поведу своих воинов на Ладогу.

Его рука потянулась к небольшому молоточку, лежавшему на столе. Резкие металлические звуки раздались в замке.

Глава XI. В СТАРОЙ КРЕПОСТИ

Посадник ладожский, боярин Никита Афанасьевич Губарев, хорошо знал Амосова, и не только знал, но и с давних пор состоял не без выгоды дольщиком старого купца во многих его промысловых походах. И в этом году две дружины боярина били зверя на амосовских лодьях в Студеном море.

Труфан Федорович был вынужден остановиться в доме гостеприимного хозяина. Когда переправлялись через волховские пороги, один из груженных карбасов застрял на камнях, и его залило водой. Спасая судно, старый мореход работал наравне со всеми, простыл в холодной воде и занемог. Почти без сознания дружинники привезли его в Ладогу.

Только через десять дней он поднялся с постели, а сегодня Никита Губарев пригласил его к себе на трапезу. Назначив отъезд на завтра, Амосов почувствовал облегчение и с радостью согласился на приглашение посадника.

В низкой сводчатой горнице воеводы было душно: маленькие слюдяные оконца в свинцовой оправе не пропускали свежего воздуха; в углу перед темными образами смрадно коптила лампадка. Но старые знакомцы не обращали внимания ни на духоту, ни на смрад. Отобедав и славно хлебнув из большого глиняного кувшина заморского вина, они вели задушевную беседу.

Друзья сидели на широкой лавке, распоясанные, близко склонившись друг к другу.

Теребя поседевшую реденькую бородку, тучный посадник внимательно слушал рассказ купца о последних событиях в Новгороде.

— Так, говоришь, сменили посадника-то... — задумчиво произнес боярин Никита, ставя золоченый кубок на стол. От движения живот его заколыхался. — Силен умом был, степенной, а вишь ты... Скажи, Труфан Федорович, думку свою о московском князе, — перешел на другое боярин. — Пригоже ли Великому Новгороду к нему на поклон идти али нет? У нас тут всякое говорят. А ты как мыслишь?

Губарев говорил медленно, словно нехотя, но старый мореход почувствовал, как он, ожидая ответа, затаил дыхание.

— Я так мыслю, — Амосов усмехнулся: — день встречать, боярин, надо становясь лицом к восходящему солнцу, а не к вечернему закату.

— Правильно говоришь! — Губарев вздохнул, прикрыв свои слегка выпученные глаза.

Он хотел сказать еще что-то, но звонкие, частые удары «всполошного» колокола оборвали мысль, заставили его насторожиться.

— Бежим наверх, на прясла.[37] Труфан Федорович. — Боярин Никита решительно поднялся и, как сидел, без шапки, накинув только на плечи суконный опашень, стремительно кинулся во двор.

Амосов с трудом поспевал за тучным боярином, не по летам ретиво взбиравшимся по каменной лестнице Стрелецкой башни.

С высоты восьми сажен Волхов был виден как на ладони.

Внизу, у самых стен, на черной ленте реки быстро двигался острогрудый карбас. Дружинники бешено работали веслами, вода бурлила под носовым коргом.[38] Под растекавшейся узорчатой пеной Волхов казался коричневым, словно навозная жижа. На корме во весь рост стоял человек. Он размахивал желтым полотнищем и зычно вопил:

— На помощь, братцы, свей одолевают, на помощь!

Губарев с трудом просунул свое большое тело в бойницу и, держась одной рукой за железный четырехгранный крюк, повис над рекой. Он с неудовольствием отметил несколько молодых березок, успевших пустить корни в расщелины крепости.

— Эй, молодец! — воспользовавшись мгновением тишины, крикнул воевода.

Человек на карбасе поднял красное от натуги лицо.

— Ладно тебе людей пугать, — спокойно сказал Губарев. — Не дюже страшны свей-то. От кого послан? — строго добавил он.

Держаться на одной руке было тяжело, и воевода втиснулся в узкий промежуток между каменными зубцами, плотно заполнив собой бойницу.

Узнав посадника, гребцы стали табанить,[39] придерживая карбас ближе к мыску.

— Соцкий Данила Аристархов к тебе, боярин, за помощью погнал. Свей-то на многих шняках...[40]

— А ты кто такой?

— Кормщик морской стражи Василий Кыркалов.

— Ратного дела не смыслишь! — грозно продолжал боярин. — Ко мне послан, мне и сказывай, а не всему посаду. Греби к Воротной башне, да одним духом чтоб у меня был!

На карбасе дружно взмахнули веслами. Суденышко стремительно понеслось вперед, огибая Стрелочный мыс, разделявший Волхов и реку Ладожку.

Никита Губарев выбрался из узкой бойницы на дубовый пол башни и увидел вооруженных сотников и дружинников.

— Едва нашли тебя, боярин, все городище обегали, как в воду сгинул!.. — отдуваясь, забасил старший из воинов. — Слышать, свей-то вновь мирную ряду порушили.

— Пойдемте, други, послушаем, что гонец скажет. А ты, Труфан Федорович, — обратился он к купцу, — не обессудь, повремени... ратные дела надо решать.

Он направился к выходу, но у лестницы обернулся.

— Дозоры удвоить, глазами, не задом, дозорным смотреть. Не дай бог, ежели что! Слышишь, Захарий?! — Воевода грозно насупил и погрозил пухлым кулаком.

— Слышу, боярин, не будет порухи. Жить в дозоре — не бывать в позоре! — весело отозвался один из сотников.

— Ну, то-то же. — И большое тело воеводы скрылось в пролете лестницы.

Труфан Федорович частенько за полсотни лет походов к Студеному морю бывал в Ладоге, но на Стрелецкой башне стоял впервые.

Он с невольным восхищением рассматривал замечательное творение человеческих рук — каменную твердыню, грозу шведов, «оплечье» Великого Новгорода.

Всех, кто впервыезнакомился с городищем, поражала толщина крепостных стен. Нижняя часть стены Стрелецкой башни, на которой стоял Амосов, была толщиной четыре сажени; второй ряд бойниц располагался в стенах, немногим тоньше — трехсаженных; даже над верхним рядом бойниц толщина каменной кладки была две сажени, так же как и толщина башенных зубцов.

Кроме Стрелецкой, в городище насчитывалось еще четыре башни: Воротная, Раскатная, Климентовская и Тайничная.

Соединяясь трехсаженными стенами, башни составляли крепость, имевшую вид огромного утюга, направленного острым концом на север.

Стрелецкая башня, где находился Труфан Федорович, располагалась как раз на остром конце утюга. Это была главная башня северной твердыни, расположенная на остром мысу, образовавшемся при слиянии рек Ладожки и Волхова.

Амосов и его провожатый, веселый сотник Захарий, прошли мимо дозорного и спустились по каменным ступеням в средний этаж башни. С трудом приоткрыв дубовую дверь, они узким сводчатым ходом вышли на крепостную стену.

Стена, как и башня, была покрыта почерневшим от времени двухвершковым дубовым тесом. Через каждые десять шагов встречались костры, приготовленные на случай нападения врага, с медными котлами на треногах, наполненными смолой. По стенам хранилось аккуратно сложенное оружие: пики, рогатины, бердыши, топоры, колчаны со стрелами, луки.

— На всех оружия хватит, хоть со всей округи народ сбежится! — с гордостью сказал Захарий. — У нас и пушки есть, — добавил он, — и зелья запас немалый.

— Богатая крепость, спору нет, — согласился Амосов, поглядывая то на длинномерные мечи и острые наконечники копий, то на неприступную толщу стен.

Немного не доходя до Воротной башни, часть плит на стене оказалась вывороченными и лежали в стороне — производился ремонт и достройка крепости.

Амосов с интересом смотрел на дикие камни-валуны, среди которых попадались довольно крупные — более полусажени в поперечнике.

Залитые отличным известковым раствором, ничуть не уступавшим крепости камня, эти валуны составляли основной материал, из которого складывалась громада стен и башен.

Но это не всё: снаружи крепость была облицована толстыми плитами из тесаного камня, этими же плитами выкладывались и своды.

Мореход мысленно подсчитал, сколько нужно было вложить сил, чтобы построить эту твердыню, сколько нужно было людей, чтобы доставить по бездорожью весь материал на место, и сколько тяжелого труда, чтобы втащить наверх каменные глыбы при постройке стен и башен!

У входа во вторую башню Амосов выглянул в бойницу.

Внизу он увидел речку Ладожку, большой деревянный мост, соединяющий ее берега, толпу посадских жителей на торгу у моста.

Немного далее, за последними строениями посада, виднелись купола Успенского монастыря.

Вверх по Ладожке, за большим мостом, был еще один мост, а за ним река, заметно расширяясь, образовывала заводь, в которой стояли многочисленные корабли.

У берега рядом с Воротной башней стоял только что прибывший карбас, около которого собрались ладожане. Гребцы с ними о чем-то с жаром разговаривали.

Послышались удары в бубен, загудели трубы.

Из ворот башни вышла группа людей: несколько музыкантов и воинов в доспехах.

Амосов вопросительно посмотрел на своего проводника.

— Охочих людей на рать кличут. Видать, свеев воевать будем, — объяснил Захарий. — Потому и в бубен бьют, и в трубы играют. * * *

Амосов уже давно возвратился в уютные хоромы посадника, а с рыночной площади все еще слышалась ратная музыка, которая заглушалась криками взбудораженных горожан.

Хозяин долго молчал и хмурился, что-то соображая, потом, будто вспомнив, посмотрел в угол. Там, на скамье, покрытой черным сукном, стоял небольшой ларец темно-зеленого цвета, перетянутый железными полосами.

— Ну-ка глянь, Труфан Федорович.

И посадник нагнулся с ключом над шкатулкой. Звякнул замок, со звоном открылась крышка; кипарисовый ларчик внутри был разделен перегородкой пополам и оклеен атласным шелком. В одной половине ларчика хозяин держал драгоценности, а в другой хранились документы.

— Вот... — Боярин вынул из шкатулки пергаментный свиток.

На пожелтевшей от времени коже Амосов увидел чертеж Ладожской крепости. Он с любопытством принялся разглядывать линии и надписи, густо покрывавшие пергамент:

— Смотри-ка, стены башни сколь толсты, — хвалился посадник. — Пороками[41] их век не возьмешь. Вот хода потаенные: один под Волховом с Тайничной башни идет, а этот тайник в земляной город с Климентовской. Тут колодцы тайные, а здесь погреб... Вот и рассуди,

Труфан Федорович, разве свеям такой город взять!

— Об этом и думки у меня нет, чтоб свей город взяли, — спокойно ответил Амосов, свертывая пергамент.

— То-то, Труфан Федорович, не взять свеям Ладугу!.. — Посадник положил обратно в ларец чертеж, прикрыл крышку и обратился к Амосову. — Я, Труфан Федорович, часто тебя в непогодушку вспоминаю. Жизнь ведь у тебя вся на море прошла. Жалко небось потерянные годы?

— Снова жизнь начинать — на море пошел бы! — твердо ответил Амосов. — Мне сроду в морском ходу любо.

— Так-то так, да ты, Труфан Федорович, все в нехоженные земли уплываешь, за тридевять морей да за льды ходячие. А кому нужны труды твои да тяготы несказанные? Разве ближе промыслу нет?

Труфан Федорович встrepенулcя, глаза его сверкнули задорно, по-молодому.

— Расскажу тебе я, Никита Афанасьевич, притчу одну про кормщика-новгородца Ивана Гостева-сына. С моим отцом в одно время плавал, братьельниками были.

Амосов откашлялся, расправляя усы.

— Вот слушай. По слову Великого Новгорода ходили промысловые суда в дальние концы Студеного моря-океана.[42]

Кормщик Иван Гостев-сын правил свои лодьи дальше всех, и достиг он Нехоженной Земли. Этот берег он полюбил и в губе поставил избу. А урочная ловецкая пора отойдет, и Гостевы лодьи правят обратный путь.

Сдаст Гостев товар Великому Новгороду, помолится в соборной Софийской божнице, и опять побежали лодьи в край Студеного моря, в Гостево становище.

Сорок лет ходил Иван Гостев своим неизменным путем в дальний берег. И тут пало ему на сердце сомнение: «Зачем хожу в этот удаленный берег? Кому нужны несчетные версты моих походов? Найду берег поближе, будет путь покороче».

В смятении стоит Иван Гостев у кормила лодейного. В парусах свистит шелоник.[43] Рядами и грядами набегают морская волна. И видит Иван Гостев: чудная жена, одетая в багряницу, стоит у середовой мачты[44] и что-то считает вслух, и счет свой вписывает в золотую книгу.

«Кто ты, госпожа? — ужаснулся Гостев. — Что ты исчисляешь и что пишешь в книгу?»

«Я премудрость божия, София Новгородская. Я считаю версты твоего морского ходу. У меня измерены все твои пути. Каждая верста морских походов сочтена и вписана в книгу жизни Великого Новгорода».

«Ежели так, — воскликнул кормщик Гостев, — то и в более далекий край пойду и пути свои удвою!»

— Так и я, — закончил Амосов, — ежели надобно, за тридевять земель пойду, не откажусь.

— Уговорил, уговорил, Труфан Федорович! Ты, как старый ворон, даром не каркнешь. Знаю, большое дело делаешь, я ведь в шутку.

Посадник широко зевнул и лениво перекрестил рот. Пошарив на груди, он поднес ко рту

серебряную свистелку.

— Боярыню покличь, — велел он появившемуся слуге.

Мягко ступая, из соседней горницы вошла полногрудая, высокая женщина. Она была совсем молода и казалась дочерью посадника.

— Татьянушка, голубушка, — стал жаловаться жене боярин, — разморило меня, в сон так и клонит, сил нет терпеть. Вели мне постель приготовить, да и гостюшке нашему Труфану Федоровичу, чай, надобно бы соснуть.

Он посмотрел на Амосова одним глазом, другой уже не в силах был открыть.

— Никита Афанасьевич, — певучим голоском отвечала хозяйка, — как же спать? Запоматовавал небось, сегодня ведь гости у нас да скоморохи.

— Ну-к что ж? Потешься, Татьянушка, а я сосну. Гостям-то скажешь: хозяин, мол, все ходит с дозором — городище от свеев блюдет.

«Старый хочет спать, а молодая играть», — подумал Амосов.

И, желая услужить молодой хозяйке, вслух добавил:

— И я посмотрю скоморохов, боярыня. Покличь, как придут. — Мореход учтиво поклонился хозяйке.

— Да здесь ведь, Труфан Федорович, гостей принимать будем, здесь и скоморохам место.

Боярыня вышла готовить мужу постель. Вскоре ушел и воевода.

Амосов, оставшись один, подошел к небольшому поставцу из карельской березы. Поставец был покрыт алым суконным завесом с зеленой атласной кромкой.

Отдернув завес, Труфан Федорович взял с полки одну из книг и углубился в чтение. Он не заметил, как слуга внес серебряную жаровню, украшенную затейливым узором. Ароматный дымок струйками поднимался над жаровней, расплываясь по горнице. * * *

Скоро час, как в хоромах ладожского воеводы пируют гости под песни и пляски скоморохов. Сейчас идет представление в лицах. Один из балагуров, переодетый в женское платье, играет жену богатого, но старого купца Терентьища. Молодая и приветливая Авдотья Ивановна раскапризничалась. Она жалуется мужу на здоровье — болит у нее и тут и здесь. Авдотья Ивановна требует, чтобы муж скорее шел искать лекарей.

Богатый купец Терентьище очень любил жену и слушался ее. И сейчас, взяв деньги, он отправился в Новгород искать лекарей и встретил скоморохов. Скоморохи окружили Терентьища и стали спрашивать его, почему он грустный. Один из скоморохов играет на гусях, другой поет веселые песенки.

Терентьище рассказывает о болезни своей жены Авдотьюшки. Волхвы предлагают вылечить ее. Они приказывают Терентьищу взять дубинку и влезть в мешок. Ухватившись за концы, все, охая и кряхтя, потащили мешок с купцом к нему домой — в Юрьевскую слободу.

Встретив Авдотью Ивановну, они передали ей последний привет от Терентьища и рассказали, что муж ее лежит мертвый и вороны выклевали ему глаза. И жена вдруг преображается: куда делись скука и болезнь. Она весело смеется, радуется, что избавилась от постылого мужа. На радостях угощает скоморохов вином и миндальными орешками и просит спеть песню про старого мужа.

И вот, усевшись на лавку, скоморохи запели веселую песенку и заиграли на гусях. Песенка призывала старого мужа Терентьища вылезти из мешка.

Богатый купец Терентьище, в большой досаде на Авдотью Ивановну, тотчас выскочил из мешка и принялся дубинкой охаживать ее недуг. Недуг выпрыгнул в окно, чуть не сломав голову в спешке, оставив платье и деньги купцу Терентьищу.

Гости хохотали, перебрасываясь веселыми шутками. Одаривали скоморохов сладостями и яблоками.

Но вот старший из скоморохов, седовласый старец, взяв в руки гусли, ударил по жильным струнам. Скоморохи окружили старца. И полилась любимая новгородская песня про морские походы, Студеное море и битвы с врагами.

Труфану Федоровичу очень не нравилось поведение одного из скоморохов — маленького чернявого плясуна. Чернявый все время кружился около зеленого ларца.

«Словно муха к меду, так и липнет», — про себя отметил старый мореход.

Скоморохи, закончив былинку, снова принялись выплясывать под веселую музыку и заслонили собой от Амосова ларец. Один из танцоров завертелся вьюном; вот он, громко квакая, поскакал лягушкой по горнице. Всем стало смешно. Боярыня рассмеялась, засмеялись и гости, загоготала прислуга, толпившаяся у дверей, улыбнулся и Труфан Федорович. Глаза от ларчика он отвел только на мгновение, но когда он снова взглянул на него, то ясно увидел, как крышка ларчика, сделанная высоким теремским, поднялась и тут же опустилась.

«Забыл ведь Никита Афанасьевич ларец замкнуть! — пронеслось в голове у морехода. Вдруг страшная мысль мелькнула в голове: — ...чертеж города... свей».

— Воры! Переветники! — закричал во весь голос Труфан Федорович и бросился к ларчику. Не помня себя, он открыл крышку — плана крепости в шкатулке не было.

— Воры! — еще раз крикнул Амосов и стал глазами искать чернявого парня в толпе челяди. Увидел он его у самой двери: чернявый проталкивался к выходу.

— Держите, вот он вор! — рванулся было к скомороху Амосов, выхватив промысловый нож из-за голенища.

Но чернявый свалил ударом кулака пытавшегося задержать его холопа и одним прыжком очутился на дворе. По пятам за чернявым к Воротной башне бросились слуги и гости.

Не ожидая для себя ничего доброго, скоморохи, воспользовавшись общей растерянностью, незаметно выскочили из крепостных стен и скрылись в ближайших кустарниках.

Чернявого все же поймали. Почти настигнутый холопами воеводы, он с ходу прыгнул в лодку, стоявшую на берегу Волхова, и попытался переплыть на другой берег. И, может быть, ему бы удалось уйти от погони, но рыбаки, возившиеся с сетями, услышав крики и узнав воеводских слуг, переняли чернявого на середине реки и связанного привезли к воеводе.

Пойманный скоморох был посажен в глухое подземелье Стрелецкой башни. Избитый до полусмерти, прикованный к стене тяжелой цепью, он лежал на гнилой подстилке в ожидании допроса и пыток...

Перед отъездом Амосов решил проведать игумна Успенского монастыря, приходившегося ему дальним родственником. Выйдя из крепостных ворот, он увидел, как по Ладожке один за другим бесшумно проплывали большие карбасы с вооруженными горожанами.

Поворачивая за Стрелецкий мыс, карбасы поднимали паруса и быстро скрывались за высокими тяжелыми стенами из дикого камня.

«Свеев бить!» — с гордостью подумал Труфан Федорович, провожая глазом быстрые карбасы.

Лучи вечернего солнца покрывали золотом парус последнего корабля, повернувшего на север к просторам Ладожского озера.

Не успел еще последний карбас скрыться с глаз, как мимо Труфана Федоровича, прогремев по деревянному мосту, промчались двое всадников, держа путь на юг с вестями к Господину Великому Новгороду.

Глава XII. ТАЙНЫЙ ГОНЕЦ

Узник дышал тяжело, с хрипом. От нестерпимой боли в суставах лицо превратилось в страшную маску. Но и сегодня, так же как и вчера, он ничего не сказал.

Посадник осатанел. С налитыми кровью глазами он бегал по подземелью из угла в угол.

— Огня! — крикнул он визгливо. — Дать огня! Один из палачей, худой прыщеватый мужик, приволок жаровню с раскаленным углем к ногам чернявого.

— Пить... — вдруг громко произнес узник. — Все поведаю.

Прыщеватый мужик посмотрел на посадника и, зачерпнув ковшиком из деревянного ушата, подал воду.

Осушив все до последней капли, узник напряг все силы, поднял голову и глянул в глаза боярину Губареву.

— Спрашивай, — услышал посадник. Глаза чернявого закрылись, а голова снова упала на грудь.

— Что за человек, откуда?

— Боярина Борецкого слуга.

— В бегах?

— Нет, отпущен.

— Прозвище как?

— Василий, Герасимов сын, а прозываюсь Вьюном.

— Кто научил чертежи у меня выкрасть?

— Венецианец Миланио.

— Венецианец! — удивился посадник. — В Великом Новгороде?

— Лекарем он у боярина Борецкого... Боярину-то друг, приятель, почитай что побрательник. Не одну ночь вместе бражничали.

Посадник испуганно осмотрелся.

— Ну-ка, вы, за дверь, маленько обождите! — крикнул он тюремщикам. — Сам позову, когда нужно будет... А знал боярин Борецкий, — продолжал допрос посадник, — на какое ты дело послан, али нет?

Никита Афанасьевич даже привстал от волнения; он не спускал глаз с лица узника. Вьюн молчал.

— Отвечай!.. — зашипел посадник, колени у него дрожали.

— Неведомо мне, боярин, — тихо ответил Вьюн. — Разговоров я ихних не слыхивал, не взыщи.

Посадник долго молчал, собираясь с мыслями. Да и было о чем думать. С одной стороны, ежели Борецкий замешан в этом деле, он изменник Великому Новгороду, и ему, посаднику, надлежит известить об этом господу. С другой стороны, посадник знал, что Борецкий принадлежал к богатейшему новгородскому роду и пользовался доверием и уважением большей части новгородского боярства. Палка явно была о двух концах и одним из концов могла убить ладожского посадника.

— Не мог боярин Борецкий твои воровские дела знать... — решился наконец посадник. — А еще что тебе венецианец повелел? Все сказывай.

— Двое нас было, — продолжал Вьюн. Он помолчал. — Перво-наперво нам свеев упредить велено, чтобы морехода купца Амосова с дружиной перехватить, живота лишить... не дать ему к Студеному морю хода. — Узник остановился и долго не мог отдышаться. — А второе — план городища у тебя выкрасть, чтобы свеям Ладогу сподручнее было взять...

Никита Афанасьевич только теперь понял все. Молнией пронеслись слова Амосова. «Бояре-то, — говорил старый мореход, — думали от заморской руки для себя корысть иметь, а того знать не хотят, что заморские руки всегда русской земле зло готовят. И сухарь свой всегда чужих пирогов лучше».

Подавив приступ бешенства, боясь испугать резким словом Вьюна, посадник вкрадчиво спросил:

— Ну-к что ж, Василий, а другой-то... вор, товарищ-то твой, где он? В Ладоге небось тебя, дружка сердешного, ждет?

— Ослобони руки, боярин, немоготу стало. Языком поворотить и то больно, — попросил Вьюн.

Посадник ослабил веревки.

— Уж десять ден, как товарищ мой с Ладоги ушел: у свеев он.

«Эх, — подумал посадник, — беда! Труфан Федорович седни в поход собрался. Упредить надо — пусть переждет. Так вот по какому делу свей в озеро вышли!»

Посадник на прощание со злобой ткнул кулаком чернявому в зубы и, кликнув тюремщика, заторопился к мореходу.

— Покличь купца Амосова! — выйдя на двор, приказал он слуге и с нетерпением стал ждать.

— Сплыл в озеро купец, — ответил, возвратясь, слуга, — и двух часов не прошло. Вслед за бронниками сплыл, что на свеев шли. Тебя, боярин, искал.

Никита Губарев непонимающе посмотрел на холопа, а когда услышанное дошло до его сознания, выругался.

— Пропал Труфан Федорович! — вслух сказал он. — Пропал, мореход ты мой милый! — «А ежели гонцов послать? — мелькнуло в голове. — Да куда там! По времени должен в озеро выйти. Вся надея теперь на бронников. Отобьют свеев от берегов — жив-здоров будет мореход, а нет — голову положит. Переждал бы, да нет, всегда на рожон, упрямый старик, лезет».

Посадник еще постоял, подумал и, махнув рукой, поднялся на крепостные стены. * * *

В это время Амосов находился на берегу Волхова, в самом устье, поблизости от небольшого островка, расположенного у выхода в озеро. Дальше по воде двигаться было нельзя. Вчера шведы захватили островок в свои руки, закрыв выход в озеро. Только на южном его берегу ладожанам удалось отстоять небольшой участок; здесь они укрепились и отсюда решили наступать. Всю ночь под прикрытием густого кустарника к ладожанам прибывало подкрепление, и к утру русские сумели накопить силы.

У лагеря Амосова стеной стоял дремучий лес; пройти этот лес сухопутьем было нельзя. Болота, топи и непроходимая чаща преграждали путь.

Дружинники обошлись без горячего — дым мог навести врага — и, закусив сухьем, толковали о разном.

— Ну и лес! — сказал Петруха Рубец. — Что ни скажи, леший вторьем морочит.

— Лес — божья пазуха! — строго заметил старый дружинник. — Кого хошь накормит, напоит. Кто с умом, в лесу припеваючи проживет. Здешние-то мужики пчелой промышляют, — добавил он, показав на стволе толстого дерева свежую отметину.

— Бабы-то наши в Новгороде что говорят: был бы хлеб, и к лесу привыкнешь. Сейчас многие по лесам живут.

— Ягоды приспели, тьма их в здешних местах. Любил я мальчонкой ягоды собирать, — задумчиво заметил Рубец.

— Эй, ребята, смотри-ка, сам хозяин леса к нам вышел! Эко медведище! — раздался чей-то испуганный голос.

Дружинники обернулись.

К берегу вышел огромный бурый медведь. Он с любопытством разглядывал лагерь.

— Матерой зверь, на такого и с рогатиной страшно... — сказал старшой Савелий, берясь за топор. — Смотри в оба,

ребята.

— А я без рогатины на медведя выйду, — насмешливо отозвался Петруха Рубец, артельный сказочник, — живьем добуду... Дозволь, господине, — обратился он к Амосову.

— Дозволь, Труфан Федорович! — попросили остальные дружинники. — Пусть Рубец свою

удаль покажет.

— Иди, Петруха! — ответил Амосов. — Да не моргай, парень.

Рубец не торопясь вытащил из-за пояса пустой рукав от овчинной шубы. Из котомки он достал какую-то железину вроде кошки, которой достают из колодца упавшие деревянные ушаты, и взял ее в левую руку. Потом надел на эту руку пустой рукав.

— Вот и вся моя снаряда... Ну-ка, ребята, подайте-ка шишек! — попросил он.

Несколько человек нарвали с веток зеленых шишек. Петруха наложил их полный карман и двинулся на медведя. Подойдя к зверю шагов на десять, он бросил в него шишкой и замахал пустым рукавом.

— У-у!.. Образина! У-у!.. Лешай! — закричал он на медведя.

Шишка больно ударила зверя по носу; он поймал ее и с хрустом раскусил.

— Не сладка укусом елова шишка? — дразнился Петруха, махая рукавом. — На-ка еще!

Шишки одна за другой полетели в морду зверя. Медведь был голоден и не хотел уходить по-пустому. Он глухо зарычал, подняв, словно собака, верхнюю губу.

— Я вот тебя, лешай! — Петруха поднял сухую ветку и замахнулся ею на медведя. — Я вот тебя!

Медведь зарычал громче. Он встал на задние лапы и пошел на охотника. Рубец, ударив смаху зверя хворостиной, скрылся за стволом большой сосны.

Дружинники с напряжением следили за поединком.

Прячась за толстый ствол, Петруха еще несколько раз стегнул зверя. Медведь в бешенстве царапал сосну, стараясь схватить охотника. Петрухе пришлось, спасаясь от когтей зверя, перебежать от дерева к дереву. Но вот он бросил хворостину и стал махать пустым рукавом под самой мордой зверя. Улучив удобный момент, Рубец сунул рукав в открытую пасть медведя и быстро освободил руку.

Схватив скрытую в рукаве железную распорку, разъяренный медведь размозжил себе пасть. Обливаясь кровью и страшно рыча, он лапами старался вынуть железину, но только еще больше разрывал рану.

Этого-то и добивался Петруха. Отвязав от пояса толстый кожаный ремень с петлей на конце, он ловко заарканил зверя и привязал его к надежному суку.

— Подходи, ребята! — крикнул он с торжеством. — Кому медведь нужен — дешево продам!

— Приколи, Петруха, — мучается животное, — сказал Амосов.

Рубец рогатиной прикончил зверя.

— В лесах я всегда костыль ношу. Ежели не убежит медведь — всегда мой будет.

— Однако не всяк сумеет так зверя промыслить. С другого медведь враз шкуру спустит, — смеялись дружинники. — Молодец, Петруха!

Под утро звуки сигнальных рогов и страшный рев из лагеря ладожан разбудили Амосова. Забили бубны, загудели трубы. Ладожане сбросили с себя перед боем верхнее платье, сапоги и, босые, побежали с яростным криком вперед.

Захваченные врасплох, шведы были разбиты и стали спасаться на корабли, стоявшие у берега. Амосов видел, как русский всадник в пылу боя одним махом влетел на самый большой шведский корабль. Воин стал рубить врагов и не дал шведам поднять якоря: ладожане захватили корабль. Остальные корабли с остатками войска успели отойти от острова. Выйдя в озеро, они скрылись на западе.

— Хорошо наказали свеев, будут помнить, как на чужой огород зариться! — радовался Амосов. — В путь, ребята, собирайся! — приказал он дружинникам.

Скоро отряд Амосова вышел в Ладожское озеро. Погода была тихая, с резкими криками у кораблей носились чайки. Вода в озере при ярком солнце казалась черной; вспененная карбасом, она превращалась в коричневатую.

Часто встречались большие и малые соймы, груженные строевым лесом и золой и идущие к устью Невы.

Благополучно зашли в реку Свирь. Из маленькой избушки-сторожки вышли люди и, столкнув лодку на воду, быстро подгреблись к амосовым карбасам. Это была новгородская стража. Поговорив с Амосовым, стражники повернули обратно.

Начались отмельные берега, местами покрытые осокой и камышом, за камышом шли заросли березняка, а дальше виднелись сосновые леса. Потом берега стали выше, лес придвинулся вплотную к реке, начались опасные пороги и перекаты.

По берегам реки то здесь, то там чернели избушки, одиночные пристанища для судовщиков и бечевников,[45] провожающих груженные соймы и большие карбасы через порожистые места. Зимой в избах находили приют извозчики, перевозящие беломорскую соль в Новгород.

Полноводная, разлившаяся по-весеннему Свирь встретила новгородцев неласково. Целую неделю пришлось выгребаться на веслах, работая непрерывно в две смены. Через самые большие пороги, Сиговец и Медведец, проходили бечевой.

Часто встречались то одинокие путники, то группы людей, бредущие из Новгорода к богатому и сытому северу. Пройдя пороги, Амосов обогнал небольшую лодку, груженную домашним скарбом. Женщина и мальчик, впрягшись в лямки, с трудом тянули лодку, а мужик стоял на корме и управлял веслом.

Зато, войдя в Онежское озеро, распустив паруса, новгородцы быстро двинулись с попутным ветром вперед. По Онежскому озеру, бурному и опасному, нельзя было плавать на мелких суденышках — нужны были другие суда, и Амосов решил купить сойму в Вытегре.

Из Свирской губы путь шел к реке Вытегре. Навстречу новгородцам то и дело попадались двухмачтовые лодки-бело-зерки, груженные разным товаром. Войдя в мелководное устье и поднявшись вверх по реке, проложившей илистое ложе среди низких болотистых берегов, новгородцы остановились у бревенчатого мостовища. Возле пристани раскинулась небольшая деревенька; здесь дешево можно было купить хорошую, крепкую сойму.

Труфан Федорович весь вечер ходил с корабля на корабль и все-таки не обошел все суда, стоявшие плотными рядами по берегу и заполнявшие небольшой затончик у самой деревни. Уже совсем поздно Амосов сторговал большую удобную сойму и с наслаждением лег спать в кормовом помещении, пахнувшем свежей сосновой стружкой и смоленой снастью.

Старый мореход хорошо знал здешние места. В молодости ему не раз приходилось пробираться волоком по рекам и озерам в Северную Двину и Холмогоры. По Вытегре шли суда, груженные «низовым» товаром; с Волги — товары из восточных стран. Здесь проходил один из главных торговых путей Великого Новгорода.

Плавание по озеру от Вытегры было однообразным. Непрерывно тянулся на север низменный берег с волнистыми насыпями красноватого песка, заросший кустарником и мелким хвойным лесом.

Сойма шла быстро. Скоро показался мыс Бесов Нос, о котором в народе ходило много рассказов. Некоторые из дружинников видели на его отвесных склонах высеченные таинственные фигурки и письма. Тремя каменистыми растопыренными пальцами уходил в море мыс, покрытый высоким хвойным лесом, хорошо заметным издалека.

Еще немного — и открылся Муромский Нос. Среди соснового леса белели постройки каменного Муромского монастыря.

У хозяина маленькой дымной избушки, одиноко стоящей в стороне, Амосов купил свежей оленины и, одарив дешевыми бусами хозяйских белокурых дочек, двинулся дальше. Только поздней ночью Труфан Федорович решил остановиться на ночлег.

Нарушив тишину, застучали топоры, задымились большие костры. На берегу выросли два шалаша, покрытые зелеными ветками; забурлила в котле похлебка, распространяя вкусный запах.

Окончив трапезу и поговорив о разном перед сном, дружинники стали укладываться спать, опасливо поглядывая на комаров, тучами носившихся около костра. Издали комариный рой был похож на серое облако. Комары нападали на людей, нещадно жалили, набивались в нос, в рот, в уши, в глаза, они затрудняли дыхание, принося человеку страшные мучения.

— Ишь, проклятуций гнус! — тихо ругался старшой Савелий. — Вот ужо угощу вас!

Он отошел в сторону, наломал охапку хвойных веток и кинул их в огонь. Едкий дым отогнал на время надоедливые комариные полчища.

Лагерь уснул. У шалашей одиноко бродил дозорный. Время от времени он бросал в костер новую охапку веток и глядел, как вспыхивали, корчась на огне, зеленые иглы.

На пути мореходы встретили несколько десятков разных судов, нагруженных беломорской солью, ворванью, сушеной и соленой рыбой и кожами. Чувствовалась близость реки Водлы, где проходил другой важный путь Великого Новгорода — на реку Онегу и Белое море.

Ночи были теперь совсем светлые, почти такие, как на Белом море.

Соскучившись по своему мастерству, Труфан Федорович часто подходил к кормщику — сморщенному старичку с Вытегры, вот уже вторые сутки бессменно стоящему на руле.

— Дай-ка, Иван, правило. Постою за кормщика, справлюсь небось, — шутил он. — А ты отдохни, устал ведь.

— Бери, бери, Труфан Федорович, потешься, а я сосну. — И старик, раскинув тут же, у Амосовых ног, баранью теплую шубу, мгновенно засыпал.

К реке Повенчанке дружинники добрались под вечер.

У самого устья раскинулось небольшое селение, оживающее зимой, когда тысячи санных упряжек двигаются из Новгорода в Сумский посад и возвращаются обратно, груженные беломорской солью. Дружинники обратили внимание на многочисленные амбары, большие заезжие дворы и две-три лавчонки, торгующие самым разнообразным товаром. Сейчас много домов пустовало и селение казалось брошенным.

На утро Труфан Федорович снова повел свой отряд по древнему пути, проторенному новгородцами. Опытный мореход много раз выручал людей от излишних тягот и опасностей.

На одной из небольших речек, как раз на середине течения, застряв на камнях, суда остановились: либо река сделалась мельче, либо лодки были перегружены. Быстрая струя ударялась в борта, захлестывая внутрь. Новгородцы дружно работали веслами и шестами, пытаясь продвинуть лодки, но все было напрасно.

Предстояла тяжелая работа: нужно было или облегчить суда, бросив часть груза, или переносить на плечах и лодки и груз по узкой, чуть заметной тропинке, вьющейся у берега.

И тут помог Амосов. Поднявшись в рост, старик внимательно осмотрел реку. Впереди, совсем неподалеку, он заметил переузье — место, где берега близко сходились, оставляя неширокое русло, едва достигавшее трех-четырех сажень.

Труфан Федорович оставил на лодках по одному человеку, остальным велел выходить на берег, прихватив с собой судовые паруса. Выбрав две крепкие сосенки, росшие по берегам переузья, дружинники натянули между ними толстый моржовый ремень, а к ремню привязали паруса. Нижние края парусов, спускавшиеся на дно речушки, завалили тяжелыми камнями, дерном и хворостом. Получилась плотина — крупные паруса, перекрывающие друг друга, совсем не пропускали воду. Уровень речки быстро поднимался. Лодки сошли с мели и двинулись вперед. У самой плотины дружинники вытащили их на берег и стали ждать, пока воды прибудет побольше.

— Разбирай плотину, ребята! — крикнул Амосов.

Дружинники выдернули паруса, и вода бурлящим потоком ринулась вниз по реке. Дальше все было очень просто: спустив лодки на воду, отряд быстро двигался вперед вместе с прибылой водой.

— Надоели мне, ребяташки, реки, забодай меня бык, и глаза на них смотреть не хотят! — жаловался старшой Савелий. — И большой реке слава до моря, а эта-то и вовсе дрянь!

До устья реки такую плотину пришлось строить еще один раз. А там быстрое течение вынесло новгородцев на простор Выгозера, лежащего в огромной каменной котловине, окруженной со всех сторон темным дремучим лесом. До противоположного берега расстояние в семьдесят верст дружинники бежали под парусами. Достигнув устья Нижнего Выга, каменистой порожиистой реки, отряд расположился на ночевку в заезжем дворе Степана Котова. Впереди предстоял самый опасный участок пути, и Труфан Федорович дал молодцам отдых.

— Набирайтесь сил, ребяташки! Назавтрие путь тяжелый, — предупреждал он дружинников.

Глава XIII. ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Всю ночь бушевал стремительный шелоник. Гонимые ветром волны задорно шумели у пристаней Торговой стороны, накатываясь на деревянные борта многочисленных лодей, сойм и карбасов. Покачиваясь, груженные суда задевали друг за друга, тоскливо скрипели, словно жалуясь на непогоду.

Гуляя по улицам города, ветер свирепо обрушивался на кровли домов, то там, то здесь громыхая оторванным тесом.

К утру стало стихать, а когда часы отбили последний ночной час, ветер почти угомонился.

Город только начинал просыпаться. Уличанские сторожа и огневики, переругиваясь между собой, убрали ночные решетки. На судах зашевелились люди, задымились деревянные трубы поварен...

Но вот распахнулись тяжелые ворота Словенской башни. Из города к берегу Волхова двинулись извозчики и разный торговый люд.

На пристанях сразу сделалось шумно. Заглушая лошадиный топот и стук колес, бранились, отгоняя колымаги, лодейщики; торгуя снулой рыбой, у рыбацких карбасов шумели купцы; к купцам приставали носильщики; скрипели грузовые коромысла, поднимая тяжелые бочки.

Оживилась река. Две большие соймы, груженные красноватым камнем, едва видимые в утреннем тумане, медленно двигались по течению. Камень везли со старых плитоломищ Ильмена. Обгоняя соймы, легко бежали небольшие рыбацьи лодки.

— Э-гей! — закричали с лодок. — Э-гей, открывай, други!

Стражники, возившиеся у речной заставы, в ответ замахали руками; толстые бревна медленно раздвигались, открывая проход для судов.

Вместе с толпой, хлынувшей из города, на пристани появился человек в одежде ремесленника. Он подходил то к одной, то к другой сойме и, что-то спросив у судовщика, шел дальше.

У небольшой соймы со сломанной мачтой, одиноко стоящей в конце вымола,^[46] человек остановился, вчитываясь в полустертые буквы, едва видимые на грязных досках обшивки.

— «Иоанн Креститель», — прочитал он. — Здесь Афанасий.

Взобравшись по ветхой сходне на палубу, человек стал стучать по крышке люка.

— Афанасий, эй, Афанасий! — оглянувшись по сторонам, крикнул он. — Это я, Тимоха.

— Тимоха?! — не сразу ответил голос откуда-то из глубины судна. — Слезай ко мне, да не оступись — темно здесь.

Очутившись в пустом чреве старой соймы, Тимоха не сразу разглядел сидящего на соломе Афанасия Сыркова.

— Упредить тебя пришел, — зашептал Тимоха. — Беги. Афанасий. Прознали боярские псы, где хоронишься, седни здесь будут.

Афанасий вскочил на ноги:

— Прознали, проклятые! Куда теперь?..

— К Студеному морю беги! — снова зашептал Тимоха. — Ребята наказывали — беги, там не пропадешь.

Афанасий стоял молча, обдумывал.

— Ладно. Спасибо, Тимофей, упредил! — Он обнял товарища. — Скажи нашим, коли жив буду — отпишу. А ты иди. Бояр беречься одному-то способнее... Иди, парень, не тяни время, — добавил он, заметив колебание товарища.

Тимоха заскрипел по лестнице.

— Прощевай, Афанасий! — донесся уже сверху его голос. — Будь здоров!

Покинув сойму, Афанасий Сырков торопливо поднялся к Словенским воротам и, войдя в город, зашагал по деревянным мосткам. Кожевнику то и дело приходилось уступать дорогу громоздким колымагам: они двигались то в город, то из города непрерывным потоком, а на узкой мостовой с трудом могли разъехаться две повозки.

Узкими, кривыми улицами и переулками пробирался Сырков к Ярославову дворицу, а потом повернул на Плотницкую улицу, ведущую к торгу. Стараясь быть незамеченным, он шел, внимательно оглядываясь. Увидев боярскую челядь, Афанасий прижимался к заборам и стенам домов.

Со времени битвы на Великом мосту многое изменилось в Новгороде. Бояре жестоко отомстили горожанам за пережитый страх, за смерть боярина Божева. Обещания владыки остались одними словами: все, кто был посмелее да поприметнее в памятные дни мятежа, исчезали бесследно. Сам Афанасий едва спасся от цепких боярских рук. Однажды ночью в дом кожевника, жившего бобылем, ворвались вооруженные люди и, захватив мастера в постели, чуть было не убили его. Выручили спавшие на чердаке подручные. Свалившись неожиданно на боярских холопов, они расправились с ними по-своему и под утро закопали трупы в огороде между грядками с репой и горохом.

С тех пор Афанасий Сырков забросил дом и, боясь мести, словно медведь в берлоге, отсиживался в старой сойме знакомого судовщика.

По Плотницкой улице Афанасий вышел на торг, в самую гущу народа; здесь он чувствовал себя в безопасности. Работая руками, Афанасий стал пробираться к церкви Параскевы Пятницы. Окруженная пристанями приземистая церковь, покровительница новгородского торгового и заморских купцов, стояла близ Великого моста. У ее каменных стен уютилось несколько домиков, заселенных попами, дьячками и другим церковным людом, а сквозь ограду виднелись кладбищенские кресты. Тут же у церкви виселись большие поленицы дров и стога сена, выставленные на продажу. От вымолов дурно пахло невыделанными кожами, привезенными из далеких ни-зовских земель.

У церковных ступеней, где толпились нищие, стоял неумолчный гомон: вдовицы, хромцы, слепцы, калеки, юродивые наперебой выпрашивали подаяние.

А на торгу царило оживление. В гостином дворе югорских купцов лавки были завалены пушным товаром и моржовой костью. Степенные персы и армяне, юркие евреи перебирали собольи меха в мешках из синей холстины, мяли и разглядывали шкурки горноста, бобра, лисицы и белки. Татары торговали кнотовища из рыбьего зуба и холмогорские сундуки, обитые красной юфтью из тюленьих кож.

У Псковского гостиного двора ганзейцы рядились у кругов перетопленного душистого воска. Лавки купцов из Персии и Сирии привлекали камкой, бязью, коврами и пряностями. Венецианцы предлагали шелк и прекрасные изделия из стекла.

Сырков шел мимо многочисленных лавок новгородских ремесленников: сапожники, портные, оружейники, кузнецы выставляли свои товары, которым мог позавидовать любой европейский город.

Пройдя между возами с солью, прибывшими из соляных разработок Старой Руссы, Афанасий направился к Великому Ивану на Опоках, где в сторожах служил его давнишний дружок.

Церковь Ивана Предтечи на Опоках была известна далеко за пределами Новгорода. Построенная в глубокой древности, она служила оплотом богатейших купцов-вощаников, державших в своих руках всю обширную новгородскую торговлю. Заморские купцы, югорские и другие купеческие объединения Новгорода так или иначе были зависимы от Иванского купечества, а иванские выборные старосты играли видную роль в новгородской политической жизни.

В этой-то знаменитой церкви и служил сторожем Илья Козолуп, дружок Афанасия Сыркова.

Двери церкви Ивана Предтечи были широко открыты; их обступили крупные оптовые торговцы, приехавшие из многих стран мира. Пестрая смесь языков и наречий, многозвучный говор, ссоры, громкая ругань оглушили Сыркова. В притворе оказалось еще беспокойнее: у вощаных весов шла перебранка.

Несколько нюрнбергских купцов хотели взломать один из кругов воска, казавшийся им слишком тяжелым. Суздальский купец не соглашался. Наконец ганзеец ткнул железным прутком воск, нащупал что-то твердое. Круг разломали и, к стыду суздальца, из воска извлекли большой, тяжелый камень.

В другом конце в присутствии тысяцкого яростно спорили новгородские купцы, перемеривая кусок красного сукна иванским локтем.[47] Тут же, в костяном ларце, находился образец рубленной серебряной гривенки.

Староста, держа в руках небольшие весы, что-то объяснял обступившим его купцам.

За маленьким столиком, окруженный торговцами, не покладая рук трудился иванский меняла. Он с большим знанием дела разбирал кучки всевозможных монет: здесь были деньги многих городов и стран, древние и самых последних дней.

Сырков знал, где искать сторожа. Дверь в подвалы была приоткрыта. Спустившись вниз на несколько ступенек, он крикнул:

— Эй, Илья!

— Кого бог принес? — послышался голос.

— Это я, Афоня Сырков.

— Обожди маленько.

Сторож, кряхтя, поднялся по лестнице:

— Афоня! Вот те раз. А я панихиду по тебе думал править. Откуда ты?

Сырков без утайки рассказал другу о событиях последних дней.

— Не быть мне в Новгороде живу: загрызут бояре, — закончил он. — Хочу к Студеному морю податься. Выручи, Илья, дай денег. Путняя долгота страшит. Из первой выручки верну, с лихвой верну.

— Под твое слово дам, — сказал сторож. — А лихвы мне не надо. Пусть монахи берут — им привышно... Пойдем, друг, — добавил он, — я тебя другой дорогой выведу, а то меж господ купцов пока проберешься, из своей рубахи вылезешь...

Через маленькую железную дверь, почти незаметную в северной стене храма, друзья вышли на площадь. Неожиданный звон новгородских церквей встретил их многоголосым хором. Со всех концов города неслись протяжные, тоскливые призывы колоколов.

— Опять усопших хоронят. Оголодал народ, — сказал Илья и перекрестился. * * *

К вечеру, когда торг стал расходиться, через площадь проскакал на огромном взмыленном коне толстый боярин. Горожане посмеивались, глядя на толстяка с красным, вспотевшим лицом, неловко сидевшего в седле. Это был ладожский посадник.

Боярин Никита Губарев, узнав, что ладожане отбили нападение врага и опасность для крепости миновала, не выдержал и сам поехал в Новгород. Он решил все рассказать Евфимию.

«Авось поможет владыка, — думал он, подпрыгивая в седле. — Жаль Труфана Федоровича. Неужто ему пропадать?»

У дверей Софийского дома Губарев, пыхтя, слез с коня и направился в сени.

Ладожского посадника Евфимий принял в маленькой горнице. Несмотря на жаркий солнечный день, здесь было прохладно и сумрачно. Две лампадки скупо освещали темные лики святых на древних иконах, широкие скамьи вдоль стен, дубовое кресло, на котором сидел владыка, и тяжелый резной стол. Не вставая, Евфимий зажег восковую свечу от огня лампадки. В горнице стало светло.

— Садись, боярин, — сказал новгородский архиепископ, — сказывай... Любо мне при лампадах думать, — добавил он, — голове легче, глазам вольготнее и на душе покой.

— Трех коней загнал, владыка, — волнуясь, начал посадник, — на четвертом к тебе прискакал!..

— Как свей, боярин? — нетерпеливо перебил владыка.

— Разбили свеев, — оживился посадник, — многих в полон похватали! Корабль свейский в Ладожке стоит — заполонили.

— Добро, хорошо службу правишь, Никита Афанасьевич! — похвалил владыка. — А я подумал, не за помогай ли ты прискакал. Говори, в чем нужда твоя.

Посадник вытер потный лоб:

— Измена в Новгороде, владыка... Мои люди гонца к свеям перехватили. Во всем переветник признался... — Губарев запнулся.

Архиепископ сурово глянул из-под насупленных бровей:

— Сказывай дале, боярин.

— Амосова старшого сгубить похотели, — понизил голос Никита Губарев. — Свеям о том писано.

— Кто гонца слал? — недобрый голосом спросил владыка. Никита Губарев оглянулся по сторонам, медля с ответом.

— Говори! — грозно приказал Евфимий. — Говори; боярин!

— Владыка, — жалобно отозвался посадник, — и стен ноне боюсь! — На выпуклых глазах его показались слезы. — Отец милостивый, не выдай, тебе как на духу...

Взглянув на Евфимия, он понял, что медлить нельзя.

— Боярина Борецкого холопа поймали, Вьюном прозывается, другой, Калика Иван, толмач боярский, к свеям ушел. А воровскую грамоту дал Миланию, что у Борецкого лекарем.

Никита Губарев едва дышал. Пот катился с него ручьями.

— Правду ли говоришь, боярин?

Посадник встал и перекрестился, глядя на икону.

— Вьюн на правеже поведаль. Здесь он, владыка. Евфимий поднялся и, тяжело опираясь о посох, сделал несколько шагов.

— Феодор, — позвал он, приоткрыв дверь.

— Я здесь, владыка.

— За боярином Борецким пошли, отче, пусть не медлит.

— Сейчас, владыка... — отозвался казначей. — В гридне двое гонцов тебя дожидаются, — добавил он, — с Пльскова гонец да наш монастырский с Шелони. Сказывают, ждатель не мочно им.

— Зови, отче! — решил Евфимий.

Вернувшись на место, владыка поправил оплывшую свечу.

— А ты не бойся, боярин, — взглянув на испуганное лицо посадника, ободрил он. — Бог не выдаст, свинья не съест.

Дверь, скрипнув, открылась, в горнице появились двое: высокий боярин в доспехах и костлявый монах в черной суконной одежде. Оба были покрыты дорожной пылью.

— Благослови, владыка! — в один голос сказали они, подходя к Евфимию.

Архиепископ благословил.

— С чем, боярин, пожаловал? — обратился он к псковичу.

— Беда, владыка! Рыцари пльсковскую землю воют. Посады жгут и грабят, церкви святые рушат. — В голосе псковича послышались слезы. — Помогу у старшего брата, Новгорода Великого, молим... Поддержи, владыка!

Псковский гонец упал на колени.

— Вече соберем, — ответил Евфимий. — Без новгородского слова не мочно бранные дела

решать. Встань, боярин, будь в надежде... А ты с чем? — обратился он к монаху.

Чернец посмотрел на владыку, на бояр и твердо сказал:

— Тебе одному послан сказать, владыка:

— Пообождите в гридне маленько, — согласился Евфимий. — Ты, боярин, и ты, Никита Афанасьевич. А я пока церковными делами займусь.

Дверь за боярами закрылась, владыка взглянул на монаха.

— Мужики Коневскую пустынь пожгли, — сказал чернец. — На иноков с дрекольем, вилами да топорами вышли... Посекли, покололи старцев многих. Отца игумна сгубили.

Чернец говорил, что топором рубил, отчеканивая каждое слово.

— Причина в чем? — спокойно спросил владыка.

— Кричали мужики, будто земли их исконные, угодья бортьевые да ловли рыбные монастырь своевольно захватил — вся причина в том.

Владыка молчал, ничем не высказывая своих мыслей.

— Накорми чернеца, отче! — сказал он появившемуся в дверях казначею. — А ты приберись с дороги, брате, отдохни.

Стало тихо. Евфимий, творя молитву, беззвучно шевелил губами. Скрипнула дверь. В горницу вошел боярин Борецкий.

— Благослови, владыка!

Словно не слыша, Евфимий долго смотрел на Борецкого. Казалось, он видел его первый раз.

— Садись, боярин.

— Зачем звал, владыка? — спросил Борецкий. Он осторожно присел на край скамьи, будто боясь сломать ее.

— Так, боярин... — гневно начал Евфимий. — Против Новгорода, господина твоего, против Софии святой! Людей русских врагам продаешь!

— Облыжно то, владыка! — поднялся с места Борецкий. — Против Новгорода никогда думы не держал.

— Лжешь! — не сводя глаз с Борецкого, крикнул владыка. — Почто холопа Вьюна да толмача к свеям слал? Борецкий побледнел.

— В Ладугу посланы те люди, владыка. Купцам ганзейским уважил, просили с товарами послать, мешкоты купцы боялись...

— Миланио, лекарь твой, — не слушая боярина, перебил Евфимий, — тех слуг сговорил.

— Неповинен, владыка. Без ведома моего эти дела! — смотря в глаза Евфимию, твердо ответил Борецкий. — Богом клянусь!

Владыка заколебался.

— И купцов московских не по твоему слову в Торжке сгубили? — подумав, спросил он. —

Тоже богом, боярин, клясться будешь?

— Виновен, владыка, московскому князю бревно под ноги подкатил. Не хотел помощи из княжьих рук. Добра Новгороду хотел! — страстно заговорил Борецкий. — А вече против пошло, не сумели с мужичьем сладить. С тем смирился.

— Москвы испугался, а купцов ганзейских на шею Новгороду посадить похотел... Я князю не заступник, — уже спокойно сказал Евфимий, — пусть сам правду ищет.

— А ежели лекаришко Миланио что от себя писал, завтрашнего дня ему не видеть! Дозволь, владыка, домой! — Руки Борецкого дрожали.

— Подожди, боярин, — ответил владыка, — не торопись... — Евфимий верил и не верил Борецкому. — Дело к тебе есть... — наконец решился он. — Пльсковичи помощи просят. Божьи рыцари внове мир порушили, землю православную разоряют.

— Сам пойду. Овинов, Своеземцев, Арбузьевы, другие не отстанут, — откликнулся Борецкий. — Конное войско вготове стоит. Охочих людей у нас довольноно.

— Хорошо. Спасибо, боярин... На вече людей подыми... — Владыка помолчал. — Еще дело есть, боярин.

— Что за дело, владыка? — с готовностью спросил Борецкий.

— Кои людишки в поганстве живут, — начал Евфимий издалека. — На Шелони, в ночь на праздник рождества Предтечи, по селам кумиров поминают, в бубны и в сопели и гудением струнным и всякими неподобными играми сатанинскими тешатся, бесовские песни поют. Мужики и жены пиры творят и пляшут срамно. И в другие святые праздники кумиров поминают. Срамно же... — Он остановился и посмотрел на Борецкого.

Борецкий смиренно слушал.

— Церкви святой от сих дел великое поношение... Монастырь наш на Шелони те безбожные мужики сожгли, старцев многих, игумна жизни лишили. Знаю, боярин, там земли твои близко. Отпиши, пусть воров уймут, за дела богопротивные в железа их заковать повели да в ямы на чепь, как собак, посадить. Помни, боярин, о завтрашнем дне! — подняв руку, торжественно сказал Евфимий. — Церкви поможешь — многие грехи тебе простятся.

«Видать, не обойтись без нас владыке, — думал Борецкий. — В покорении и послушании мужиков держать — твердая рука надобна, а у тебя дрожат руки-то. И для нас многополезна святая церковь: где силой не возьмешь, люди слову божьему внемлют. Птицу кормом, а человека словом обманывают... а о смерти рано мне думать. Чей день завтра, а нынче наш, — продолжал рассуждать боярин. — Нет, владыка, уж лучше так: сегодня мне, завтра тебе». А вслух сказал:

— Сделаю, как велишь, владыка. А с мужиком я сам расправлюсь. Не придется им боле монастыри жечь.

— Иди с богом, боярин, верю тебе, — решил Евфимий. — Однако честь свою пуще глаза береги. Дела те воровские на вече поведай... Пусть казнят злодеев. * * *

— Позвать Миланио! — загремел Борецкий.

Зная крутой нрав боярина, холопы сломя голову бросились исполнять приказ.

— Ну подожди, мерзавец! — рычал Борецкий, сжимая кулаки. — Я покажу, как писать грамоты. Ты мне все поведаешь, друг Миланио. За услугу я плачу только чистой монетой.

В гневе боярин не заметил, как слегка шевельнулась бархатная занавеска у окна. Когда Борецкий повернулся спиной, Миланио, словно тень, выскользнул из горницы и бросился к потайному ходу. Пока слуги, сбившись с ног, искали по всему дому венецианца, он успел добраться до ворот Готского двора.

Прежде всего Миланио решил предупредить Шоневальда.

— Надо бежать из Новгорода, ваше священство, бежать как можно скорее! — повторял он. — наших гонцов схватили, ваша милость, а в Новгороде мертвого заставят говорить правду. Надо бежать!

Шоневальду передался страх венецианца.

— Они не посмеют хозяйничать здесь! — бледнея, воскликнул он. — С древнейших времен этот двор неприкосновенен... Беседу неожиданно прервал ольдерман двора Юлиус Мец.

— Пришли русские, — сказал он, войдя в горницу. — Они говорят, что у нас скрывается врач боярина Борецкого. Если мы его не выдадим, русские грозят взять силой... Вы Миланио, господин? — вежливо обратился он к венецианцу.

Миланио умоляюще смотрел на Шоневальда.

— Да, это Миланио! — не раздумывая, сказал орденский посол, указав пальцем на венецианца. — И мне кажется, что он не должен пользоваться защитой нашего двора.

Миланио понял, что все кончено.

— Прощайте, ваше священство! — с презрением сказал он. — Пусть вам воздается по заслугам... Я уйду с вашего двора, — обратился Миланио к ольдерману и, не проронив ни слова, удалился.

Шоневальд стоял у окна и следил, как щуплая фигурка венецианца пересекла двор и скрылась в воротах.

«На что надеется этот разбойник? — думал он. — Неужели рассчитывает на милость Борецкого? Или, может быть, решил перед смертью поиграть в благородство?»

Придя в себя, Шоневальд стал обдумывать план бегства из города.

Сначала он решил бежать на Псков переодетым, но тут же отбросил эту мысль.

— Не пройдешь ворота — схватят... — вслух рассуждал орденский посол. — Надо придумать другое. Но что?..

Долго он перебирал в голове всякие способы. Неожиданно вспомнил про Иоганна Фусса.

— Он должен спасти меня! — вслух сказал Шоневальд и, позвав в окно проходившего по двору слугу, попросил пригласить купца.

Иоганн Фусс не замедлил явиться. Робко взглянув на Шоневальда, он сказал:

— Я здесь, ваша милость.

— Господин купец, — без обиняков начал Шоневальд, — мне грозит опасность. Я должен тайно выехать из этого проклятого города. Помогите мне! — Он замолчал, не спуская глаз с купца.

— Как я могу помочь, ваша милость? Я бедный купец! — воскликнул пораженный Фусс.

— Подумайте, Иоганн Фусс, — вкрадчиво отозвался Шоневальд, — подумайте, сын мой. Церковь никогда...

— Ваша милость — перебил купец, — может быть, я смогу достать для вас русскую одежду. Мой друг, русский...

— Это исключено... — разочарованно протянул Шоневальд. — Это исключено, милейший. Городские ворота всегда хорошо охраняются, а сейчас... нет, это немыслимо... Подумайте хорошенько, господин купец! — Теперь в голосе посла послышалась угроза. — Вы ведь хитры на выдумку. Я помню, как вам удалось одурачить всех. Тогда вместо сельди вы провезли русским оружие.

— Ваша милость, я придумал! — радостно завопил Фусс. — Я могу вывезти вас из города в большой бочке. Я купил несколько бочек осетровой икры. Но... икра очень дорогой товар, ваша милость, а в бочке полных пятьдесят новгородских пудов...

Послу мало улыбалось подобное путешествие, но, поразмыслив, он понял, что другого выхода нет.

— Сколько стоит икра? — спросил он.

Иоганн Фусс долго колебался с ответом, что-то подсчитывая в уме.

— Я даю двадцать талеров, господин купец. Думаю, этого достаточно, — гордо сказал Шоневальд. — Двадцать талеров!

— Двадцать талеров, ваше священство!.. Только одна икра стоит сто талеров... Но для святой церкви я сейчас же выброшу икру и приготовлю все для вашего путешествия.

— Господин Шоневальд! — послышался за дверью испуганный голос. — Господин Шоневальд!

Дверь распахнулась, и тучная фигура Юлиуса Меца снова появилась на пороге. Громко охая, он долго не мог отдышаться.

— Господин Шоневальд... простите... Несколько русских стоят у ворот, с ними тысяцкий. Они грозятся причинить худо нашему двору, если мы вас не выдадим.

Шоневальд побледнел.

— Ска-жите, — заикаясь, ответил он, — ска-жите, что я уехал... Клянусь вам, что меня через час здесь не будет! Но если вы предадите меня, то...

— Хорошо, ваша милость, я скажу, что вас нет, но это не удовлетворит новгородцев. Они придут в большем числе... и тогда...

— Через час, — перебил Шоневальд, — вы можете открыть ворота, пусть ищут. Я буду уже далеко.

Ольдерман больше не спорил — он поклонился и вышел из комнаты.

— Вы видите, господин купец, надо торопиться! — С этими словами Шоневальд передал Иоганну Фуссу золото.

Купец молниеносно исчез.

Когда к Готскому двору снова подошли вооруженные новгородцы и предводитель грозно потребовал открыть ворота, старшины ганзейских купцов немедленно впустили отряд; они

предложили осмотреть двор, поклявшись, что Шоневальда нет. Уже на следующий день Иоганн Фусс погрузил на большую колымагу несколько тяжелых бочек с осетровой икрой. Он благополучно провез их через Словенские ворота на берег Волхова и не уходил с пристани до тех пор, пока его товар осторожно не погрузили на карбас.

А слуга Фусса, заплатив изрядную сумму гребцам и лоцману, в полдень отплыл на Ладугу. Он удобно расселся на постланном между бочками сене и с аппетитом уплетал дорогую черную икру, удивляясь щедрости хозяина.

Глава XIV. КОНЕЦ ФЕДОРА ЖАРЕНОГО

Расставшись с Медоварцевым у старой корчмы на реке Амовже, отряд Федора Жареного на пятый день пути прибыл к Ливонскому замку.

Кормщики поставили груженные воском суда в небольшой заводи у Девичьей горы, как раз напротив крепости Нарвы. Здесь Федор Жареный решил переждать время, узнать про заморские корабли, куда и когда они уходят.

Оставив за себя бывалого старика Куприяна, Жареный вместе с толмачом собрался на другой берег.

Они присмотрели рыбацкую лодку, наполненную свежей, только что выловленной рыбой; суденышко стояло у деревянного причала. Рыбаков было двое: один разбирал весла, а другой отвязывал от толстого бревна веревку, которой крепилась к берегу лодка.

— Эй, ребята! — закричал Жареный рыбакам. — Далече ли в путь собрались?

— Недалече, — откликнулся один из мужиков, подняв лохматую голову. — На ливонский берег, в крепость, рыбу продать.

— И нам в крепость! — повеселел Жареный. — А много за провоз возьмете?

— Садитесь, платы не спросим, — ответил тот же лохматый рыбак, — не велик труд. Нам все одно в город.

Новгородцы осторожно, стараясь не топтать трепетавшую рыбу, перебрались к кормовой скамье. Рыбаки, тут же взявшись за весла, погнали лодку к ливонскому берегу.

— Сей день утром немецких рыцарей на тот берег везли. Пустые, без товаров ехали, — сказал один из рыбаков.

Гребцы усиленно работали веслами: в этом месте быстрина сильно относила лодку назад.

— Немецкие рыцари? — встрепенулся Жареный. — А не заметил ли ты, друг, меж тех немцев горбатого купца?

— Горбатого не видал, — помолчав, ответил рыбак. — За главного у них был рыцарь. Лицо саблей накрест посечено. Спрашивали нас про купцов новгородских — не проезжали ли-де по здешним местам.

Новгородцы молча переглянулись.

«Надо быть, прошлой ночью обошли нас немцы у большого порога», — подумал Жареный.

Он смотрел на приближающиеся каменные стены Ливонского замка, на крыши чужих домов, на большой герб над воротами; на гербе был изображен щит, а на щите — крест и цветы шиповника. И вдруг как-то сразу тревожное, тоскливое чувство охватило Федора.

— Стеречся надо бы, Федор Тимофеевич, — сказал толмач Аристарх, которому передалась тревога Федора Жареного. — Недаром говорят: чужая сторонushка без ветру сушит, без мороза знобит. На чужой стороне и дите — враг.

Жареный ничего не ответил, он думал, как быть.

Крупная рыбина встрепенулась и громко забила хвостом.

— Ишь, как ее разобрало! — сказал лохматый рыбак, глядя, как бьется в лодке рыба. — Назавтрие утром три заморских судна из города выйдут, — вытирая пот с лица, продолжал он рассказывать новости. — Два судна колываньских купцов и одно из Любека-города сейчас в амбар товары выгружают, а четвертый корабль в Усть-Нарове должен стоять, вчера из города вышел. Тот порожний, этих вот ожидает... — Рыбак кивнул головой на торчащие впереди корабельные мачты. — Один немец в море не выходит — разбойников боится.

— Вот что, ребята, — неожиданно произнес Жареный: — я беру рыбу. Вези нас в обрат, на русский берег.

Рыбаки перестали грести, от удивления разинув рты. Недоумевал и толмач Аристарх.

— Всю рыбу берешь? — недоверчиво переспросил лохматый и почесал затылок огромной лапцей с присохшими на пальцах чешуйками.

— Всю, всю! — отозвался Жареный. — Да греби шибче, ребята, а то скоро в море нас река вынесет, — пошутил он.

И правда, сильным течением лодку далеко отбросило от Девичьей горы.

Мужики нажали на весла, под кормой забурлила, запенилась вода.

— Зачем всю рыбу взял, Федор Тимофеевич, — удивился Аристарх, — куда ее? По такой жаре завтра провоняет.

— Эх ты, беспонятливый! — шепотом ответил Жареный. — Надумал я прямо в устье спуститься и, пока немцы здесь прохлаждаются, в море выйти.

— Так, так, — старался понять Аристарх.

— А рыбу беру потому, — еще тише продолжал купец, — чтоб мужики про нас слух в замке до время не пустили. Понял теперь?

Аристарх кивнул головой и улыбнулся.

Причалив к пристани и рассчитавшись с мужиками за рыбу, Федор Жареный взобрался на свое судно и подозвал дозорного.

— Первые петухи в полночь кричат, — наказывал он, — вторые — до зари, а третьи — в зорю. Такты народ ко вторым петухам подымай... Ну, а теперь отдыхать, ребята.

Люди стали располагаться под открытым небом. Когда зажглись костры и потянуло вкусным

запахом, к лагерю стали собираться любопытные жители. Начались разговоры о житье-бытье.

— Плохо живем, — жаловался старик, шамкая беззубым ртом и брызгая слюной, — ой, как плохо! Обижают нас божьи лыцари, в лесу спасаемся... — И он показал дрожащей рукой на видневшийся у холма дремучий лес. — Не приведи бог, ежели какой лыцарь в реке утопнет али в лесу сгибнет — мы и знать про то не знаем и духом не ведаем, а с нас спрос... А из леса вернешься, головни одни на пепелище, только крест на шее есть.

— Пока пльсковичи оборонять соберутся, в лесу насидишься, — глухо отозвался молодой парень.

— Милостивые, попа бы нам! — молила старушонка с красными, слезящимися глазами. — Во Пльскове, говорят, без места-то их много ходит, а наш вконец спился и службу всю забыл. Помогите, милостивые!

Расталкивая толпу, к лагерю пробиралась молодая женщина в чистом холщовом платье.

— Знахаря у вас нет ли? — поправляя аккуратно повязанный платок, робко обратилась она к Жареному.

— Нет, милая, знахаря, — ласково ответил купец, — а что за беда у тебя — али мужик занедужил?

— Сынок у нас помирает, — всхлинула баба, — что уж только с ним не делали! Родился он слабеньким, кричит и кричит, а сна вовсе нет. Вчерась в хлебный каравай запекли, бабка-ведунья присоветовала...

— Кого запекли? — встрепенулся Жарений.

— Ванюшку, сыночка нашего. — Баба стала всхлипать чаще. — А теперь, опосля горячей печи, он и кричать перестал, красный весь, хрипит у него в середке, глазок вытек, а ведь что василечки глазоньки-то были.

— Сгубили свое дите! — сказал Федор Жареный, с ужасом смотря на бабу. — Теперь и знахарь не поможет. Попа надо звать.

Баба покачнулась, завывала в голос, соседи подхватили ее и повели домой, а в ушах у Федора Тимофеевича долго еще раздавались ее визгливые вопли и причитания.

Время близилось к полночи. Лагерь спал мирным сном. Жители деревушки давно разошлись по домам. Не спалось Жареному. Долго он ворочался и слушал, как дозорные перекликались и стучали в щиты.

«Все равно не заснуть, — решил Федор Тимофеевич, — пойду поброжу, что ли. Ночь-то уж светла больно».

С трудом натянув ссохшиеся у огня сапоги, он направился к вершине холма.

Отсюда как на ладони была видна река Нарова, серьгой охватившая высокий холм. Каменистые берега сжимали русло, река стремительно неслась, вспенивая мутную воду. Напротив виднелись кирпичные башни и стены Ливонской крепости, а за стенами — десятки острокрыших домиков, густо посаженных один подле другого. Под ногами, в небольшой бухточке, стояли две малые лодейки, несколько мелких суденышек были вытащены на берег и лежали вверх дном.

— Здесь конец земли русской, — вслух сказал Жареный, глядя на реку, — а дале немцы.

— В прежние-то времена, господине, славяне по всему поморью, до доньской земли, жили, — услышал купец хриплый голос.

Обернувшись, он увидел одутловатое, бледное лицо, заросшее рыжими волосами. Свальявшаяся неопрятная борода густо росла сразу от ушей. Незнакомец был огромного роста. Рваные и грязные тряпки едва прикрывали тело. Тяжелый, смрадный дух шел от него.

Незнакомец нетвердо держался на ногах. Странно было видеть у него на груди большой крест, говоривший о духовном звании.

— Лыцарей божьих, сих лютых зверей, кои веру Христову дубинами вбивают, не знавали в досельные времена у нашего моря, — продолжал говорить незнакомец, показывая гнилые зубы и дыша перегаром.

— Кто ты? — отступив на шаг, удивленно спросил Жареный.

— Здешнего божьего храма святитель, — последовал ответ, — хмельное люблю. Каюсь в непотребстве, а совладать с собой не волен. Потому и обличье пасторское потерял... — Он пошатнулся. — Да ты не бойся, не пьян я, — продолжал незнакомец, — не тот ведь пьян, кого двое ведут, а третий ноги переставляет, а тот, которому заживо ворон глаза выклюет. Так-то у нас говорят.

Жареный долго молча смотрел на страшного пастыря.

— И сон меня не берет, — снова захрипел поп. — Ночи светлые ныне, я и хожу. Вчера вон видел, рыбаки немцев на тот берег везли.

— Немцев, божьих рыцарей? — встрепенулся Жареный. — Много ли?

— Да не то чтобы много, а десятка два будет. Вооружены все, а товаров с ними нет. Я немецкую речь знаю, — продолжал он, усаживаясь на каменную глыбу, — недаром в этих местах двадцать лет живу. Слышал, что лыцари промеж себя говорили... Шумит падун, — переменил он разговор, — шумит, и устатка на него нет.

Сюда, к Девичьей горе, явственно доносился шум водопада. Звуки бьющейся о камень воды то удалялись, то стихали. Ночь была тихая. Заглушая шум водопада, где-то далеко пропели полуночные кочета. Но природа мало интересовала сейчас купца.

— Слышал, говоришь, немцев? — едва сдерживая себя, спросил он. — А что слышал?

— На медовуху пожертвуй, купец, — хитро подмигнул Федору поп, — все расскажу.

Жареный, не раздумывая, бросил монету.

— Ладно, — поймав ее на лету, сказал поп. — Скажу теперь. — Он помолчал, испытывая терпение Жареного. — Хмельные лыцари были, бахвалились, что новгородских купцов перехватят. Упредим-де наших кормщиков, никуда купцам не уйти.

«Накликал проклятый горбун, прав Медоварцев», — тоскливо подумал Федор Тимофеевич.

— А еще что про купцов говорено? — вслух спросил он.

— Больше не слышал про вас разговору... — ответил поп, испытующе глядя на Жареного. — А ты, господин купец, что делать теперь думаешь? — Поп помолчал. — Скажи, не таись, может, и я чем помогу.

«Дождешься от тебя помощи, — глядя на опухшее от пьянства лицо, думал Федор

Тимофеевич. И вдруг мелькнула догадка. — Неспроста поп выпрашивает, нет, неспроста. Ну и поп, хоть и крест оставил, а душу, видать, пропил». Он в ярости двинулся было на пьяницу, но удержался и взял себя в руки.

— Устали мы, — с безразличным видом сказал Федор Тимофеевич. — В дороге-то, сам знаешь, как намаешься. Обезножели, пока пороги ваши обходили. Поганая река, товары больше на себе нести пришлось. Теперь отдохнем денек-другой, а там виднее будет — само дело покажет.

Федор Тимофеевич притворно зевнул и добавил, крестя рот:

— Во как в сон потянуло! Лягу уж, так до обеда и на другой бок не повернусь с устатку-то... Ну, спасибо за добрую беседу. — И, кивнув попу, Жареный стал спускаться к реке.

— Не верь, купец, завтрашнему дню, обманет... — с усмешкой пробормотал поп.

Постояв еще немного, пока купец не скрылся из виду, он кинулся вниз к реке, к стоявшему с другой стороны мыска небольшому карбасу.

Когда пропели третьи кочета, два судна купца Жареного быстро шли по течению. Мрачный Ливонский замок давно скрылся из виду. Гребцы дружно ударяли веслами. Кормщики, налегая на тяжелые потеси,[48] весело покрикивали на дружинников.

Вот и река Россонь широким рукавом влила свои воды в Нарову. На стрелке раскинулось большое русское село. Здешние жители занимались постройкой речных и морских судов.

Острые глаза Жареного еще издали различили среди рыбацких русских судов кургузый корпус немецкого корабля. Развернувшись, карбасы Федора Жареного вошли в Россонь и, найдя место потише, стали на якоря.

Не теряя ни минуты, Жареный велел спустить на воду лодку; кликнув толмача и двух гребцов, он уселся за руль и поспешил к ганзейскому кораблю.

Несколько хороших взмахов веслами, и лодка стукнулась о толстые доски обшивки. Почти в тот же миг откуда-то изнутри раздался крикливый голос.

— Ругается кормщик, почему-де мы судно ломаем, — сказал толмач, обернувшись к Жареному.

— Брань на восту не виснет, — ответил купец. — Пусть бранится, лишь бы для дела сговорчив был.

Купец с толмачом влезли по скобяной лестнице на палубу «Быстрого оленя» и столкнулись с полным, круглолицым моряком.

Новгородцы вежливо поклонились.

— Из лучших торговых людей, новгородский купец, — представил Аристарх Жареного.

Толстяк не замедлил поклониться в ответ.

— Господину купцу нужен хозяин, — говорил Аристарх.

— Я хозяин этого судна, — ткнув себя в грудь, с достоинством изрек мореход. — Я Ганс

Штуб! Чем могу служить господину купцу?

— Скажи ему, Аристарх, — медленно говорил Жареный, — купец-де хочет отвезти свой товар в Любек. Товар у него — чистый воск, а другого товара нет.

— Хозяин спрашивает, — переводил Аристарх, — сколько пудов воску хочет везти уважаемый купец?

— Сто капей у меня воску, а в капи двенадцать пудов новгородских, а ливонских восемь.

— О-о!.. — высокомерно сказал хозяин. — Это для меня небольшое дело. Мое судно берет груза много больше. У меня в трюме было шесть тысяч новгородских пудов соли, — хвастливо продолжал он, — а судно не было загружено.

— А далече он соль возил? — заинтересовался Федор Жареный.

— В Новгород вез, — откликнулся разговорчивый немец, — да новгородцы наших ганзейцев обидели. Только подумать, соль на вес продавать заставляют, вино — полными бочками, а сукно — на обмер. Это несправедливое, нехорошее требование, как никогда раньше.

— Довольно вам на наших хребтах ехать, — рассердился Жареный. — Раньше-то вы на ласт [49] пятнадцать мешков с солью давали, а теперь двенадцать... Кто кого обидел?

— Перестань ты, ради бога, Федор Тимофеевич! Зачем немца тревожить?

— А ты не переводи, я в сердцах.

— Другие купцы, — помолчав, снова заговорил немец, — у Котлина тайно свой товар русским продали. Пфуй, как нехорошо. Я честный человек, я выгрузил соль в здешнем складе.

— Много ли товаров в сей год до Великого Новгорода не дошло, по пути застряло?

Ганзейский купец поднял глаза, словно призывая небо в свидетели.

— Склады в Ревеле и Риге забиты разными товарами. Две сотни судов, ежели не больше, повернули обратно. Я честный человек, я прямо скажу: для нас, купцов, это убыточно, это плохая торговля, — замотал он головой.

— Спроси, Аристарх, что он за провоз моего воска в Любек возьмет, — перешел к делу Жареный.

Немец помолчал, почесал за ухом, посмотрел за борт на шумевшую под коргом воду.

— Я честный человек, — начал он, — я буду доволен, если мне заплатят четвертую часть от цены за весь воск. Возить русский воск в такое время — опасная коммерция. Я честный человек, пусть мне поверит господин купец...

Ганзеец думал, что русский станет торговаться, и приготовился тут же сделать скидку, но, к его удивлению, Жареный согласился:

— Ну и гусь! С живого норовит шкуру снять. Пусть так, плачу. Переводи, Аристарх. А коли за провоз берет дорого, пусть хорошее жилье мне и моим людям даст. Пусть напрасно не стоит, а, погрузивши воск, в море немедля уходит.

Услышав, что новгородец согласен, хозяин оживился.

— Да, да, я честный человек, — затараторил он, — я дам хорошее жилье русским, пусть господин купец не беспокоится, а идти в море одному опасно — море кишит разбойниками.

Лучше подождать другие попутные суда.

— Скажи хозяину, мои люди все хорошо вооружены и отобьют любых разбойников. Пусть он не боится.

— О-о-о, э-э-э!.. — на все лады долго повторял ганзейский купец, размышляя, как ему быть.

Наконец он решился: высокая плата за провоз перетянула.

— Хорошо, — сказал он. — Я честный человек. Я согласен выйти один в море: я знаю, новгородцы — смелые люди.

— Хорошо, очень хорошо! — повторял Федор Жареный, возвращаясь к своим судам и потирая от радости руки. — Теперь горбатуму нас не достать. Погрузим воск — и в море.

Новгородцы перетаскали воск на ганзейское судно и прилегли отдохнуть. Жареному немец уступил часть своей каюты.

Выйдя на палубу, Ганс Штуб посмотрел на ветер, на воду, вызвал матросов и хотел было поднимать якорь и уходить в море, как вдруг большая рыбацкая лодка подошла к борту. На палубу поднялся человек в черном плаще с крестом, из-под которого торчал конец сабли. Он подошел к Гансу Штубу вплотную и, дохнув на него густым хмелем, негромко сказал:

— Где хозяин?

— Я хозяин, — откликнулся мореход. — Чем могу служить господину?.. — Мельком взглянув на незнакомца, он заметил, что лицо его когда-то было накрест рассечено саблей.

Незнакомец наклонился и что-то прошептал Гансу Штубу.

— О-о! — только и мог сказать немец.

— Пройдемте, дорогой хозяин, в укромный уголок — нас никто не должен слышать.

Хозяин повел незнакомца на нос, и там, усевшись на бухту толстого якорного каната, они начали тихо разговаривать.

— Нет, это невозможно! — привскочил Ганс Штуб, выслушав незнакомца. — Я не могу это сделать: я честный человек.

— Ганс Штуб, — повысил голос незнакомец, — вашего согласия никто не спрашивает! Мы приказываем вам! Покажите, где мы можем расположиться.

— Я не обязан выполнять приказы вашего магистра — я горожанин вольного города Любека. Я честный человек. Я буду...

— Мы не привыкли повторять приказания! — надменно оборвал купца незнакомец. — Если вы не хотите добром, то... — Он положил руку на рукоять сабли.

— Если вы сейчас же не уберетесь отсюда, — вскипел Ганс Штуб, — я подниму крик, и русские превратят вас в трупы! Это было неожиданно. Незнакомец размышлял.

— Ганс Штуб, — пристально смотря на морехода, начал он, — в случае успеха весь русский воск вы можете взять себе. А сейчас вы, кажется, собрались уходить в море. И мы не намерены вам мешать.

— О-о!.. — раскрыл рот от неожиданности купец. — Воск я могу взять себе?! О-о!.. Это меняет дело. Я не могу не выполнить приказа великого магистра — я честный человек... —

Поманив за собой незнакомцев, он открыл дверь в небольшую конуру рядом со своей каютой.
— Вот здесь, господа.

К вечеру Ганс Штуб умело вывел судно в открытое море. Обходя прибрежные мели, он замечал путь по двум приметным соснам со срубленными вершинами. Благополучно пройдя опасные места, он повернул судно на запад и поднял все паруса.

Судно шло близко от берега, повторяя все его извилины, Ганс Штуб, как и все мореплаватели того времени, боялся потерять из виду берег, чтобы не сбиться с пути. Берег тянулся однообразной желто-зеленой лентой — на желтом песке росли высокие сосны и мелкий кустарник.

Море успокаивающе действовало на людей Федора Жареного и на него самого. Все легко вздохнули, словно наконец избавились от страшной опасности.

— Опять день с ночью смежился, — задумчиво глядя на черную воду, сказал Аристарх. — Хвали день ввечеру, а жизнь перед концом! Так, что ль, старые люди говорят? Выходит, Федор Тимофеевич, день хвалить можно — удачливо все у нас вышло.

— Этот день год на мои кости накинул, — отозвался Жареный.

— Федор Тимофеевич, — спросил кто-то, — сколь ходу отседа до Любека? Долго ли плыть будем? Моге тихое ноне.

— Трудно наперед говорить, — ответил Жареный. — Тихо море, поколе с берега смотришь. На морскую тишь да на бабю ласку не надейся, обманчивы.

Дружинники засмеялись.

— На здешнем море, слышно, разбойники лютуют, — обратился к Жареному молодой парень с лихо вьющимися кудрями.

— Не ходил я здесь. В полуночном крае, в студеных морях бывал. Мореходы там разбойников не страшатся.

— Я про тутошних разбойников наслышан, — вступил в разговор Аристарх. — В Пльскове юрьевский купец на торгу рассказывал, будто жил кузнец-литовин, силы непомерной человек, однажды в сто лет земля таких родит. И будто попы римские его охрестить надумали: в поганстве он жил и другой веры не хотел. И охрестили: отца его и мать живьем спалили, а ему каленым железом правый глаз выжгли, на чепь посадили. Назавтрие другого глаза хотели лишить, а он чепь порвал и из ямы убег...

Аристарх посмотрел на плотно обступивших его внимательных слушателей.

— Вот этот литовин в морских братьях объявился. Сначала простым разбойником был, потом вроде как в старших ходил, а сейчас главный ватажник. На знаменьях у них, — понизил голос рассказчик, — вместо ликов святых угодников жук черный большой, и в нем, в жуковине, говорят, вся сила.

— А живут те разбойники где? — спросил кудрявый парень.

— Живут? Живут в свейской стороне, на морском острове, корабли немецких купцов стерегут, кои в Новгород с товарами правят,

— А наши, Великого Новгорода, корабли?

— И наших купцов, ежели на запад идут, не помилуют.

К полуночи с моря подул свежий ветер, судно, легко покачиваясь на небольшой волне, прибавило ходу. Палуба давно опустела. На корме два человека ворочали тяжелый руль. Помощник Ганса Штуба, высокий пожилой немец, переминался с ноги на ногу и зябко кутался в плащ.

В каюте кормщика тихо. В углу на овчине раскинулся Жареный, сладко похрапывая в предутреннем сне. За перегородкой вздыхал и покашливал хозяин.

Но вот в дверь тихо постучали два раза, потом еще два раза. Ране Штуб бесшумно, словно привидение, открыл дверь.

Три темные фигуры проскользнули в каюту и крадутся к постели Федора Жареного. Дрожа всеми суставами, прижался в углу хозяин Ганс Штуб, и кажется, его побелевшие губы шепчут: «Я честный человек, я честный человек».

Одна из темных фигур чем-то тяжелым бьет Федора Тимофеевича в голову. Купец вздрагивает и, захрипев, вытягивается.

Почти тотчас же с разных концов судна раздаются крики, слышна тяжелая возня. Отчаянно отбиваются новгородцы, сонными попавшие в руки врага. Но божьи рыцари хорошо продумали ночную атаку. Борьба быстро стихает.

Страшное зрелище представляет собой палуба «Быстрого оленя» в лучах яркого утреннего солнца. Один к одному, в лужах крови, лежат связанные новгородцы, у каждого к босым ногам привязан тяжелый камень.

Двое рыцарских слуг поднимают лежащее с края тело, не торопясь несут его к борту и, раскачав, швыряют в море.

Среди мертвых лежит раненый Аристарх, рядом — Федор Жареный. Аристарх открывает глаза, тихо спрашивает:

— Федор Тимофеевич, жив?

— Помираю, друг... — едва шевелит губами Жареный. — Сам виноват, забыл... с медведем дружись, а за топор держись... Медоварцева упредить надобно. — Жареный застонал.

— Веревку перегрызи, Федор Тимофеевич! — шепчет Аристарх. — Осилишь?

Жареный едва заметно кивает головой.

Аристарх поворачивается спиной, подставляет связанные руки к лицу Жареного.

Федор Тимофеевич грызет веревки на руках Аристарха, грызет с трудом, из последних сил.

Слуги бросают за борт еще одного новгородца, еще одного... Скоро наступит очередь Аристарха.

Федор Тимофеевич делает последнее усилие — и руки Аристарха свободны. Жареный слабо улыбается, откидывает голову — он мертв.

Аристарх целует товарища, бросается к борту, колет ножом одного из слуг и прыгает в море. Второй оруженосец, ругаясь, выпускает в Аристарха несколько стрел из лука, но стрелы летят мимо.

Глава XV. В ЛЕСАХ КАРЕЛИИ

Тихий солнечный полдень, безоблачное небо, жарко. Воды Выгозера, разглаженные тишью, казались то совсем синими, то вдруг под лучами солнца слепили глаза расплавленным серебром.

На небольшом мысочке, заросшем густым кустарником, у самой воды виднелось небольшое строение, почерневшее от копоти и времени. Рядом с избушкой высилась большая поленница дров, кучи древесного угля, и на яркой зелени трав в россыпи смолистой щепы белели свежооструганные бревна.

На влажный песок отлогого берега чья-то заботливая рука вытащила две небольшие рыбацкие лодки, а на тихой глади залива застыла на якоре двухмачтовая, украшенная затейливой резьбой сойма.

По берегу раскинулась серой паутиной большая сеть со множеством берестяных поплавок. Немного дальше, среди деревьев, проглядывали бревенчатые стены еще двух избушек.

Тишина, царившая вокруг, нарушалась лишь мерными ударами молота о наковальню, доносившимися из прокоптевшей постройки.

Под кустом бузины, буйно разросшимся у темных бревен избушки, маленькая лохматая собачонка спокойно искала у себя блох. На лужайке, позвякивая колокольцем, паслась пегая лошадь. А у ее ног безмятежно резвился жеребенок. Он то вертелся вокруг матери, то катался по мягкой траве. На зеленом ковре резко выделялась его темно-коричневая шерсть; грива и хвост были цвета спелой ржи. Но вот собака насторожила уши и, глухо заворчав, бросилась к берегу. Ее злобный настойчивый лай привлек наконец внимание человека. Стук молота смолк, и в дверях показался плечистый, небольшого роста карел.

Тряхнув льяными волосами, прилипшими к потному лбу, и закрывшись от солнца рукой, он стал внимательно всматриваться в голубую даль залива.

— Илейко, Илейко! — крикнул карел, продолжая смотреть на озеро.

Из кустарника выскочил белобрысый мальчуган и вмиг очутился возле мужчины.

— Я здесь, отец! — нетерпеливо дернул он его за рукав.

— Затопи баню, Илейко! Гости к нам... — Сказав это, карел возвратился в кузницу и снова застучал молотом.

Суда, на которые так яростно лаяла рыжая собачонка кузнеца Тойвута, быстро приближались. Это были легкие карбасы новгородской постройки. Поэтому-то кузнец не стал тревожиться, ведь русские были давние друзья карелов.

Но русские суда были лишь маскировкой. На карбасах разместился шведский отряд, насчитывающий полсотни воинов. По водам Выгозера враз ударяло полсотни больших распашных весел.[50] Задыхаясь от жары, одетые в тяжелые доспехи, воины выбивались из сил, стараясь выполнить приказ своего начальника, сидевшего с правилом в руках на переднем карбасе.

— Эй, шевелись! — властно покрикивал предводитель.

Он то и дело оглядывался назад и нетерпеливым взмахом руки подбадривал отстающие корабли.

— Как думаешь, Кеттунен, — вдруг обратился он к сидящему рядом карелу-проводнику, —

успеем?

— Надо думать, успеем, господин, — глядя в серые жестокие глаза шведа-военачальника, ответил он. Он знал, такой не задумается раскроить череп за малейшую оплошность: не пощадит, не пожалеет.

Недаром командир крепости Выборг назначил предводителем этого отряда Густава Эрксона. Это имя было широко известно: в Выборгском замке мало кто мог состязаться с ним в силе, ловкости, отваге и жестокости. Воины боялись его.

Эриксон, внимательно посмотрев на карела, перевел взгляд на видневшийся вдали зеленый мысок.

— Там, — следя за взглядом шведа, заметил проводник, — там селение наших карелов

— Тут все враги, — не отрывая взгляда от дымков, поднимавшихся в голубую высь, сказал швед. — Надо захватить людей врасплох, чтобы не успели поднять тревогу.

Эриксон снял блестящий шлем и, положив его на колени, вытер потный лоб кружевным платком.

— Ну, показывай, где пристанем! Бери руль! — скомандовал он карелу.

Повернув немного в сторону, карбасы продолжали двигаться на зеленый мыс, и скоро днища их зашуршали по прибрежной песчаной отмели. Отряд высадился в двух верстах от старой кузницы. Воины устало разбирали оружие с карбасов. Опясавшись мечами, они поудобнее прилаживали колчаны, осматривали копья. По команде Эрксона отряд вслед за проводником молча вышел на узенькую, чуть заметную тропинку, проторенную диким зверем.

На стволах могучих сосен то и дело встречались отметины, указывающие путь. Прошли небольшую полоску желтеющего ячменя. Карел-проводник сорвал колос, помял на пальцах спелые зерна.

— Однако, хорошее пиво наварит хозяин.!. — пробормотал он, ни к кому не обращаясь.

Залаяла собака. Воины остановились. Раздвинув кусты, проводник подозвал Эрксона. Сквозь стволы вековых деревьев и бурелом виднелась зеленая лужайка, синева озера, а в березняке темнела избушка.

— Ступай один. Если нет русских, зови. — И Эриксон тяжело уселся на поваленную обгоревшую ель.

Оглянувшись на свой отряд, он подозвал высокого, статного воина и что-то приказал ему. Шведы стали готовиться к бою.

Прошло малое время. Послышался хруст сухого валежника, и голос карела-проводника возвестил:

— Русских нет, господин. Здесь живет карел-кузнец, старики родители, его жена и дети. Однако, хороший мастер карел, живет хорошо, богато живет.

Но Эриксон не слушал объяснений проводника. Не задерживаясь больше, он повел отряд к жилью. Рыжая собака бросилась с заливающим лаем под ноги тяжело ступавшим воинам. Один из них, злобно ругнувшись, пронзил собаку пикой и отшвырнул ее далеко в кусты.

— Зачем он убил собаку? — испуганно обернулся к Эрксону проводник. — Хозяин

рассердится — худо будет.

В ответ предводитель только усмехнулся.

На визг собачонки из избышки вышел знакомый нам карел — хозяин кузницы, небольшого домика и черной бани.

— Зачем убили собаку? — не обращая внимания на многочисленный отряд, крикнул он переводчику.

— Скажи, пусть замолкнет, — грубо ответил Эриксон — не то с ним поступят так, как с этим псом!

— Что надо от меня чужеземцам? — скрестив на груди руки и спокойно смотря в серые глаза Эриксона, спросил кузнец.

— Пусть скажет, где русский купец Амосов с отрядом? Когда он прошел эти места?

Кузнец не сразу ответил. Он видел: шведы устали, тяжелое вооружение тяготило их. Он оценил кольчуги и медные латы, неодобрительно подумал о длинных, тяжелых мечах.

— Пусть говорит, нам некогда ждать, — не повышая голоса, снова сказал Эриксон. Глаза его сверкнули, на лбу надулись синие жилы.

— Говори, однако, — добавил от себя проводник, — говори, не то смерть. Эриксон не привык ждать.

— Русские прошли туда... — Кузнец показал рукой на север,

Была еще ночь, а сейчас солнце снова пошло к закату.

— Много ли русских?

— Пять карбасов плыли на север. Сколько было там воинов, не знаю, далеко они от берега шли.

— Ты знаешь, где живет купец Степан Котов?..

Карел не ожидал этого вопроса.

— Знаю, — подумав, ответил он. — Много лет на Выгозере живет Степан. Все его знают.

— Веди нас к нему.

— С добром ли идете? — тянул карел, хотя от него не укрылись намерения шведов. — Хороший человек Степан, шибко хороший.

Эриксон сказал несколько слов проводнику и обернулся к воинам.

— Собирайся! Отряд выступает. Поведешь к Степану Котову. Господин сказал: хорошо заплатят, — перевел Кеттунен.

— Ладно, иду, — словно смирившись, спокойно ответил кузнец. — Вот сажу смою да переоденусь.

Проводник посмотрел на грязную, пропитанную потом одежду, на волосы и лицо, измазанное копотью.

— Иди, да быстрее.

Кузнец направился к бане. Скрипнув дверью, он, пригнувшись, вошел в полутемное помещение, где его сын у печи из дикого камня щепал лучину на растопку.

Затворив за собой дверь, кузнец торопливо стал шарить по полу и, найдя кусок бересты, быстро вырезал ножом несколько каких-то знаков.

— Илейко, отнеси этот кусок Валиту. Скажи, я повел шведов, они хотят напасть на русскую дружину. Пусть торопятся... Скройся! — зашептал кузнец, слышав шаги. — Не выходи отсюда, пока не уйдут свей.

Мальчишка, как мышонок, юркнул в печь и притаился в ее темной пасти.

Дверь с шумом распахнулась, и на пороге показался Эриксон. Посмотрев на кузнеца, спокойно раздевавшегося у деревянной кадки с водой, и, не заметив ничего подозрительного, он молча вышел.

Через час отряд двинулся в дорогу. Снова на пути встали стволы вековых деревьев, топкие болота, цепкий кустарник.

Кузнец уверенно шел вперед, замечая путь по одному ему ведомым отметинам. Он не видел, как двое воинов, задержавшиеся на поляне, зашли в дом кузнеца и, побыв там недолго, пустились догонять своих товарищей, вытирая на ходу окровавленные мечи.

Когда все стихло, дверь бани тихо отворилась, и в щель глянула перемазанная сажей головка мальчугана. Убедившись, что поблизости никого нет, он выбежал на лужайку и, оглядываясь, метнулся к дому.

На пороге мальчик остановился. Он смотрел широко раскрытыми от ужаса глазами на мать, сестренку, деда и бабу. Они лежали в лужах крови, зарубленные врагами.

Мальчик с плачем бросился было к матери, но, вспомнив строгий наказ отца, вытирая слезы, бегом пустился по лужайке. Он мигом набросил уздечку на пегую лошадь и, ударив голыми пятками по бокам, помчался по влажному песку, оставляя круглые следы, быстро заполняющиеся водой.

Глава XVI. НАПАДЕНИЕ

Просторная изба Степана Котова стояла на бойком месте. Здесь проходил древний путь на север, путь к Студеному морю, проторенный многими поколениями русских людей.

Здесь шли непокоренные: язычники, восставшие против христианства, спасавшие от поругания своих идолов; шли вольные крестьяне-общинники, не признававшие прав народившейся знати на владения исконными общинными землями, водами и лесами. А в этот век шел русский, вконец разоренный мужик, не пожелавший надеть себе на шею боярское ярмо.

Одним из таких людей, сильных волей и здоровых телом, был Степан Котов, тридцать лет назад поселившийся на этом месте. Много перенес он горя и невзгод, когда молодым парнем,

на берегу реки Выга, он купил у богатого карела облюбленный участок за два сорока белок да рубль серебром. Много труда было вложено на выкорчевывание пней, на рубку леса. На делянке в две обжи[51] он сжег срубленный лес и, удобрив землю золой, оставшейся после пережога, засеял ее рожью и ячменем.

— На сырых корнях поселился, — любил говаривать он, вспоминая первые дни своей жизни в этом месте.

У охотников он скупал за бесценок дорогие меха, выгодно приторговывая ими в Великом Новгороде.

На зиму раздобревший Степан Котов ежегодно стал посылать на Мезенский берег ватаги тюленебоев. А этим летом он отправил за моржовой костью в студеные моря две большие заморские лодьи.

Свой дом и амбары Котов окружил высоким частоколом. Не напрасно два года подряд работники стучали топорами по стволам вековых деревьев: за крепким частоколом хозяин жил словно в крепости.

Труфану Федоровичу Котов был рад. Угощая гостя в своей горнице наверху, он был готов до позднего вечера слушать новости о новгородских делах. Котов часто вздыхал, сочувственно покачивая головой, иногда вставлял свое словечко. Голосу хозяина был хриплый: в молодости провалился он под лед, застудил горло — с тех пор и осталась хриплость на всю жизнь. Когда Амосов рассказал про свой план и попросил Котова послать в заморье свои лодьи, Степан заколебался.

«Загубит старик лодейки, — думал он. — Убыток немалый. Не дам, пусть у других просит».

Степан было и рот раскрыл для ответа, но ему помешала песня. Старинную поморскую песню запели дружинники внизу в горнице. Про широкое Студеное русское море говорилось в ней, про богатырей-мореходов, бесстрашно выходивших на промысел, про битвы с варягами, про русскую славу.

Песня ширилась, ей становилось тесно в горнице, она раздвигала стены и рвалась на просторы Студеного моря. Песня звала на новые подвиги, в новые морские походы. В ней слышался грозный шум морских волн, свист ветра, грохот бури; тяжелая волна, рыча, вкатывалась на палубу, ломая всё на своем пути, тоскливо стонали мачты, плакал запутавшийся в снастях ветер. Но вот песня стала тише: слышались причитания матери, провожающей сына, мольба беречь себя, возвратиться домой живым и здоровым.

Песня звучит громче, слова матери тверже, требовательнее. Не просто мать, а мать-родина говорила: лучше погибни от стрелы вражеской, исчезни в пучине морской, но будь храбр, не осрами землю, вскормившую тебя.

Гремит песня, в ней слышится молодецкая удаль. Сердито шумит море.

Ай, да где мы, братцы, будем день дневать,

Будем день дневать, коротати ночь3

Будем день дневать во синем море,

Коротать ночь на большой волне, на белом взводне.

Врываются новые звуки. Неожиданно зазвенело оружие, запели каленые стрелы, громко затрубил боевой рог, призывая к битве. Песня зовет, песня приказывает.

Ударили литавры: победа! Песнь, ликуя, поднимается все выше и выше, увлекая за собой всех, кто слушает ее. Победа! Враг побежден, он бежит от русских берегов.

Звучат торжественные, величественные ноты. Мореходов встречают ликующие голоса родной земли. Лодьи пришли с победой и богатым промыслом. Но встреча омрачена горечью утрат: не все вернулись домой.

Песнь обрывается. Тихо. Никто не смеет нарушить очарование, навеянное старинной песней.

— Эх, Труфан Федорович! — не выдержал Степан Котов. — Да за такую песню жизни не жаль. Ведь как крепко взяла! Бери лодейки. Коли прибыль будет — хорошо, а нет, и так обойдусь.

Хозяин и гость долго еще сидели молча.

— Не пора ли, гостюшко, в постелю? — сказал наконец Степан Котов, заметив, что купца обуяла дремота.

— Да уж прости, Степан, — отозвался Амосов, — замаялся в дороге.

Тяжело ступая, Котов провел гостя в соседнюю горницу, где на широкой скамье была приготовлена постель.

— Спокойно ли в здешних местах? — позевывая и крестя рот, спрашивал Амосов. — Свеев не слышно ли?

— Будь в надеже, Труфан Федорович, не слыхать. На поморском берегу, слух был, свей погосты да монастыри пожгли, то верно, — хрипел хозяин. — Спи себе и думы не держи. А касаемо лихого народа, — продолжал он, — работник у меня двор сторожит.

Котов подошел к окну и, едва просунувшись в него своим большим, грузным телом, крикнул:

— Митрий! Эй, Митрий!

— Здесь я! — откликнулся кто-то со двора. — Чего надоть?

— Вон он, Митрий мой, по двору бродит. Такой любому молодцу спуска не даст!.. — хвастливо заметил хозяин. — Спи, не сумлевайся.

Пожелав еще раз гостю спокойной ночи, Котов ушел на свою половину.

Амосовы дружинники расположились отдыхать где придется. Кто улегся на сеновале, кто в пустом хлеву, подостлав мягкое сено на пахнувший навозом пол. Добрая половина мо-лодцев заняла полати внизу, в большой горнице, где обычно останавливались проезжие.

Сказитель и песенник Петруха Рубец тихим, приятным голосом напевал былинку о Садко. Дружинники слушали молча.

Вот Петруха остановился; ему давно хотелось растянуться на лавке и заснуть, но, по обычаю ватажников, он должен был засыпать последним, когда уж некому было слушать.

Прислушавшись к мерному дыханию молодцов, он спросил:

— Все ли спите, хрещеные, сказывать ли дальше?

— Сказывай, — послышался сиплый голос из угла, — сказывай, Петруха!

И, пересиливая сон, Рубец опять запел. Прошел еще час Петруха снова остановился и

повторил вопрос:

— Все ли спите, хрещеные, сказывать ли дальше?

В ответ раздалось прерывистое дыхание и храп молодцов.

В полночь старшой Савелий проснулся. Нащупав в темноте ушат с водой, он жадно напился и, поправив лежавшие накрест лучинки, чтоб черт в воду не влез, вышел во двор: ему не спалось в душной горнице.

— Ишь ведь, проклятые, забодай вас бык! — ругался, расчесывая волосатую грудь, Савелий.

— Ну и блох, прости господи, развел хозяин! Откуда только напасть такая на человека?

Посмотрев на серое, бесцветное небо северной августовской ночи, на темь обступившего леса, Савелий собрался было идти досыпать на сеновал. Тут его окликнул появившийся вдруг человек с огромной дубиной в руках.

— Что, паря, не спишь, али охоты нет? — загудел детина.

— Воздуху дыхнуть вышел, душно в горнице. А ты что бродишь — в сторожах, что ли?

— Угадал, паря: хозяйское добро стерегу, своего-то не нажил, — присаживаясь на лавку, ответил великан. — Да ты садись, поговорим. Откуда сам-то?

Савелий присел нехотя и хмуро ответил:

— Новгородский... — и, внимательно глянув на нового знакомого, восхищенно добавил: — Дубина-то, забодай тебя бык!

Он попробовал поднять оружие сторожа и удивленно хмыкнул.

— Мне ее впору только ежели на плечо, а ты вместо посоха. На море тебе место — торосной карбас[52] один бы по льду поволок.

Парень ухмыльнулся:

— Быку меня не забодать. Пробовал, да не вышло. А на море я бы рад, да... — он замялся, — дело, вишь, тут одно.

— Стало быть, любя завелась, — заметив смущение парня, догадался Савелий. — Под пару себе, стало быть, нашел?

Мысль показалась Савелию такой несурозной, что он рассмеялся.

— Чего гогочешь? — досадливо оборвал великан. — Ты хозяйскую дочку Варвару видел?.. Она меня здесь и присушила. Не она бы, разве я тут хоть день лишний пробыл?

И парень, видно обидевшись, замолк.

— Забодай тебя бык! А хозяин как? Отдаст за тебя дочку-то?

— Обещал отдать, ежели добра накоплю. Варвара-то на коленях отца молила, за меня замуж хочет. Любит меня, — почти шепотом добавил великан.

— В сторожах ввек добра не накопишь. Вот ежели на море, за костью моржовой... На промысле-то чей перед — тот и господин. Там враз разбогатеешь. Такого-то любая дружина возьмет.

Великан хотел что-то ответить, но вдруг насторожился:

— Кабыть говор слышать, али мерещится? Тебе как, парень?

Савелий прислушался.

— А что, хозяин разве псов не держит? — спросил он.

— Пастухи с собой псов забрали... — тихо ответил сторож, продолжая прислушиваться. — Опять говор слышен, пойти разузнать, что ли? — Великан поднялся и, сделав несколько шагов, исчез за углом дома.

В одиночестве Савелия снова обуял сон. «Пойду на сеновал, — мелькнуло в голове, — сна-то уж немного осталось. Али подождать парня-то?» Он привалился к бревенчатой стеке и задремал.

Савелий не слышал тонкого свиста выпущенной из боевого лука стрелы. Острый наконечник пробил горло сонного Савелия, впился в стену избы. Пробуждение было страшным. Рванувшись вперед, дружинник вскочил на ноги, хотел крикнуть, но только храп вырвался из залитого кровью горла. Шатаясь, он кинулся в избу, на ощупь нашел щеколду и, падая всем телом на дверь, распахнул ее и свалился тут же у порога.

«Ребята, вставайте! Вражье!» — хотел крикнуть Савелий.

Но только мычанье да хрип услышали дружинники. Раненый ватажник бился на полу, стучал ногами, переваливался с боку на бок, заливая грязный пол горницы пузырящейся кровью.

Петрушка Рубец первый понял, в чем дело. Он сломал стрелу и вынул оба конца из раны.

— Свейская стрела! Вставай, ребята! — крикнул он и бросился было на двор, но тут же остановился и торопливо припер дверь крепким дубовым засовом.

И вовремя! Снаружи раздались крики на чужом, непонятном языке, топот многих ног. Дверь затрещала от посыпавшихся на нее ударов.

Дружинники наспех вооружались. Одни натягивали на себя кольчуги, другие покрывали голову шлемом, третьи, согнув луки, старались приладить тетиву.

Враги бешено ломились в дверь. От ударов топора полетела щепка внутрь горницы. Еще миг — и сорванная с петель дверь рухнула на пол. С ревом кинулись дружинники на врага. Русские мечи и пики загремели по медным латам шведов. От неожиданного яростного напора враги подались назад. Но замешательство продолжалось недолго: высокий воин, закованный в блестящие латы, с призывным кличем бросился на дружинников. За ним грянули шведские воины, и бой разгорелся с новой силой. Теснимые со всех сторон, новгородцы отступили. Прихватив трех тяжело раненных товарищей, они вновь укрепились за стенами избы и, осыпая противника стрелами, заваливали вход всем, что попало под руку. Сверху в горницу прибежали купец Амосов с мечом в руках и хозяин Степан Котов. Подбадриваемые криками своего начальника, шведы яростно лезли в избу и после короткой схватки, оттеснив новгородцев от двери, ворвались в горницу.

Не выдержав бешеной атаки, дружинники по приказу Амосова стали уходить вверх. Бой шел теперь за каждую ступеньку лестницы.

Положение новгородцев стало немного выгоднее: сверху удобнее разить врага мечами и копьями. Но в избе дружинников осталось всего только семеро, не считая хозяина и Труфана Федоровича, остальные были ранены или убиты.

Грузный Степан Котов неутомимо орудовал топором. В его сильных, привыкших к тяжелой работе руках топор был страшным оружием.

Он с хриплым уханьем опускал топор на медные шлемы рвавшихся наверх шведских воинов, приговаривая после каждого удачного удара:

— Не лезь на святую землю!

— Не трожь чужих домов!

— Не воруй, поганец!

Внезапно отчаянный женский вопль покрыл шум схватки.

Степан Котов бросился к окну. Шведский воин, намотав на кулак девичьи косы, тащил по двору отбивавшуюся хозяйскую дочку.

— Отец! Митенька! Митя! Спасите!.. — не переставая, звала с плачем Варвара.

— Здесь я! — вдруг неожиданно громко раздался голос.

Дмитрий Головня, хозяйский сторож, принял на себя первый натиск врага. Застигнутый врасплох в дальнем углу усадьбы, окруженный со всех сторон шведскими воинами, он даже не успел взмахнуть своей дубиной. Страшный удар палицы Густава Эриксона оглушил и свалил великана с ног.

Теперь, очнувшись, Дмитрий слышал крик девушки. От бешенства, охватившего его, вдесятеро прибавилось сил. Схватив свою дубину, Дмитрий бросился на обидчика. Швед, не успев крикнуть, рухнул с разбитым черепом, а его товарищи, яростно крича, окружили великана.

На этот раз, защищая девушку, Дмитрий так ловко действовал своей дубиной, быстро перебрасывая ее то в правую, то в левую руку и вертя ею на разные лады, что вскоре около него оказались еще убитые.

Дмитрий отступил к частоколу и бился с наседавшими на него со всех сторон шведами; его длинная дубина непрерывно свистела в воздухе, отбивая удары вражеских мечей.

В избе атака шведов ослабла: испуганные шумом свалки, боясь удара в спину, многие выбежали во двор. Труфан Федорович и Степан Котов были не в силах помочь Головне: затаив дыхание они наблюдали неравный бой.

— Митюха, выручи! Отдам Варвару, как перед богом говорю, отдам, — бормотал хозяин. — Молодец, Митрий! — не выдержав, крикнул он, когда еще один меч, выбитый дубиной из рук шведа, сверкнув клинком, отлетел в сторону.

— Господине, Труфан Федорович, глянь, что свей делают! — испуганно сказал кто-то из дружинников, тяжело дыша и вытирая кровь, сочившуюся из раны на лбу. Он указал на противоположное окно.

— Душегубы!.. — вырвалось у Амосова. — Смотри, Степан!..

Шведы притащили несколько охапок сена по другую сторону дома. Один из них, согнувшись,

возился с кресалом, высекая огонь. Ясно было, что враги решили сжечь избу вместе с ее защитниками. Спасения не было: если кто-нибудь из осажденных и решился бы выпрыгнуть в окно, его приняли бы на пики.

Амосов не думал о смерти. Ему было обидно, что замысел, ради которого он решился на это трудное путешествие, рухнул...

Когда легкий ветерок стал задувать в окна дым, раздался грозный боевой клич. Новый отряд вооруженных воинов появился на дворе и обрушился на шведов, не давая им опомниться. Это были карелы, предупрежденные сыном кузнеца.

Карельские воины ловко бились короткими, широкими мечами, разили врагов острыми пиками и калеными стрелами. Схватка продолжалась недолго: часть шведов полегла в бою, оставшихся в живых взяли в плен.

Тут же, на дворе, после боя карелы собрались на совет — решали, что делать с пленными шведами. Они расселись на бревнах, сложенных кучей у частокола, окружив своего вождя, молодого воина, одетого в посеребренную кольчужную рубаху.

— Привести Кеттунена и начальника свеев! — громко про звучал его приказ.

Перед советом со связанными позади руками появились карел-проводник и Густав Эриксон.

— Кто хочет сказать? — опять раздались громкие слова вождя.

Поднялся седой воин. Опираясь на меч, он помолчал, собираясь с мыслями. Обратясь к Эриксону, старик гневно сверкнул глазами:

— Пусть чужестранец скажет, где кузнец Асташко Тойвутов.

Швед гордо поднял голову и медленно ответил:

— Ваш грязный кузнец висит на хорошей веревке, совсем недалеко отсюда. Он пытался сбить нас с пути и получил по заслугам.

Воины молча переглянулись.

— Ты пришел с мечом на нашу землю, разорил дом кузнеца Тойвутова, убил его родителей, жену и ребенка, повесил его самого. Но это не всё. Ты напал на русских людей, не сделавших тебе ничего худого, многих убил, остальных хотел сжечь. Ты должен умереть с веревкой на шее!.. И ты, собака! — повысил голос старик, обращаясь к карелу-проводнику. — Ты предал родную землю, привел врагов, помог им убивать своих братьев! Ты хуже, чем чужеземный разбойник! Будь проклят от сегодня и до века ты и весь твой нечистый род!.. Он должен умереть, — обратился старик к совету, — такой же поганой смертью, как и свей. Других чужеземных воинов оставим на нашей земле: пусть трудом заслужат себе свободу... Я сказал. — И старик опустил на свое место.

Все воины одобрительно закивали головой. Никто не подал голоса против предложения седобородого воина.

— Кто еще хочет сказать?.. — снова обратился вождь к собравшимся. Он подождал. — Или согласны все с Минаевым?

Воины молча опустили голову.

— Пусть будет так, как хотят все! — торжественно произнес вождь и поднялся с места.

Это было сигналом. Несколько карельских воинов, схватив Густава Эриксона и Кеттунена, повели их за ворота усадьбы.

Все видели, как, идя на смерть, гордо нес свою голову высокий швед и как жалко вымаливал жизнь предатель-карел, ползая на коленях перед своими неумолимыми судьями-соотечественниками.

Глава XVII. БЕГЛЕЦ

Приговоренных привели на высокий берег к могучей сосне, протянувшей свои ветви над рекой. Здесь у большого костра, спасаясь от ночной сырости, собрались дозорные.

Перебросившись скупыми словами, двое из конвоиров присмотрели сучья повыше и потолще, взобрались на них и стали привязывать длинные ремни с петлями на концах; они торопились поскорее покончить с неприятным делом.

Кеттунен затих. Он молчал, озираясь по сторонам, словно дикий зверь в западне. Когда воины, гревшиеся у костра, отошли, чтобы помочь товарищам, он вдруг начал медленно пятиться к огню. Костер, сложенный из толстых сухих поленьев, пылал высоким, жарким огнем, и рубаха на спине у Кеттунена сразу задымилась.

— Берегись, эй! — крикнул ему воин, сидящий на суку.

Все обернулись и посмотрели на проводника. Он стоял немного сгорбившись, его лицо ничего не выражало, кроме довольства согрешшего человека.

— Пусть погрееется, — примирительно заметил другой воин, — ему сейчас все можно.

Все снова принялись за работу.

— Спасибо, карелы, за милость! — неожиданно громко сказал Кеттунен. — Доведется, однако, отблагодарю.

Никто ему не ответил. Кеттунен как будто еще больше пригнулся.

В воздухе запахло горелым мясом. Густав Эриксон, пристально взглянув в лицо своего проводника, понял, какие мучения он терпит.

Кеттунен разорвал на обгоревших руках тлевшие веревки и сделал несколько прыжков по берегу. Не раздумывая, он прыгнул в глубокую, покрытую утренним туманом реку.

Двое дозорных, выпустив по несколько стрел из луков, прислушались: с реки доносилось мерное всплескивание быстро удалявшегося пловца...

Кеттунен сидел у большого синего озера и держал сожженные руки в холодной как лед воде. Протяжный стон вырвался из его груди; карел испуганно осмотрелся — сейчас даже собственное дыхание казалось чересчур громким.

Ему мерещилось, что высокие сосны и ели, плотной стеной окружавшие озеро, протягивали свои корявые руки-ветви, словно собираясь схватить его, А там, подальше, в черноте теней,

где серебристая, ровная, как стекло, поверхность озера терялась в зарослях камыша, там будто копошилось что-то большое, страшное.

— Однако, водяной, — сразу же решил Кеттунен и зажмурил глаза.

Он стал лихорадочно вспоминать молитвы и имена католических святых.

Но спасательные молитвы, как назло, не шли в голову Кеттунена.

Выдернув руки из воды, Кеттунен поспешно бросился прочь.

За несколько часов трудного пути по лесным болотам и сырым мхам беглец совсем обессилел. Вместе с тем страх смерти гнал его дальше вперед и вперед. Не оглядываясь на проклятое озеро, Кеттунен забрался в чащу дремучего леса и с трудом продолжал идти к большому заливу Выгозера, куда всего сутки назад он привел шведский военный отряд.

Обожженные руки мешали ему двигаться; цепкие ветки кустарника безжалостно хлестали его по лицу и задевали больные руки. Он часто вскрикивал, широко раскрывая глаза от боли. Кеттунен пробирался по свежему медвежьему следу — крупный зверь совсем недавно прошел здесь. Трава, сильно помятая медведем, лежала, наклонясь в ту сторону. Вот сквозь ветви кустарника проглянула лужайка. Почти не соображая, Кеттунен долго смотрел на видневшееся строение. Собрав последние силы, он выбрался из леса и подошел к большой бревенчатой избе.

«Здесь карелы живут! — подумал он радостно. — Теперь не пропаду».

— Хозяин, эй, хозяин! — поднявшись на крыльцо, позвал Кеттунен.

Не дождавшись ответа, он толкнул дверь. Протяжно заскрипев, дверь медленно открылась, и Кеттунен с надеждой переступил порог, но тут же в ужасе остановился.

На полу горницы в запекшейся крови лежали трупы родителей кузнеца и его жены с грудным ребенком в руках.

— Убивцы! Я — убивец!.. — закричал Кеттунен.

Он в отчаянии выбежал из избы и заметался по лужайке. Совесть, как лютый зверь, грызла Кеттунена, не давая ему опомниться. Он искал для себя оправдания и не находил. Он изо всех сил старался убедить самого себя, что не виновен... и не мог. Ему казалось, что даже деревья с укоризной смотрели на него и, качая вершинами, говорили, тяжело вздыхая: «Плохо сделал Кеттунен, плохо сделал Кеттунен!..»

Страх смерти с новой силой охватил беглеца.

— Не уйди мне... близко они... все равно смерть!.. — бормотал он, дико озираясь по сторонам. — Нет, хочу жить! — заскрежетал зубами Кеттунен. — Буду жить, пусть погибнут другие!

Желание жить пересилило всё.

Сразу пришла спасительная мысль. Он остановился и стал смотреть на верхушки елей.

— Ветер и огонь спасут меня. Да-да, ветер дует на них!

Пересилив страх, он снова вошел в избу и, стараясь не смотреть на убитых, направился к печке.

Вынув будто неживыми руками лучину из резного светца и корчась от дикой боли, он стал

разбрасывать золу в печи. Под пеплом сохранились непогасшие искры. Бросив на красные угольки несколько сухих скрутков бересты и раздув огонек, Кеттунен с радостью наблюдал за жадными змейками пламени, быстро расползавшимися. Когда береста разгорелась, карел вытащил ее из печи на пол и ногами сгреб в угол. В ярко горевшее пламя он бросил сухих щепок, а сверху положил несколько смолистых сосновых поленьев. Убедившись, что огню не потухнуть, задыхаясь от дыма, Кеттунен распахнул окна, чтобы пламя лучше разгоралось, и обессиленный, вывалился на двор...

— Погибнете, сгорите, как вот эти руки, а Кеттунена вам не увидеть!

Кеттунена лихорадило: только что он дрожал от холода, а сейчас ему было так жарко, словно, одетый в шубу, он сидел в натопленной бане. Захотелось пить. Облизав пересохшие губы, Кеттунен двинулся на поиски воды.

Помнилось, что где-то здесь, неподалеку от избы, протекал прозрачный ручеек.

Тяжело припадая на сбитую в лесу ногу, беглец вошел в густой кустарник; буйная березовая поросль разделилась и, шевеля кудрявыми ветвями, тут же сомкнулась, с головой закрыв его.

Между тем огонь в избе разгорался все больше. Сейчас из двери и окон валил густой черный дым. Свежий ветер вольно разгуливал по горнице, раздувая пожар. Вот пламя стало выбиваться наружу: большой огненный язык высунулся в открытую дверь и, подхваченный ветром, метнулся кверху. Запылала тесовая крыша, а потом, словно большой сноп, занялась огнем вся изба, дружно затрещали сухие еловые бревна сруба.

Раскаленный воздух коснулся скопившихся вокруг жилья вековых елей и сосен. Хвоя на деревьях сразу пожелтела и увяла, затрещали и стали корчиться маленькие веточки. На больших сучьях и ветвях обильно выступила смола.

«Кар-р! Кар-р!..» — раздалось тревожное карканье.

Спасаясь от огня, старый ворон, часто замахав крыльями, перелетел поляну и уселся на тоненькую рябину, что росла у самого берега. Рябинка зашаталась под тяжелой птицей, и ворон долго раскрывал крылья, стараясь удержаться на деревце.

Вслед за вороном поднялась в воздух разноголосая птичья стая. Чужая беду, птицы, громко гомоня, кружились над лесом.

Из кустов на поляну выпрыгнул заяц. Он поднялся на задних лапках и долго шевелил ушами, осматриваясь и прислушиваясь; громкий треск, раздавшийся из горевшей избы, испугал зверька — он метнулся в сторону и, подпрыгивая, скрылся в траве.

Пожар встревожил и росомаху: покинув уютную расщелину в груде серых камней, она выбежала на поляну и, подняв острую медвежью мордочку, остановилась, но, почувствовав опасность, мгновенно скрылась. Скоро она показалась вновь, держа в зубах щенка. Медленно, словно нехотя, перебирая короткими лапами, росомаха перебежала поляну. Оставив на берегу, под корнями большого дерева, своего детеныша, косматая мамаша побежала за другим.

Когда Кеттунен вернулся на поляну, деревья у избы ярко горели.

— Ха-ха-ха!.. — раздалось в шуме пожара. — Ха-ха-ха!.. Карел не то смеялся, не то плакал, корчась на вересковом ковре поляны.

— Эй, ветер! — крикнул он, обернувшись к упругим воздушным струям и подняв свои обезображенные руки. — Эй, ветер, неси огонь на своих крыльях, неси далеко, все прямо и

прямо! Не сворачивай, ветер, со своего пути!..

Ты срывай с деревьев листья! Отрывай у сосен иглы! Обрывай с лугов цветочки! Обрывай у злаков стебли! И гони пески земные На поверхность вод блестящих.

От нестерпимого жара с резким звуком лопнула кора столетней сосны. Несколько смоляных фонтанчиков забили! тончайшими струйками из свежего излома и, вспыхнув, превратились в огненные нити.

Жара погнала Кеттунена прочь с поляны, и он, пятясь, не спуская глаз с огня, вышел на берег озера. Повернувшись спиной к пожару, он побрел бережком, держась против ветра.

Пройдя с версту, он вспомнил, что находится на длинном и сравнительно узком полуострове. Идти по берегу вокруг всего полуострова к оставленным шведами карбасам было далеко. А если пересечь этот мыс поперек, то путь будет много короче.

Густой, непролазный лес с болотами и дикими зверями не пугал Кеттунена. В лесу он чувствовал себя как дома. Вспомнив, что в карбасах воинами был оставлен немалый запас пищи, Кеттунен не стал больше сомневаться. Острый глаз охотника быстро разыскал в прибрежном кустарнике чуть приметную тропинку, проложенную зверьем. Прикинув по стволам деревьев и муравьиным кучам, где должен находиться север, он определил направление и углубился в лес.

— Не пойдут следом карелы — огня побоятся! Не поймать им Кеттунена, — успокаивал себя беглец, прислушиваясь к шумевшему в вершинах деревьев ветру. — Себя спасать, детей своих спасать будут! Огня все боятся...

Забывшись, он опухшей и почерневшей рукой нечаянно задел за тоненькую веточку березки.

— У-у-у!.. — застонал Кеттунен, корчась от боли.

Боль понемногу утихла, и карел, тяжело вздохнув, снова тронулся в путь. Пройдя несколько шагов, он остановился: глаз охотника-следопыта отметил что-то подозрительное.

Чуть поблескивая в зелени, дорогу преградила туго натянутая нить из белого конского волоса. Охотник рассмотрел хорошо запрятанный в кустах самострел. Судя по высоко поднятому над землей оружию, западню готовили на большого зверя.

Кеттунен потрогал лук, сделанный из саженой толстой ветви сухой лиственницы и надежной кожаной тетивы; грозно выглядела крепкая полуторааршинная стрела с острым железным наконечником, лежащая на деревянной тесине.

Охотник знал, что такой самострел смертельно ранит лося и медведя, а волка и оленя стрела пробивает насквозь. Стоило только зверю легко задеть почти незаметную нить, как самострел выпускал смертоносную стрелу.

Кеттунен осторожно обошел западню.

— Хороший охотник был кузнец! — сказал он вслух. — Однако нужно поглядывать — хороший охотник не одну, много ловушек ставит.

Он шел медленно, внимательно осматривая каждый кустик, каждую сломанную веточку, каждую примятую травинку.

У большой старой сосны с зарубинами, изображавшими трезубец, звериные следы смешались со следами человека, и тропинка сделалась приметнее. Здесь Кеттунен снова почувствовал запах гари и догадался, что подходит к выжигаемому под пашню участку.

Показался дым.

И здесь ветер раздувал гигантские костры, дым валил бесконечными сизыми клубами. Беглец остановился в раздумье: какой путь избрать?

Боясь дыма, Кеттунен решил идти в обход, но, попав в непроходимые заросли малины, вернулся обратно на тропинку. Он еще раз осмотрел ее. Тропинка была хорошо утоптана и, казалось, шла через все поле. Вспомнив, что с другой стороны поля было болото, Кеттунен решил по тропинке перебежать пожегу.

Карел, стараясь не дышать, быстро шел и, чтобы не сбиться, отсчитывал про себя каждый шаг. Ему показалось, что дым стал как будто реже.

«Однако пора бы и концу быть», — подумал он и тут же наткнулся на ствол дерева, преграждавший путь.

Кеттунен бросился вправо — те же стволы и корни деревьев, сваленные в кучу, лежали на дороге, влево — то же самое.

Кеттунен повернул обратно. Сделав несколько прыжков, он стал задыхаться, а дым становился все гуще и въедливее.

Потеряв самообладание, карел бросался то вправо, то влево, но везде встречал только стволы и корни вывороченных деревьев. Тропинка исчезла. Полузадохшийся, он бестолково метался в непроглядном дыму и наконец, захлебнувшись в неутолимом кашле, свалился наземь...

Последнее, что увидел Кеттунен, была его мать. Она стояла с непокрытой головой на покосившемся крыльце родного дома. Сильный ветер растрепал ее седые волосы. С горящим взглядом она, проклиная, грозила кому-то костлявой рукой. В груди матери торчала рукоятка широкого длинного меча; кровь яркими струйками стекала по стертым тесинам крыльца.

Кеттунен сразу узнал этот меч и заскрежетал зубами — это был меч Густава Эриксона!..

Глава XVIII. В ЗАПАДНЕ

Расставшись с Федором Жареным у старой корчмы, Медо-варцев двинулся вверх по спокойной реке Амовже. Теперьнуть проходил по земле эстов, захваченной сильным и хитрым врагом — немецкими рыцарями. Суда двигались безостановочно, круглые сутки. Михаил Андреевич делал короткие привалы только для того, чтобы сварить пищу и покормить людей.

Пробираясь на двух карбасах к городу Юрьеву, новгородцы не встретили на своем пути ни опасных перекатов, ни порогов.

Было совсем рано. Солнышко еще не успело подняться над темной далью леса, и только розовеющие на востоке облака говорили о наступающем дне.

Шерстяные плащи и войлочные шапки дружинников, обильно усыпанные каплями росы, казалось, посидели за ночь. Гребцы часто сменяли друг друга; люди с наслаждением согревались, разгоняя кровь усиленной работой. Карбасы стрелой неслись вперед, с ворчанием разрезая спокойную гладь реки.

За крутым поворотом у небольшого островка новгородцы увидели старинный русский город Юрьев. Этот город сооружен на левом возвышенном берегу Амовжи в 1030 году великим князем Ярославом и назван по христианскому имени князя — Юрьевом. Около двух веков крепость стояла на страже русских западных границ. В 1224 году рыцари ордена меченосцев большими силами осадили крепость и взяли ее после многих ожесточенных сражений. Все защитники крепости с князем Вячко были уничтожены. Теперь город принадлежал рыцарскому ордену и назывался Дерпт.

Соблюдая осторожность, Медоварцев спрятал карбасы в прибрежных кустах и выставил охрану. Только после этого Михаил Андреевич отправился к землякам, заселявшим часть города — Русский конец.

Дальше дорога шла сухопутьем. Продав с помощью знакомых купцов лодки, Михаил Андреевич, не теряя времени, купил лошадей и повозки. Купцы посоветовали ему взять проводника, хорошо знавшего лесные дороги.

Как ни торопился Михаил Андреевич, а вернуться из города ему пришлось только к вечеру. По совету проводника Кузьмы Саморода он решил заночевать.

Лагерь спал. Медоварцев, задумавшись, сидел у тлеющего костра. На душе у купца было тревожно. Вспоминая события последних дней, он старался уверить себя, что все идет хорошо и опасности ждать пока нечего. И все же покоя не было.

Предчувствие чего-то грозного, неотвратимого все больше и больше овладевало им.

«Неужто прознали ганзейцы про посольничество наше, — с тоской думал Медоварцев, вспоминая бледное, злое лицо горбуна, его глубоко запавшие тусклые глаза. — Нет, быть того не может! — тут же отгонял он от себя эту мысль. — А вдруг...»

И Михаил Андреевич снова и снова перебирал всё в своей памяти.

Утро только начиналось: молчали птицы в лесу и крепко спали дружинники. Закутавшись в опашень, Медоварцев по-прежнему сидел, склонившись у костра. Дозорный, стоявший с полуночи, прикоснулся к его плечу.

— Михаил Андреевич, господине, — тихо сказал он, — погляди на реку-то...

— Где?.. Что?.. — встрепенулся Медоварцев. Он быстро поднялся и, стараясь не шуметь, полез в прибрежный кустарник.

Река чуть дымилась утренним туманом; на ней смутно, словно две тени, виднелись две большие лодки. Они быстро двигались к городу. Темная, будто застывшая вода, словно нехотя, плескалась под частыми ударами весел.

Как ни присматривался, как ни прислушивался Михаил Андреевич, а узнать, кто в лодках, так и не удалось. Почудилось было купцу, будто на первой лодке сидит горбун, тот самый, что обогнал на псковской дороге.

«Он! — сказал себе Михаил Андреевич, силясь проникнуть взглядом сквозь утреннюю муть. — Он, проклятый!.. Нет, не он... или он?» — гадал купец. Но хоть и не признал купец горбуна, а решил поостеречься.

— Буди ребят! — вернувшись, сказал он дозорному. — На большой дороге нам прохлаждаться нечего. В лесу отдых дам.

Прошло малое время, и первые колымаги тихо двинулись с места. Постепенно караван стал вытягиваться вдоль дороги, удаляясь от города Юрьева. Вот и последние повозки скрылись

за поворотом.

А в это время на реке снова появились лодки; теперь их было много и двигались они быстро. У места ночевки дружины Медоварцева лодки пристали к берегу. Молча, без всякого шума из лодок выходили вооруженные люди и исчезали в кустах.

По знаку широкоплечего мускулистого воина, указавшего мечом на орденский замок, люди двинулись к Юрьеву. Густой лес, окружавший город, прикрывал воинов, делая их незаметными для глаз крепостной стражи.

Караван Медоварцева медленно двигался вперед. Проливные дожди, шедшие три дня назад, превратили дорогу в сплошную топкую грязь. Двое верховых с длинными шестами ехали впереди повозок и нащупывали дорогу. Они то и дело предупреждали об опасных местах: ямах, глубоких ухабах, невидимых в сплошном сером месиве. Нащупав безопасный объезд, они указывали повозкам путь.

Скоро пошли сплошные леса. Дорога шла то дремучим сосновым бором, где могучие сосны, сомкнувшись вверху зелеными вершинами, образовали почти непроницаемое для солнечных лучей покрывало, то еловым болотистым лесом, то густыми зарослями березняка и ольшаника. Иногда встречались вековые дубы вперемежку с липой, вязом и кленом.

Часто дорогу преграждали поваленные деревья, вывороченные с корнями. Великаны лежали здесь очень давно и успели дать жизнь другим растениям: на стволе огромного дуба, густо поросшего мхом, выросла сосенка, а над развилиной старой дуплистой липы поднял нежную зелень молодой кленик.

Даже в солнечный полдень мало света пробивается через навес зеленых ветвей; в таких густых лесах живет не всякая птица. Тяжелый, спертый воздух, пропитанный пахучей сыростью и гнилью, угнетающе действовал на людей.

Зато такие леса любят зубры, во множестве населяющие эти места. Новгородцы не раз слышали, как в чаще шумели и трещали ветви под тяжелой поступью этих животных. А один раз верховой чуть не наехал на матерого зубра-быка, с сопеньем поедавшего сочную кору ясеня.

Отъехав тихонько в сторону, дружинник перекрестился и поблагодарил святую Софию за спасение: таких страшных животных новгородцу никогда не приходилось видеть в северных лесах.

Через несколько часов езды от Юрьева путники, пробираясь сквозь густые заросли дикой яблони, наткнулись на неуклюжее логово кабана, похожее на большую кучу хвороста. Кто-то из молодцов-дружинников, думая, что хозяина дома нет, поворочал хворост рогатиной.

Встревоженный зверь не заставил себя долго ждать. С налитыми кровью глазами, подняв щетину, он стремительно бросился на обидчика. Дружинник едва успел отскочить в сторону, и зверь с грозным хрюканьем пронесся мимо. Новгородцы метнули копья и кинулись на раненого зверя с рогатинами. Это был свирепый секач громадных размеров. Когда стали свежевать зверя, то сала оказалось на целую ладонь. Из шеи кабана с трудом вытащили несколько заноз размером с палец и больше.

К вечеру второго дня погода установилась ведреная, тихая. Поздние, косые лучи солнца иногда пробивались сквозь густую зелень. Крепкие, сытые кони то хлюпали ногами в жидкой грязи, то стучали копытами по обнаженным корням деревьев.

Замки и церкви, построенные немцами, новгородцы обходили стороной, чтобы не попадаться на глаза многочисленной страже.

С заходом солнца в лесу сразу наступила темень. Проводник остановился.

— Господине, заночуем на том холме, — показал он Медоварцеву на темнеющую впереди возвышенность.

— Тебе, друг, виднее, — ответил Михаил Андреевич, — небось в тутошних местах все кочки знаешь.

Поднявшись на холм, уходящий длинной грядой куда-то в глубь леса, люди распрягли лошадей и начали устраиваться на ночлег.

От зверья Михаил Андреевич решил отгородиться повозками, установив их четырехугольником. В образовавшемся небольшом пространстве расположились люди и лошади.

Кузьма Самород отговорил новгородцев пасти коней в лесу.

— Ночью не устережешь, — ласковым тенорком говорил он, — задерет коней либо волк, либо медведь — зверья здесь страх сколько!

Ночь вступала в свои права; туман незаметно покрыл низины, и сейчас отсюда, с возвышенности, казалось, что деревья росли в молочно-белом море.

Где-то совсем близко раздался крик совы, какая-то большая птица, бесшумно махая крыльями, пролетела над лагерем и скрылась в густой темноте ветвей. Из леса доносились тревожные шорохи: треск ветвей в зарослях орешника, тяжелый топот, стоны какого-то животного или птицы.

Около полуночи до чуткого уха дозорного Николы Курицына донесся легкий свист.

«Суслик, — подумал он, прислушиваясь, — должно быть, близко».

Свист повторился еще и еще раз.

«Не слыхано что-то про лесных сусликов, — лениво ворочалась мысль в голове дружинника, — да и время ночное. Надо думать — птица...»

Неожиданно из тумана появились быстрые тени: сотня людей, а может, и больше, вмиг окружила Курицына. Никола не успел пикнуть, как уже барахтался, схваченный сильными руками.

Когда у Николы затрещали суставы и он от боли стал терять сознание, прозвучала негромкая команда на чужом языке — голос был резкий, повелительный. Руки, державшие Николу, разжались, и он остался лежать на земле.

Разорвав темноту, вспыхнули ярким огнем смоляные факелы. Вокруг Николы плотно стояла толпа людей, одетых в тряпье и звериные шкуры. В руках у каждого была рогатина или топор. У некоторых на теле виднелись свежие раны, из которых сочилась кровь. Косматые головы и страшная одежда, освещенная колеблющимся пламенем факелов, придавали людям дикий вид.

«Вот-те и суслик, — подумал Никола, косясь на толпу. — Век не забуду, какие они в лесу бывают».

Услышав шум, в лагере проснулись. На свет факелов бежал Медоварцев с вооруженными дружинниками.

Высокий, широкоплечий воин, одетый в короткую шерстяную куртку, спокойно смотрел на приближающихся новгородцев, облокотившись на копье, украшенное разноцветными лентами.

— Эсты — друзья новгородцев! — громко сказал он, бросив копье наземь. — Мы искали врагов-рыцарей.

Нахмурившись, Михаил Андреевич молча остановился против воина.

— Старый мудрый Прийду сказал, — продолжал воин: — «русским грозит опасность». Проклятые рыцари несли вам смерть. Мы решили помочь друзьям. Нам удалось захватить замок, где укрылись рыцари, гнавшиеся за вами. — Воин протянул руку. — Там виднеется зарево. Еще до того как мы стали биться на стенах, несколько рыцарей покинули замок. Мы решили уничтожить их. Но я ошибся, спутал следы и привел своих людей к вашему лагерю. Прости меня!

С этими словами воин протянул руку Медоварцеву.

Теперь купец догадался, чьи лодки он видел в то утро. Но он хотел узнать больше.

— А что за рыцари догнать нас посулились? — спросил Михаил Андреевич. — Ведомо тебе?

— Прийду сказал — две лодки гнались за вами. А в лодках было двадцать воинов и рыцарей. Их вел поп с крестом на плаще.

— Горбун? — невольно вырвалось у Медоварцева.

— Ты прав, друг, поп с крестом на плаще и с большим горбом. Так сказал Прийду. Рыцари ушли из замка на конях, теперь нам не догнать их... Берегись, друг! — заключил воин. — Эти попы с душой дьявола. У них нет жалости. Будь осторожен и хитер, как старый лис.

Еще раз поблагодарил Медоварцев вождя эстов за мудрый совет.

Перед рассветом новгородцы стали собираться в путь. Двое эстов вызвались проводить их к Ревелю кратчайшей дорогой.

Когда показались стены города, эсты покинули обоз, незаметно исчезнув в лесу.

А через два часа после новгородцев в город въехали вооруженные всадники в черных плащах, обильно покрытые дорожной грязью.

Под утро Медоварцев отправился на торг разузнать, что слышно в городе. Толмача Федора он послал в гавань — нет ли попутного судна в Любек. Торопился Михаил Андреевич ехать дальше. Остальные дружинники разбрелись по городу кто куда. Но зря торопился Медоварцев, лучше было бы ему выждать время. Русские купцы, у которых он справлялся, ничего не слышали о горбатом попе, и Медоварцев понемногу стал успокаиваться. Возвращаясь, он купил овса для голубей и стал разбрасывать зерна на площади. Голуби слетались во множестве. Михаил Андреевич радовался, глядя на красивую, ласковую птицу.

— Твои талеры фальшивые, русский! — неожиданно услышал Медоварцев негромкий, насмешливый голос, и чья-то рука легла ему на плечо.

«Горбун!» — нутром почувствовал Михаил Андреевич. Медленно повернув голову, он

встретился взглядом с невзрачным человечком с большим горбом. В запавших, выцветших глазах его он прочитал торжество.

— Ты ошибаешься, у меня нет фальшивых денег, — сдерживая себя, ответил Медоварцев, брезгливо стряхнув его руку.

Горбун ловко отскочил в сторону, и его бледное лицо стало покрываться пунцовыми пятнами.

— А это что, мошенник? — показывая в ладони несколько монет, закричал он. — Это что, я спрашиваю?

Медоварцев спокойно взял в руки талер. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: монета фальшивая.

— Да, талер фальшивый, но я его раньше не видывал; впервой в твоей руке вижу. А мошенником называть, господин хороший, поостерегись!

— Первый раз видишь, мошенник?! — завопил горбун. — А кому ты сегодня за товар платил?.. Эй, купец, иди сюда!

Сквозь толпу, обступившую Медоварцева и Пруца, протискивался купец.

— У тебя русский покупал товары?

— У меня, — ответил купец.

Медоварцев внимательно посмотрел на купца, блудливо прятавшего глаза, и сказал:

— Да, я купил утром у господина купца харч на дорогу и платил полновесными серебряными талерами. Я думаю, господин купец подтвердит это.

— Вот этими, — протянул руку с деньгами горбун, — этими платил!.. Скажи, купец, не бойся.

— Да... я получил эти... деньги от русского купца, — запинаясь, ответил немец. — Это его талеры.

— Фальшивомонетчик! — завизжал горбун. — Ты заплатишься за это своей шкурой! Мы будем судить тебя по своим законам.

Собравшаяся толпа одобрительно зашумела.

— Связать его, — крикнул кто-то, и несколько человек стали приближаться к Медоварцеву.

— Михаил Андреич, биться будем! Мы здесь, Михаил Андреич! — услышал Медоварцев голоса дружинников.

Несколько человек из его отряда, вытащив из-за пояса топоры, приготовились защищаться. Толпа расступилась.

— Не трожь, ребята, не проливай крови!.. Мне суда бояться нечего. Пусть рат рассудит. А ты, продажная душа, гадина, не купец... разбойник! — обернулся к ревельцу Михаил Андреевич и спокойно пошел к ратуше.

Дни после случая на торгу тянулись мучительно долго. Пруц был неумолим и, несмотря на колебания судей, настоял на своем: Медоварцева приговорили к смерти как фальшивомонетчика. Магическая сила документа с подписью и печатью великого магистра ордена сделала свое дело.

Напрасно Михаил Андреевич целовал крест и клялся в своей невинности, напрасно новгородские купцы, живущие в Ревеле, толпой осаждали ратушу, предлагая большие деньги за освобождение Медоварцева, — ничего не помогло. Боясь преследования ордена, ратманы [53] не хотели даже слушать об этом.

В одной из круглых башен городской стены сидел взаперти Медоварцев.

Прикованный короткой цепью, в наручниках, которые едва позволяли ему шевелить руками, Михаил Андреевич не терял надежды на освобождение.

Он не верил, что совершенно невинный человек может быть ложно обвинен в таком тяжком преступлении.

«Есть же правда на свете, — думал он. — Ну, пусть поспешили, поверили горбатому попу. Но судьи... Ведь не могут же несколько самых уважаемых людей в городе приговорить к смерти невинного человека и потом спокойно спать. Нет, узнают правду, разберутся».

На третий день после суда он получил короткую весточку от друзей.

«Уста твои целуем, дорогой брат, но пособить тебе не можем, — писали они. — И осталась надежда только на милосердие божие».

Прочитав послание, Медоварцев почувствовал, что ему надеяться не на что. Смерти он не боялся, но тяжело умирать, зная, что от успеха задуманного дела зависело благо родной земли, а выполнить его он не успел. Эта мысль приводила Медоварцева в исступление.

Временами купец успокаивался. Он подсчитывал, через сколько дней должен приехать в Данию Федор Жареный и когда там будет Порфирий Ворон. Михаил Андреевич мысленно следил за каждым их шагом на морском пути и по сухопутью.

«Недаром умру, — повторял он, — своей смертью от них след отведу. Одним часом горбатому не мочно в трех местах быть. Помру спокойно. Не я — други за меня посольничество справят. Наше святое дело всегда жить будет».

И тут же приходили сомнения.

«А вдруг и с ними неладно? Порфирий молод, а Федор задним умом крепок. Тогда что?» Эта мысль была невыносима для узника.

Старый попик русской церкви, отец Амвросий, пренебрегая дряхлостью, выехал на поклон к рижскому архиепископу, решив во что бы то ни стало вымолить жизнь Медоварцеву.

Но городские власти не стали ждать решения архиепископа: на третий день после суда на торговой площади была назначена казнь.

Утро было солнечное, погожее. Несмотря на раннее время, толпа людей заполнила площадь и прилегающие улицы. Люди сидели на крышах домов, женские головы торчали из всех окон. На деревянном помосте, окруженный стражей, стоял Михаил Андреевич. Только неделя прошла с того времени, как горбун назвал его фальшивомонетчиком, а от крепкого, довольного своей судьбой человека не осталось и следа. Медоварцев похудел и поседел до последнего волоска.

Внизу, у ног Медоварцева, в огромном медном котле клочкотала кипевшая смола. Двое прислужников с хмурыми лицами то и дело подкладывали в печь под котлом сухие сосновые дрова.

Русские люди стояли скопом, совсем близко. Собрались все: тут были новгородцы, псковичи, смоляне, московские купцы. Они хотели подбодрить Михаила Андреевича в тяжкое время, утешить вниманием. Тут же, понурл голову, стояли дружинники Медоварцева.

Но вот тяжелые сапоги заскрипели по доскам. На помост взбирался глашатай с бумагой в руках. На площади стало тихо. Громко отчеканивая каждое слово, он прочитал приговор.

Медоварцев спокойно слушал чтение. Так же спокойно он принял благословение, священника.

Но, когда палач подошел к нему и стал срывать одежды, он словно сошел с ума. Случилось так, что как раз в этот миг глаза Медоварцева встретились с глазами толмача Аристарха, спасшегося от смерти и сейчас стоявшего в толпе. И Медоварцев понял, что с Жареным случилась беда.

— Православные! — отшатнувшись от палача, с отчаянием закричал он. — Не виновен я, как перед богом!..

Медоварцев бросился в дальний угол помоста, стараясь высвободить связанные за спиной руки.

От напряжения его лицо налилось кровью, а глаза дико вращались в орбитах. От палача и стражников, бросившихся к нему, Медоварцев отбивался головой и ногами, хрипя и рыча, словно затравленный зверь.

Сжав кулаки и тяжело дыша, глядели русские люди на неравную борьбу. Двое молодцов из дружины Михаила Андреевича рванулись было на выручку, но их удержали крепкие руки товарищей. Может быть, продлись свалка на помосте еще одну минуту, все бросились бы на помощь своему земляку. Но к боровшимся ринулся горбатый орденский поп и, изловчившись, ударил Медоварцева в голову рукояткой меча.

Подхватив шатавшегося, словно пьяного, Михаила Андреевича, стражники подвели его к краю помоста.

— Передайте, братцы, Великому Новгороду, — ясным, твердым голосом сказал Медоварцев, — исполнил я долг свой!

Это были последние слова купца. Палач сильным толчком сбросил его с помоста.

Перевернувшись в воздухе, Медоварцев исчез в клубах дыма.

— У-у-у!.. — раздался неистовый крик, заставив дрогнуть сердца собравшихся.

Тяжелый вздох пронесся по площади. Купцы и дружинники, крестясь, бормотали молитву. Толпа стала расходиться.

Глава XIX. У ЗНАКА ЧЕРНОГО ЖУКА

Красный шар встающего солнца только что выкатился из-за темных вершин дальнего леса.

Холодное северное утро.

Работники Степана Котова наводили порядок после боя, одни собирали по двору оружие, складывая его в кучу, словно мусор; другие тушили дымящийся хворост и сено, разложенное шведами у стен; третьи дружно стучали топорами, исправляя повреждения.

Из-за тына доносилось мычанье коров, бляенье овец, хлопанье бича и лай сторожевых псов; пастухи, обеспокоенные шумом битвы, пригнали стадо к ближайшему загону.

Дмитрия, стоявшего у ворот, кто-то тихонько потянул за рукав.

— Иди в дом. Амосов, купец новгородский, кличет, — шепнул Дмитрию Лука Кривой, работник Степана Котова.

— Что ему надо, купцу-то? — нехотя обернулся Дмитрий.

— Савелия, дружинника-морехода, знаешь?

— Ну, к что ж, знаю, как не знать! — оживился парень. — Разве живой он?

— Живой, да плох очень. Купец ему знахаря сыскать хочет.

Дмитрий быстро поднялся на крыльцо. Войдя в избу, он сразу увидел Амосова. Старый мореход стоял у постели раненого и, наклонившись, что-то говорил ему. На скрип двери купец обернулся и поманил Дмитрия пальцем.

Тот осторожно подошел к постели. Савелий лежал кверху лицом, задрал рыжую бороду со следами запекшейся крови.

— Не поддался сразу парень, а теперь вовсе оживет! — гулко зашептал Дмитрий.

Савелий жалостно, одними глазами, улыбнулся на слова Дмитрия.

— Лекаря надо, не то помрет Савелий, кровью изошел, — отводя Дмитрия в сторону, тихо сказал Труфан Федорович. — Пастух рассказывает, — продолжал купец, — будто лекаря знает, а привести не берется, сколь ни сулил ему— Хочу тебя просить, Дмитрий, пособи, приведи лекаря. А я для тебя ничего не пожалею.

Дмитрий стоял потупя голову.

— Я бы пошел, господине, — после раздумья сказал он. — Савелия мне во как жалко, люб он мне. Однако боюсь... Как отцу тебе говорю, боюсь Варвару одну оставить: а ежели опять свей или другой кто...

Труфан Федорович посмотрел на Дмитрия и улыбнулся:

— Вот что, парень, пришелся ты по душе мне. Приведешь лекаря — буду сватом. А захочешь, в дружину возьму, заработаешь себе на свадьбу. Ну?.. — И Амосов протянул сухую крупную ладонь.

Дмитрий порывисто схватил руку Труфана Федоровича:

— Господине, милай, да за Варвару я не токмо знахаря, черта с того света за хвост приволоку. Скажи только, где знахаря искать.

— Позови пастуха, Тимофей, — обратился Амосов к дружиннику, стоявшему поодаль.

Дружинник вышел из избы. Он вернулся, ведя за собой высокого, прямого старика с белыми

как снег волосами. Правое ухо пастуха было отсечено.

— Как твое имя, старик, запомнил я? — спросил Амосов.

— Одноуш, — ответил пастух и, замолчав, поджал губы.

— Поведай дорогу к знахарю вот ему. — Амосов показал на Дмитрия.

Старик долго, словно оценивая, смотрел на парня.

— Дорога проста, — наконец ответил он. — По реке поднимись кверху до первого притока, дальше по этому притоку пойдешь. Идти недолго. Увидишь большую сосну, на стволе у ней знак — жуковина. Далее одному ходу нет — тут и жди.

— А ежели я дальше пойду?

— Что ж, можно и дальше, ежели жизнь не дорога!.. В словах старика Дмитрий почувствовал угрозу.

— Кого мне: людей али зверей бояться? — снова спросил он.

— Господине, — обратился пастух к Амосову, — что я мог, то сказал. А больше ничего не скажу... Ослобони, господине.

Амосов отпустил старика.

Дмитрий собирался недолго: взял топор за пояс да дубинку в руки, сунул краюху хлеба в котомку, помолился на темную икону в углу и попрощался с товарищами.

Степан Котов дал Головне в дорогу крепкую лодку-кижанку. Труфан Федорович, про всякий случай, снабдил его драгоценным камнем из своей заветной шкатулки.

Дмитрий легко, словно играючи, перенес лодку на воду, прыгнул в нее и, разобрав весла, поплевал на мозоли.

— Прощевайте, други! — крикнул он, сильными гребками выводя лодку на середину реки.

Высокая войлочная шапка Дмитрия, несколько раз мелькнув в прибрежной зелени, исчезла.

До притока плыть было просторно: река, почти не сворачивая, широкой лентой разрезала лес. Свернув в небольшую речушку, на которую указал пастух, Дмитрий стал пробираться среди непролазной чащи, плотно обступившей реку.

Иногда река делалась совсем узкой, и ели, столпившиеся по берегам, доставали друг друга своими ветвями.

Лодка вырвалась из узкого ложа реки в небольшое лесное озеро. Плотное закрытое со всех сторон темным бором, озеро почти сплошь заросло болотными травами. Тут была такая глухомань, что даже привычному Дмитрию сделалось не по себе. Проплыв озеро, лодка снова вошла в реку, и Дмитрий услышал шум водопада.

«Вот проклятый старик, — подумал Головня, — обманул, ищи тут сосну, где знак вырублен. Во их сколь, сосен-то!..»

Но за крутым поворотом реки, на песчаном мыске, как-то вдруг открывшемся, он увидел большую сосну.

— А не соврал старик, — нажимая на весла, сказал Дмитрий, — вот и знак, не соврал.

На толстом стволе еще издали была видна белая отметина. Когда Дмитрий пригнал лодку к сосне к, привязав ее за отросток могучего корня, выступавшего из размытого берега, вылез на землю, то сомнений у него больше не было. На стволе кора была гладко стесана, и на этом месте выжжено клеймо, похожее на большого, с куриное яйцо, жука.

«Черен, а не ворон, рогат, да не бык, шесть ног без копыт, идет — землю не дерет, — вспомнил Дмитрий загадку. — Жук жуком и есть».

Дмитрий решил подождать. Он присел на мягкую траву, прислонился к стволу сосны. Мысли Дмитрия витали далеко от здешних мест. Ему представлялось, как Степан Котов, прослезившись, говорит:

«Бери, Митюха, Варвару, бог с тобой, береги ее пуще глаза — одна ведь у меня дочь!»

Дмитрий хотел ответить что-то значительное Котову, сказать ему, как он будет любить и беречь Варвару... Вдруг сквозь дремотные мысли ему почудился собачий лай, злобный и многоголосый. Дмитрий насторожился. Лай слышался все громче и громче. Дмитрий едва успел схватиться за дубину. Из ближнего кустарника на лужайку выскочили три больших пса. Роняя пену из разинутых пастей, собаки бросились на Дмитрия.

«Вот это псы! Каждый волка одолеет», — пронеслось в голове Дмитрия. Он взмахнул дубиной, и вовремя — одна из собак, подпрыгнув, хотела вцепиться ему в горло. Собака рухнула у ног Дмитрия с разбитой головой. Вторая, попав под дубину, была далеко отброшена: ее жалобный вой раздался из кустов. Третья боялась приблизиться и яростно лаяла, вздыбив шерсть.

Из кустов выскочили еще несколько собак, и почти в тот же миг на лужайке появился человек.

— Назад! Эй, назад! — кричал он собакам. — Назад! Ко мне, ко мне, Куцый!

Подозвав собак, парень ловко пристегнул их за ошейники к толстому четырехгранному ремню и, удерживая свору одной рукой, крикнул гневно:

— Почто собак сгубил?! Кто ты, откудава?

— А тебе что, дороже собаки поганые али душа христианская? — спокойно ответил Дмитрий, вытирая капли пота со лба. — Кабы я не изловчился дубиной, не быть мне живу.

— А ты хрещеный? — В глазах незнакомца вспыхнул испуг.

— Я-то? Хрещеный. — Дмитрий наложил на себя крест. — А что, разве на татарина похож? — попробовал он пошутить.

Незнакомец отступил назад, схватил боевой рог, висевший па серебряной, надетой на шею цепи, и поднес к губам.

«Ту-ту-ту-ту!..» — будоража лес, понеслись громкие тревожные сигналы.

— Ну и ну! — зажал уши Дмитрий. — Эдак ты всех зверей в лесу распугаешь. — Он сделал шаг вперед. — Мне лекаря надобно. Пастух сказывал...

— Не подходи! — крикнул незнакомец. — Собак натравлю... Стой у сосны... Наши придут — им скажешь. — И он затрубил снова.

«Бум... бум... бум», — раздались из леса далекие удары в колокол. Звуки были тревожные. Они покатались по поляне и отозвались на берегу реки, в темной чаще леса.

Дмитрию сделалось не по себе.

— Чудеса в решете — дыр много, а вылезти негде, — произнес он вслух. — Что ж, подождем.

Парень присел на каменный обломок, зажав между колен дубинку и искоса поглядывая на собак.

Собаки как-то сразу перестали лаять. Дмитрий поднял глаза и увидел рядом с незнакомым парнем старика в длинной одежде из серого домотканого сукна и с суковатой палкой в руках. Старик что-то спросил у парня и подошел к Дмитрию.

— Чего тебе надобно в наших лесах? — сказал он, строго смотря на него из-под лохматых седых бровей.

— В битве со свееми тяжко товарищ ранен, — торопливо заговорил Дмитрий. — Лекарь надобен... Меня послал старый пастух Степана Котова к этому дереву с отметиной, с жуковиной, — закончил он, указывая на сосну.

— Как того пастуха звать? — спросил старик.

— Одноуш. Одно ухо у него словно кто саблей стесал, — охотно пояснил Головня.

— Друзья Одноуша — наши друзья... Иди за мной, — услышал Дмитрий неожиданный ответ.

Старик обернулся к парню и что-то крикнул ему.

— Идем, дед! — решительно сказал Дмитрий, разглядывая незнакомца. — Далече ли идти?

Старик промолчал. Он нахлобучил поглубже войлочную шапку и тронулся в путь.

За кустами Дмитрий увидел небольшой отряд, вооруженный короткими копьями.

«Недаром парень трубил», — подумал Головня.

Шли рекой. По берегам часто встречались большие серые камни и каменистые россыпи. Шум водопада слышался все громче и громче. После нескольких крутых поворотов русло реки оказалось засыпанным грудой камней, по которым вода шумливо стекала вниз несколькими небольшими водопадами. Здесь река образовала глубокое озеро с крутыми берегами. На правом берегу у самого водопада Дмитрий увидел большого деревянного идола. У ног его, на утопанной площадке, лежал громадный бык с позолоченными рогами. Бык был заколот, внутренности, залитые кровью, лежали рядом. Старик упал перед идиолом на колени и несколько раз земно поклонился.

«Язычники», — догадался Дмитрий. Он с удивлением смотрел на деревянного истукана, губы которого были обильно вымазаны кровью.

— Кто это? — спросил Головня, показывая пальцем на высокую деревянную фигуру с плоским лицом.

Старик поднялся с колен.

— Бог огня — Перун, — не сразу ответил он. — Сегодня большой праздник, Перунов день. Под свято и быка закололи. А у вас, христиан, вместо Перуна пророк Илья, — добавил он. —

В один день празднуем.

— А и правду сегодня Ильин день! — удивился Дмитрий. — Вот оно как получается.

— От наших праздников вам, выходит, и деться некуда, — хмуро продолжал старик. — Попы-то к богам нашим своих святых приспособили...

— Ты, старик, угодников святых не трожь! — оборвал его Дмитрий. — Я вашего бога не хулю...

Старик замолчал. Дальше шли молча. Неожиданно для Дмитрия на противоположном берегу открылось высокое сооружение из толстых бревен, окруженных забором.

Строение стояло на небольшой возвышенности. Вокруг виднелось несколько деревянных изб, запахло дымом.

— Да у вас город большой! — удивился Дмитрий, шагая вслед за стариком по узкому мостику.

Ступив на берег, он остановился и с изумлением стал рассматривать лесной поселок.

— А в хоромах кто живет — посадник али князь?

— Это храм великого воскресителя, бога богов, — строго ответил старец. — Подожди здесь. Тебя позовут. — Остановившись у высокого забора и распахнув плащ, старик вынул большой ключ из-за пояса и стал открывать калитку. Войдя внутрь, он быстро захлопнул ее. Слышно было, как звякнул повернувшийся в замке ключ.

Дмитрий увидел, что ограда вокруг храма не простая. Каждая тесина была украшена резьбой, изображающей разного рода оружие и боевые доспехи. Каждое бревно, стоявшее через десять тесин, покрыто резным орнаментом. Все изображения грубо окрашены и два-три цвета.

Увлечшись наблюдениями, Дмитрий не заметил, как калитка открылась и снова появился старик.

— Главный жрец зовет тебя, — услышал Дмитрий знакомый скрипучий голос.

Головня и старик вошли за ограду и направились к большим дубовым дверям храма.

Дмитрий успел заметить, что в толстые бревна здания были искусно вделаны лосиные рога. Казалось, что храм поддерживают огромные лоси, скрытые под землей.

Храм имел форму большого цветка с восемью лепестками. По наружным стенам поверх бревен укреплены дубовые щиты с фигурками богов и богинь. Огромные двери храма казались воротами. Они были подвешены на массивных бронзовых петлях и окованы листовым серебром с тонким кружевным узором. У двери с обеих сторон неподвижно стояли воины в боевых доспехах.

Перед изумленным Дмитрием двери медленно раскрылись. Дорожка зеленого сукна вела в глубь храма.

— Ступай! — сказал старик.

Когда Дмитрий переступил порог, двери за ним бесшумно закрылись.

Головня сделал несколько шагов. Глаза немного привыкли к темноте. Из полумрака стали выступать стены. Напротив больших дверей, в глубине храма, стояла огромная статуя из

дерева, голова ее почти упиралась в своды храма — это был бог богов, бог неба и земли, главное божество славян-язычников.

По правую руку главного бога стояли золотые изображения еще двух богов, а по левую — двух богинь: сыновей и дочерей великого воскресителя.

Совсем близко от Дмитрия возвышался идол Дажьбога — бога солнца. Он был с четырьмя головами на четырех шеях; головы смотрели в разные стороны. В правой руке идол держал турий рог, украшенный золотыми и серебряными пластинками, левая была изогнута и упиралась в бок. Одежда закрывала колени.

Не меньших размеров был идол Перуна — бога огня. Голова его была сделана из золота, а деревянные руки и туловище покрыты драгоценными камнями. Дмитрий загляделся на большие рубины, изумруды и алмазы, украшавшие Перуна. Дальше шли боги поменьше, некоторые были облачены в шлемы и латы и свирепо смотрели на Дмитрия. Храм разделялся на несколько частей пурпурными коврами.

Все это Дмитрий заметил, медленно двигаясь по зеленой дорожке. Прозвучал удар в гонг. Бархатный занавес напротив Дмитрия раскрылся, и он увидел человека в белой длинной одежде, сидящего в большом кресле. Это был главный жрец. Его длинная крашеная борода была заплетена тугими косичками, а волосы, расчесанные на пробор, покрывали плечи.

Дмитрий во все глаза смотрел на убранство волхва. Больше всего ему понравилась большая круглая застежка на плече: в золотой оправе сверкал какой-то необычайно красивый камень размером с голубиное яйцо.

Лицо старика было приятное.

— Ты сказал, — немного помолчав, начал жрец, — что враги напали на мореходов-новгородцев, многих убили, а один с тяжелыми ранами умирает. И ты пришел просить нашей помощи, просить лекаря?

— Без лекаря помрет Савелий! Помоги, милай! Жрец наклонил голову. Несколько минут прошло в молчании.

— Я спрошу Перуна, как мне поступить, — наконец ответил он.

Поднявшись с места, волхв подошел к идолу и, помазав чем-то красным свои ладони, протянул их, словно выпрашивая у него милости. Жрец издавал время от времени дикие, непонятные звуки.

«Волхвует», — подумал Дмитрий.

Жрец, творя заклинания, приблизился к идолу и незаметно наступил ногой на небольшой рычажок.

Под сводами храма раздались таинственные музыкальные звуки.

— Ты слышишь голос великого воскресителя — бога неба и всех богов! — торжественно и строго произнес жрец. — Он говорит, что нужна жертва, хороший жирный бык. А потом надо спросить у священного коня. И как скажет конь, так и будет.

Мелодичные звуки лились непрерывно.

— Быка-то у меня нет, — немного струхнув, вслух сказал Дмитрий. — А нельзя ли, милай, вашему богу вот этот камень в подарок?

Дмитрий покосился на идола и вынул из-за пазухи тряпицу.

— Вот, — показал Дмитрий.

— Да, этот камень Перун может принять в жертву, — увидев рубин с орех величиной, вымолвил жрец. — Дай его мне. Дмитрий отдал камень.

— Теперь выйди из храма, — сказал жрец. — Скоро получишь ответ. А пока посмотри на игральщица. В день Перуна наши воины показывают свою силу и ловкость. Иди!

Глава XX. НА ПРАЗДНИКЕ ПЕРУНА

Дмитрий вышел из дверей храма и в удивлении остановился.

Бывший до того пустым двор был теперь полон народа. От крыльца двумя рядами стояли юноши в боевом вооружении; по правую сторону — воины великого бога неба Сварожича с круглыми щитами красного цвета, по левую — воины богини земли Берегини с ярко-зелеными щитами. За воинами толпился народ — мужчины и женщины в нарядных праздничных одеждах.

Два жреца в зеленых хитонах торопливо сооружали перед крыльцом воротца из копий, располагая их на одинаковом расстоянии друг от друга. Их делали из пары коротких копий-сулиц, воткнутых в землю, и поперечного длинного копья.

Дмитрию были непонятны эти приготовления. Увидев знакомого старика, он сошел с крыльца и направился к нему.

В это время из храма вышел главный жрец. Во дворе все смолкло. С важным видом он уселся на корточки возле стены и, бормоча что-то, стал раскапывать пальцами землю. Жрец извивался в судорогах — он старался напустить на себя священный трепет...

Вот он нащупал какой-то камешек, внимательно осмотрел его и стал перекидывать в ладонях, словно раскаленный уголек.

— Нашел, нашел! — громко закричал он и бросился в святилище.

Мерные удары большого колокола раздались из храма, и жрец снова показался в дверях. Он громко произносил торжественную молитву. Облаченный в белоснежную одежду; волхв вывел из храма большого красивого коня.

Он вел коня за золотую цепь. Вся сбруя была из кованого золоченого серебра в три пальца шириной, а на шее животного сверкало золотое оплечье, усаженное драгоценными камнями. Конь был вороной, и на черной лоснящейся шерсти золото выделялось особенно красиво.

Животное тяжело ступало, встряхивая гривой, позванивая десятками серебряных колокольчиков. Подойдя к первым воротцам, конь, не останавливаясь, перешагнул их, подняв сначала правую ногу, а потом левую.

Вторые воротца конь также переступил сначала правой ногой. Все затаили дыхание, ожидая, что будет дальше. У третьих ворот конь на мгновение остановился, словно раздумывая, и, заржав, снова ступил правой ногой.

Вздых облегчения вырвался у сотен людей. Послышались торжествующие крики.

Главный жрец повернул коня и, важно ступая, повел его в храм. Когда ворота закрылись, все стали поздравлять Дмитрия.

— Ты принес нам счастье, — сказала высокая седая старуха и поклонилась Головне.

— Священный конь предсказал большую удачу! — восторженно произнес кто-то рядом. — Каждый раз он переступал правой ногой.

— Уж много лет он не ржал перед оружием! — радостно сказал широкоплечий парень, протягивая Дмитрию руку.

— Теперь жрец исполнит все твои просьбы, слышишь? — тронул Дмитрия за плечо старик, провожавший его в храм.

В толпе Головня заметил и рыжебородого парня, который встретил его у сосны со сворой собак. Многие смотрели с завистью на счастливца, торжественно отмеченного священным конем.

Толпа не расходилась до тех пор, пока на крыльцо не вышел жрец. Он хлопнул в ладоши, и говор сразу утих.

— Воля великого бога, — громко сказал жрец, — будет открыта только в час вечернего солнца. Главный жрец разрешил нашему гостю участвовать в игралище, коли он того пожелает.

Народ собирался на большой поляне у деревянного сооружения. Два столба, крепко вбитые в землю, скрепляла толстая поперечная перекладина. Посередине столбов были проделаны круглые отверстия и в них вставлены концы еще одного бревна, потоньше, таким образом, что бревно свободно могло вращаться. Длинная, крепкая веревка в середине тремя петлями прихватывала подвижное бревно.

Дмитрий сразу понял, в чем дело.

— Вертушок! — громко сказал он, присмотревшись к постройке.

На него зацыкали, замахали руками.

— Живой огонь добывать будем. Молчи! — сказал знакомый старик, пробравшийся к Дмитрию сквозь толпу.

К столбам вышел жрец в ярко-желтой одежде и что-то сказал. Сразу же за концы веревки ухватились по десятку воинов и еще по десятку стали рядом в ожидании своей очереди.

Густой протяжный звук колокола поплыл над толпой. Жрец поднял руки вверх. Это было сигналом: воины одной стороны стали тянуть веревку, быстро перебирая руками.

Потом веревку тащили другие. Так попеременно перетягивала то одна, то другая сторона. Бревно все время бешено вращалось. Все это совершалось при полном молчании.

Не один десяток раз они протаскивали веревку то в одну, то в другую сторону. Наконец закурился дымок. Жрец принял огонь на высушенный березовый гриб и разжег костер.

Тут Дмитрий услышал собачий визг. Обернувшись, он увидел еще двух жрецов, стоящих у неглубоких ям: один держал в руках кошку, а другой — собаку на веревке. Как только костер разгорелся, жрецы отрубили головы животным и, бросив трупы в ямы, закопали их.

Головня знал, что и в Новгороде живет этот древний обычай, оставшийся от языческих

времен. Люди поступают так, думая, что могут предохранить себя и свой скот от заразных болезней.

— Живой огонь, — подняв руки, торжественно начал жрец, — свободный и чистый! Мы взяли тебя прямо из рук всемогущего Перуна. Огонь, помоги нам, сохрани от болезней, наговоров и дурного глаза!

В это время запылало еще несколько куч сухого дерева, и вокруг костров собрались все жители поселка.

— Все ли потушили огни очагов? — раздался снова голос жреца.

Он внимательно поглядел на толпу. Все молчали.

Из храма снова раздался удары колокола: один, второй, третий, четвертый... Колокол все гудел и гудел, будоража тишину протяжными, густыми звуками.

Толпа зашевелилась. Люди стали прыгать через костры; больных, детей и стариков переносили на руках.

Когда прошли через огонь, все бросились к стаду, которое держали в загоне у реки; коров и овец погнали к кострам — через огонь должно пройти все живое. Ревом и блеяньем наполнился луг. После стада вывели из конюшен лошадей.

Когда последняя лошадь перешагнула костер, колокол перестал звонить и на лугу стало тихо, а потом поляна разом наполнилась звуками веселых человеческих голосов, смехом и шутками.

Огонь понесли по домам — зажигать очаги. Задымились трубы, хозяйки стали готовить снесь для пиршества.

Мужчины и юноши, желавшие принять участие в состязаниях, переодевшись и захватив оружие, стали собираться на лугу.

Состязания начались предложением жреца натянуть тетиву на лук богатыря и героя Мечислава, умершего пять лет назад. Из храма торжественно вынесли большой боевой лук.

— Кто выпустит три стрелы и все они попадут в цель, тот возьмет лук себе! — громко сказал жрец, подняв над головой оружие.

Никто не отозвался. Все уже пробовали силы в прошлый праздник. Никто не мог согнуть лука и надеть тетиву.

Но вот один из воинов вышел вперед; ростом он почти не уступал Дмитрию, но был худощавее и не так широк в плечах.

Поклонившись огромному костру, пылавшему большим огнем посередине луга, воин подошел к жрецу.

— Желаю тебе удачи, Ростислав Храбрый! — сказал жрец, передавая в руки молодого мужчины большой лук.

Это оружие было сделано из роговых пластин, склеенных с вареными сухожилиями и деревянными частями. Такие луки были необычайно упруги и крепки. Лук был в походном состоянии — без тетивы и изогнут в обратную сторону. Этим клееные луки отличались от простых, которые без тетивы представляли собой прямую саженную палку.

Согнуть простой лук и натянуть тетиву было значительно проще и легче.

Воин взял огромными ручищами кибить и стал выгибать ее.

Он согнул лук, пытаясь надеть тетиву на зарубку. Казалось, еще одно усилие — и тетива станет на место.

— Нет, не одолеть мне, — горько усмехнулся Ростислав Храбрый.

И воин с поклоном передал лук жрецу.

Жрец снова поднял оружие над головой и пригласил желающих.

— Дай мне, милай, я попробую! — неожиданно раздался густой бас.

Это Дмитрий решил попытать свои силы. Он выступил из толпы и вразвалку подошел к жрецу. Поколебавшись, жрец передал лук в руки Головни. Дмитрий со всех сторон осмотрел его, полюбовался красивой резьбой. На спинке лука были вделаны два деревянных медведя. Положив головы на лапы, они смотрели в разные стороны. По концам кибити вместо зарубок для крепления тетивы были вырезаны зайцы. Весь лук был украшен серебряными и золотыми пластинками.

— Эх!.. — восхищенно сказал Дмитрий, любуясь луком.

Ухватив оружие за концы, он медленно согнул его и надел жильную тетиву.

— Теперь ты должен тремя стрелами попасть на лету в трех голубей, — слышался голос жреца. — Я их выпущу вон с того места. — И он указал на торчащий пень.

С этими словами жрец снял с пояса и передал Головне колчан со стрелами.

Дмитрий примерился: до пня было не меньше ста шагов. Он попробовал натянуть тетиву. В сильных его руках лук подавался легко.

— Приготовься, воин! — крикнул жрец.

Дмитрий, наложив стрелу, стал ждать.

Первый, сизый голубок, подброшенный вверх рукой жреца, едва успев взмахнуть крылышками, упал, пораженный стрелой. Такая же участь постигла и второго голубя. Когда третья птица упала к ногам жреца, он знаком подозвал к себе Дмитрия.

— Передаю оружие доблестного воина и героя Мечислава тебе, пришелец! — торжественно произнес жрец. — Владей по праву этим луком.

— Благодарю Перуна!.. — раздались из толпы повелительные голоса.

Дмитрий посмотрел на народ, на лук, встал на одно колено и поклонился храму. Толпа одобрительно зашумела.

Смущенно улыбаясь, из толпы вышла высокая, красивая девушка. В руках она держала небольшую березку. Девушка, медленно двигаясь, подошла к Дмитрию.

— Я — Гремислава, дочь жреца Лихослава, хочу дать тебе имя. Сломай это деревце из

священной рощи! — С этими словами она протянула Дмитрию березку.

Головня не раздумывал: он взял из рук Гремиславы березку и тут же сломал ее, словно прутик.

— Будешь ты назван Сильным! — торжественно сказала девушка, не спуская глаз с Дмитрия.
— Так хочет славный Перун.

Дмитрия взял задор. Он отломил кусок ствола от деревца и сказал:

— Что за сила березку сломать! Вот так ежели...

И он вытянул вперед руку, сжав ствол в кулаке. Побелели губы, вздулись жилы на висках парня, и все увидели, как из его кулака капля за каплей падала влага — сок молодой березки.

Ропот одобрения снова пробежал в толпе.

— Идем в храм, Сильный, тебя зовет главный жрец! — раздался знакомый скрипучий голос.

Дмитрий обернулся и увидел старика провожатого.

Главный жрец показался Дмитрию простым, очень усталым, старым человеком. Проницательные умные глаза, высокий лоб, прямой, тонкий нос, упрямо сжатые губы говорили, что недаром судьба подняла его над остальными.

— Дмитрий Сильный... — начал жрец, — ты сумел завоевать лук богатыря Мечислава Могучего. Этим ты получил право на остальное оружие нашего героя. — Он встал и, немного ссутулившись, подошел к висевшим на стене доспехам. — Возьми их, Дмитрий Сильный!

Головня, не веря своим ушам и глазам, подошел к блестящим боевым доспехам. Здесь висела отличная кольчужная рубаха, большой щит с изображением двух золотых медведей, золоченый островерхий шлем, широкий большой меч и засапожный тонкий нож.

— Примерь доспехи, воин! — приветливо сказал жрец.

Дмитрий с трудом натянул кольчугу, перепоясался широким поясом, покрытым, словно чешуйками, золотыми пластинками. Надел шлем, взял в руки щит. Пробуя оружие, он вынул меч, ловко взмахнул им и снова бросил в ножны.

— Этот меч и все остальные доспехи, — торжественно произнес жрец, — сделаны новгородскими оружейниками три века назад. Вынь меч!.. Вот смотри: клеймо.

Обнажив снова меч, Дмитрий склонился над блестящей сталью. Чуть пониже рукоятки был высечен трегубец и под ним подпись «Дробило».

— А нож отковал знаменитый карельский кузнец.

Жрец помолчал.

— Мечислав Могучий, — снова начал он, — завещал еще одну вещь тому, кто получит оружие... — Он посмотрел на Дмитрия. — Мечислав завещал перстень с жуковиной, — решил наконец жрец. — Вот он...

И, вынув шейный шнурок, на котором висело несколько предметов, разорвал его, снял золотой перстень с большим жуком из черного камня и подал его парню.

Дмитрий сразу узнал жука. Он был как две капли волю похож на таинственный знак в лесу.

— Это жуковина из далекой страны, где всегда жарко... — произнес жрец. — Наш тайный знак... он здесь... — Жрец повернул кольцо и показал на брюшке жука какие-то изображения. — Дмитрий Сильный, — возвысил голос жрец, — если у тебя будет в чем-нибудь нужда или ты будешь в опасности, надень на руку перстень, и тогда первый из наших братьев, кто увидит это кольцо, окажет тебе помощь. И если надо будет, — строго добавил жрец, — отдаст за тебя жизнь... Дай сюда руку!.. Нас много больше, чем ты думаешь, Дмитрий...

С этими словами он надел кольцо Дмитрию на безымянный палец.

— Но помни, Дмитрий Сильный, — грозно прозвучал голос жреца, — никто не должен знать о нашем поселении, нашем храме и нашем тайном знаке. Поклянись вашим святым крестом, что будешь молчать! — неожиданно потребовал жрец.

Дмитрий, поколебавшись, вытащил свой костяной нательный крест.

— Если нарушу слово, — держа в своих лапищах маленький крестик, сказал он, — пусть будет на меня крест святой и вся земля русская... — Он помолчал. — Сказывать-то я ничего не стану, а только, милай, мне здесь грех быть и твои речи слушать... Дай знахаря, как обещал... как твой жеребец наказал... — Парень смутился.

Жрец молчал.

— Иди, тебя ждет волхвователь, он вылечит больного... Но помни клятву!

Тяжело ступая, звеня доспехами, Дмитрий выходил из храма язычников. Он старался не глядеть на статуи больших и маленьких богов, которыми был наполнен храм.

«Будто чертенята», — брезгливо думал Дмитрий.

Со смутным чувством Дмитрий сидел напротив знахаря и правил веслом. Лодка быстро неслась по течению буйной реки, и старец только изредка взмахивал веслами. Лодка повернула за мыс — скрылась высокая сосна с черной жуковиной.

Глава XXI. ОПЯТЬ ТРЕВОГА

На другой день поздно вечером Дмитрий вернулся.

Он с трудом отбилась от дружинников, просивших рассказать, как достались ему боевые доспехи. Не услышав от парня путного слова, они наконец отстали.

Лекаря встретили с радостью и тотчас отвели к Савелию. Осмотрев больного, знахарь подошел к Амосову.

— Буду лечить, — хмуро сказал он, глядя исподлобья, — вылечу... А лечить буду, ежели в горнице пять ден никто ногой не ступит.

— Лечи, старик! Знамо, хворому покой нужен, никто сюда не войдет, — отозвался находившийся тут же хозяин.

Все вышли из горницы, а знахарь растопил печь, поставил на огонь несколько котелков с

водой и стал разбирать травы.

Для Дмитрия настал радостный день. Старый мореход выполнил свое обещание: сосватал Варвару и принял его в свою дружину. Наутро парня позвали наверх. Степан Котов дал клятву выдать свою дочь за Дмитрия. Благословляя иконой стоящих перед ним на коленях жениха и невесту, он расчувствовался.

— Труфан Федорович, — сказал он Амосову, — не задерживай парня. Пусть подможет тебе, я не против. На свадьбу заработает — и ладно.

— Степан Тимофеевич, — взревел Дмитрий, торопливо поднимаясь с колен. — Степан Тимофеевич, милай! — Он раскрыл медвежьи объятия и рванулся к Котову. — Да ведь мне без Варвары и море ни к чему... А ты не сумлевайся, в старости тебе вот какое от нас уважение будет!

— Ладно, ладно! — вырывался из объятий парня Котов. — Пусти, дай хоть до старости дожить... Ох, — не на шутку обозлился Котов, — кишки выпустишь!

Дмитрий растерянно опустил руки.

— Погубишь Варвару, злодей! — тяжело дышал Степан Тимофеевич. — Жалею, что обещание дал...

— Отец, не надо... хороший он! — Варвара подбежала к отцу, закрыла ему рот маленькой ручкой.

— Ну-ну... Наплачешься уж! — шутливо ворчал Котов. — На меня не пеняй.

Счастливый Дмитрий Головня сидел на берегу под кустами орешника, бережно обняв за плечи Варвару. Сидели и молча смотрели друг другу в глаза.

Слышно было, как в кустах шумливо возятся задорные воробьи. У самых ног из воды выпрыгнула большая серебряная рыба и, кувыркнувшись в воздухе, тяжело плюхнулась в воду. Следом метнулись две рыбешки поменьше. Черная птичка, беззвучно работая лапками, углом разрезала гладь реки и, глубоко нырнув, исчезла с глаз. Бледная северная бабочка, пригретая жарким солнцем, появилась над лужайкой. Она, медленно махая крылышками, летала от цветка к цветку.

Долго сидели они в то памятное яркое летнее утро. Всем своим существом ощущали красоту северной природы. Счастливые, они не обратили внимания, что легкий ветерок, чуть рябивший воду, стал шуметь в вершинах сосен и елей; не заметили птиц, стаями летевших из леса; не почувствовали легкого запаха гари, который принес западный ветер.

Только громкий странный шум заставил насторожиться парня: казалось, на том берегу реки по лесу двигалось несметное войско. Шум все нарастал, и вдруг, как-то сразу, большая поляна напротив заполнилась множеством оленей. Не задерживаясь ни на мгновение у берега, олени ринулись в воду и плотной массой поплыли прямо на Дмитрия и Варвару. Дмитрий понял опасность — он подхватил девушку и бросился к высокому дереву:

— Залезай выше, держись, Варенька!

И, видя, что она удобно примостилась на толстом суку, Дмитрий сам забрался на дерево.

Олени, переплыв реку, выбрались на берег и, словно слепые, не видя ничего перед собой, снова ринулись вперед. В несколько минут стадо оленей пронеслось мимо дерева, на котором укрылся Дмитрий со своей невестой.

Усталые животные барахтались в воде, их подхватило и понесло течением. На берегу осталось с десятков телят, растоптанных своими сородичами. Дмитрий смотрел, ничего не понимая.

— Домой побежим, Митрий, — шепнула девушка, — что-то страшно мне.

Из леса выскочило десятка два лосей. Они тоже переплыли реку и помчались вслед за оленями. А дальше началось что-то совсем непонятное: появились зайцы и заметались по берегу. Дмитрий никогда не видел сразу столько зверьков — словно их высыпали из большого мешка. В заячьем обществе оказались волки и лисицы. К удивлению Варвары и Дмитрия, они не трогали зайцев. Покружившись у реки, звери бросились в воду. Смешно барахтаясь, поплыли и зайцы. А поляна все наполнялась и наполнялась новым зверьем: вышли медведи, выбежали россомахи, выскочили барсуки, запрыгали белки, показался и другой зверь, о котором Дмитрий раньше и не слыхивал. Животные выли, рычали, визжали, наполняя лес непередаваемым шумом. Река покрылась зверьем, животные плыли вперемешку, не обращая друг на друга внимания. Перебравшись на другой берег, они, не останавливаясь, мчались дальше.

Время шло, и солнце близилось к полудню. Теперь запах гари стал сильнее, и Дмитрий наконец догадался, в чем дело.

— Пожар, — сказал он, — лес горит... Плохо дело! — помолчав, добавил он.

Зверей стало меньше, а вскоре они совсем исчезли. Только одни белки появлялись еще из леса и, подняв хвосты, переплывали реку.

— Бежим, Варвара! — Дмитрий прыгнул на землю и снял девушку.

Во дворе у Котова было смятение. С ужасом смотрели дружинники и карелы на бегущих от огня зверей. Все знали, что спастись от могучей стихии огня почти невозможно. Вокруг был лес; да и куда уйдешь, если за полдня огонь успевал пробежать две сотни верст.

— Я послал воинов во главе со стариком Минаевым разведать, откуда идет огонь, — сказал Амосову вождь карелов. — Только Минаев может спасти нас.

Смертоносное дыхание пожара уже явственно ощущалось. Едкий дым закрыл солнце, и его оранжевый круг едва просвечивал сквозь густую мглу. Дым разъедал глаза, дышать стало трудно.

В конюшне забились, заржали лошади, в хлевах заревели коровы, заметались овцы. Собаки, подняв головы на блеклое, немощное светило, жалобно выли. Прижавшись к Дмитрию, горько плакала Варенька. А великану и утешить ее было нечем. Он гладил ее золотистые волосы и говорил:

— Обойдется, Варенька, пронесет мимо пожарище. Вот те крест — мимо пронесет!

— Пожар близко, — возвратись, сказали карельские воины. — Огонь идет прямо на нас, большой огонь, много леса горит.

— Идемте со мной, — сказал старик Минаев, — все идемте! Я знаю, как остановить пожар. Берите топоры, готовьте факелы!

Лихорадочно собирались люди, зажгли смоляные факелы, из склада Котова прихватили

несколько бочек с варом и толпой двинулись в лес за Минаевым.

Старый карел выбрал большую поляну в трех верстах от двора Степана Котова. У края поляны под большими соснами люди стали складывать в кучи хворост, мох, сухие сосновые и еловые шишки. Некоторые рубили хвойные ветви, другие поджигали костры. В разгоравшийся огонь бросали вар. Дмитрий валил и таскал к кострам целые высохшие деревья. Огонь разгорался все больше и больше. Ветер буйно раздувал его, жар становился невыносимым. Раскаленный воздух, устремляясь ввысь, уносил с собой горевшие листья — огненными бабочками закружились они в воздухе.

На новый лесной пожар, полыхавший у поляны, издали стала действовать могучая сила горевшего впереди леса.

Большой лесной пожар, как гигантские мехи, всасывал в себя воздух, притягивая только что разгоравшийся огонь. Пожирая лесные гиганты, свирепея все больше и больше, молодой огонь двинулся навстречу большому пожару.

Люди, спасаясь от раскаленного воздуха, с другого конца поляны наблюдали за разбушевавшейся стихией.

— Спасены! — закричал Котов. Он был весь в смоле и саже. — Дай-кошь я тебя расцелую, дедушка!.. — И он принялся обнимать Минаева. — Уйдем отсюда, ребята, — добавил он, опустив отбивавшегося старика, — не то дым глаза выест!

— Теперь можно уйти, други, — отозвался Минаев. — Мы послали брата против брата — они пожрут друг друга. А там, — указал он рукой на юг, — дорогу огню закроет озеро.

На второй день после страшных событий ушли домой карелы. Воины дружески распростились со всеми обитателями двора Котова, искренне поблагодарившими их за спасение.

— Лес поджег свейский карел, собака Кеттунен, — прощаясь, сказал вождь карелов. — Мы в этом уверены. Мы рады, что карел Минаев сумел разрушить подлый замысел предателя. Но злодей не уйдет от наших рук! — добавил вождь.

Еще через день знахарь отыскал Амосова, сидевшего на берегу реки и гревшего на солнышке старые кости.

— Господине, — сказал он, неожиданно появившись из кустов, — будет здрав Савелий.

Амосов вздрогнул и оглянуля.

— А, это ты? Спасибо тебе, старче. Хочу назавтрие в поход Савелия взять. Можно ли?

— Я питье приготовил на двадцать ден, — не поднимая глаз, ответил знахарь. — Все выпьет, про болеть забудет. Десять ден ему вставать не мочно. Лежачим берите.

С этими словами знахарь незаметно исчез, как и появился.

Посидев еще немного на берегу, Труфан Федорович пошел в избу.

— Покличь ко мне знахаря, — сказал он повстречавшемуся дружиннику.

— Ушел знахарь, сказал: домой идет, — ответил показавшийся в дверях Петруха Рубец.

Назавтра Труфан Федорович собрался в путь. Прощание было тягостным. Хотя время, проведенное вместе, было коротким, но опасность и совместная борьба сблизили людей.

Прощаясь с невестой, Дмитрий снял со своей руки перстень с жу-ковиной и, надевая его на палец девушке, сказал:

— Береги, Варвара, кольцо! Вместо обручального дарю. Наконец прозвучала команда Амосова. Дружинники сели на весла, и карбасы двинулись по реке.

Глава XXII. ПЛАВАНИЕ ЧЕРЕЗ ПОРОГИ

Не доходя одной версты до порога Маточного, на лесистом берегу Выга стояла почерневшая от времени часовенка — простой сруб, крытый на два ската; рядом небольшая избушка и еще какое-то хозяйственное строение: не то баня, не то хлев. В избушке приютилась новгородская семья, бежавшая на север этим летом.

И избушку и часовенку построили новгородские торговые и промышленные люди, идущие вниз, к морю. Здесь они отдыхали, готовясь к опасному переходу через пороги. Если шли против течения, держа путь на Великий Новгород, с северным товаром — мехами, моржовым зубом и солью, то в избушке поджидали отставших товарищей, парились в бане и грузили карбасы, готовясь в долгий путь по рекам и озерам.

В жаркий полдень к покосившемуся, замшелому кресту, одиноко стоящему на песчаном холмике, подошли амосовские карбасы. И сразу же пустынные места огласились удалыми криками и веселым разговором.

Солнце палило невероятно. Вступившие на берег дружинники сбрасывали с себя доспехи и оружие. Скоро на фиолетовом ковре из вереска, сплошь покрывавшем берег, выросла куча из щитов, пик, рогатин, луков, шлемов и кольчуг.

С прилипшей к спине рубахой вышел на берег разомлевший Амосов. Прежде всего Труфан Федорович зашел в часовню поклониться Николе Мокрому. В полутемном помещении он с трудом нашарил серебряную лампадку и зажег огонек. При тусклом свете Амосов разглядел давно знакомую ему обстановку: две-три иконы без окладов, грубой работы, и несколько куриных яиц, подвешенных к потолку, — приношение христиан-карел. Заправленная на тресковом жире лампадка горела ровно, без копоти.

У часовни Труфана Федоровича дожидалась женщина в старой, заплатанной одежонке.

— Господине, мучки не дашь ли? Детишки много ден хлебца не видели, трое ведь. Солью в обмен отдам, не даром! — Женщина с мольбой смотрела на морехода.

— Никита, — крикнул Труфан Федорович, — отнеси-ка в избу кису с мукой! Пойдем, голубушка, — ласково обратился он к женщине и вместе с ней зашагал к жилью.

Неумолимый в борьбе, жестокий на расправу, купец был справедлив — жалел и любил детей.

— Ребята твои где? — обратился мореход к обрадованной женщине. — Не видать в избе-то... — Он обвел глазами стены курной избы, темный образ в углу и жалкие лохмотья на глиняной печи.

— У ручья озоруют, — отозвалась женщина, — сладу сними нету. Отец охотой промышляет — всё в лесах да в лесах, а мне совладать тяжко.

— Пойдем посмотрим, каковы разбойники. — Труфан Федорович и женщина направились к

ручью, впадающему в Выг неподалеку от избы. На берегу, усыпанном крупной галькой, угрюмо торчал обугленный ствол спаленной молнией сосны, а возле него виднелись три белесые головки, склонившиеся над ручьем.

— Одной масти ребята, — пошутил Амосов.

Ребята рассматривали искусно сделанную из бересты модель большой морской лодьи.

— Что делаете, озорники? — нарочито строго спросил Амосов.

— Вот лодью спускать будем, — подняв голову, ответил старшин мальчик, лет двенадцати. — Хороша ли на воде будет?

— Посмотрим, какова лодейка, — заинтересовался купец. — А кто делу голова?

— Я, Егорка! — с гордостью ответил старший. — Я тебе какой хоть корабль сотворю.

Он поднял лодью, осмотрел ее и с торжеством бросил в воду. Суденышко стремительно закачалось, потом выпрямилось и, подхваченное течением, уверенно двинулось вперед. Младший из братьев, держа в руках веревочку, прикрепленную к корме лодьи, побежал по берегу вслед за судном.

— И впрямь хороша лодья! — залюбовался Труфан Федорович. — Кто же тебя научил, Егорий, корабли строить?

— Дед его, мой отец, — ответила мать. — Дед-то, он в кормщиках по морю ходит и по строению сведущ. В Новгороде у нас позапрошлую зиму гостил, так всё лодьи да корабли с Егорием строил.

— Кормщиком, говоришь, плавал? А прозвище ему как?

— Конев Иван. Слыхал, может?

— Конев?.. Нет, не слыхивал. Да разве всех кормщиков новгородских узнаешь! Где уж там...

— Амосов махнул рукой. — Продай мне лодью, Егорий! — Купец вынул из кармана продолговатый кусок серебра с клеймом на конце. — Рубль не пожалею за твое художество.

— Что ж, бери, мне не жалко — я другую себе сделаю. — Он посмотрел на серебро в руках купца. — А только ты вместо рубля лучше бы мамке хлебца дал.

Купец расхохотался:

— От рубля отказывается. Сплоховал парень, небось отец не отказался бы. — Он протянул рубленый кусок матери.

— Не понимает он, глуп еще, где ему цену знать. Я и то слыхать слыхивала, а видать таких денег не видывала.

— Как отец с охоты вернется, — голос купца посуровел, — пусть мальца в Сорока отвезет, к Ермолаю Карпову, знакомцу моему, на подель. Карпов твоего Егорку научит, как всамделишные суда строить. Купец Амосов старшой, скажешь, велел... А лодью твою у мамки оставляю, уж в обрат пойду — захвачу. — Он лукаво сверкнул глазом. — Ты не сомневайся, бери лодейку, — когда хочешь, мне не жалко... Смотри учись хорошо, из заморья вернусь — узнаю, — обернулся еще раз к Егорию Амосов и заторопился к своим дружинникам, возившимся у большого котла над костром.

Перекусив ухой из свежей рыбы, выловленной тут же, в обильном Выге, дружинники стали готовиться к переходу через порог. Труфан Федорович осмотрел каждый карбас.

— Туже пеленая ремнем, ребята, и рядину подправь, а то подмочит товар... Смотри ведь, как вода играет! — говорил он дружинникам, пробуя пути, крепящие груз. — А здесь вот кочета ослабли, правило ежели из рук вышибет — не быть живу.

Закончив осмотр, он разрешил путь.

Третий карбас был особенно важен для Амосова. Самые дорогие, ценные товары были нагружены в это суденышко, и Труфан Федорович поставил кормщиком крепкого и надежного мужика Никиту Гвоздаря, не раз благополучно спускавшего грузы через Выговские пороги.

— С богом, Никита! Карбас и себя оберегай. Смотри не сплошай.

— Будь в надежде, Труфан Федорович, не впервой! — откликнулся Гвоздарь.

Он оттолкнулся правильным веслом от берега; подхваченный сильным течением, карбас стремительно двинулся вперед. Никита правил, стараясь держаться близ берега. В этом и заключалось искусство кормщика. Держаться у берега было трудно: десятки крутых поворотов приходилось делать Никите в обход обильно рассыпанным по дну реки черно-зеленым камням; из каждого камня глядела смерть. Стоило сделать одно неверное движение — и лодку сбивало к середине реки в быстрый и могучий поток, с маху бросающийся вниз, на скалы.

А здесь, под берегом, камней было меньше, падение воды тише, и опытный кормщик хотя и с трудом, но мог провести грузный карбас. Небольшой островок, заросший елями и березняком, разделял в этом месте реку на два рукава. И горе человеку, попавшему во второй рукав, огибавший островок с другой стороны, — второй рукав был непроходим; вечно покрытый тучей водяной пыли, могучий поток, дойдя до обрыва, неудержимо падал вниз, с грохотом скатываясь с уступа на уступ. Неистово ворочаясь в тесных каменных объятиях, водопад яростно ревел, словно зверь, попавший в крепкие сети.

Ствол вековой ели в бурлящих на камнях потоках превращался в жалкие щепы, кружившие в воде, и черную пену, осевшую по берегам реки.

Труфан Федорович крупным шагом, почти бегом, спешил за карбасом по дорожке, проторенной вдоль берега; вела она к другой избушке, черневшей внизу за порогом, там, где течение реки делалось спокойным и безопасным. За Амосовым двигались дружинники.

Никита ловко обходил черные камни, окруженные клочьями белой пены. Вокруг карбаса вода кипела, как в котле, его то отбрасывало назад, то толкало в стороны. Один раз, попав в водоворот, карбас остановился и стал было крениться на борт, но сильная рука вовремя выровняла его; через мгновение карбас, словно испуганная лошадь, ринулся вперед.

Отворачивая карбас от вставшего на пути гранитного осколка, покрытого скользкими водорослями, Никита, напрягшись, налег на правило — карбас резко повернул вправо. Вдруг мореход выпрямился и швырнул в воду обломки правильного весла.

— Сгиб Никита! — стоном вырвалось у товарищей. Они окружили Амосова, словно ожидая от него приказаний.

Но помочь Никите больше никто не мог. Карбас уже отнесло на середину реки и сразу же подхватило быстрым течением левого протока. Никита бешено работал запасным веслом, стараясь приблизиться к берегу, но течение было неодолимо. Два раза стремительной силой

воды карбас кренило на борт, и Никита, боясь, что лодку зальет, больше не пытался выйти из стремнины.

Не говоря друг другу ни слова — да и не слышно было человеческого голоса за могучим ревом водопада, — дружинники не спускали глаз с Никиты.

Вот он обернулся. Все хорошо видели его бледное, словно у покойника, лицо. Сняв шапку, Никита что-то крикнул и поклонился, видимо прощаясь с дружинниками, а потом вновь взял в руки правило, продолжая неравную борьбу с водяной стихией. Еще мгновение, и карбас, закрытый зеленым островком, исчез с глаз дружинников.

Никита продолжал борьбу за жизнь. До порога осталось всего несколько сажень; здесь река делала последний разбег, перед тем как броситься на скалы. Как раз посередине речного потока из воды торчали два огромных черных камня. Они стояли почти рядом на расстоянии всего двух аршин. Никита, ворочая веслом, сумел направить свой карбас к этим видневшимся камням.

Трещина по всем швам, карбас впился между ними. Его подбросило кверху, и он повис, окруженный со всех сторон кипящей и ревущей водой.

Не веря еще, что остался жив, Никита стал осматривать карбас. Судно сидело крепко, и сейчас прямой опасности не было. Но долго так продолжаться не могло: вода, непрерывно бившаяся под днищем, рано или поздно должна была разрушить судно. Гвоздарь стал соображать, как спасти себя и драгоценный груз.

«Ежели б на тот камень перебраться», — с надеждой думал он, оглядывая небольшую площадку на камне, торчащем справа. Действительно, этот потрескавшийся камень, поросший мхом и чахлым кустарником, мог спасти его.

Большим промысловым ножом Никита разрезал веревки, распорол рядно и стал перекладывать тюки из карбаса на спасительный островок. Закончив с грузом, он и сам перебрался на камень.

Островок находился как раз посередине ревущего потока; он дрожал и колебался от напора воды, стремившейся сбросить его со своего пути. Взглянув вниз на водопад, Никита невольно схватился за тонкую березку и отполз подальше от края. Стараясь найти выход, он обратил свой взгляд на левый берег реки, густо поросший лесом.

«Сажень десять до берега, — прикинул Никита. — Да что толку-то, разве переплывешь?»

Внезапно его внимание привлекло движение в ветвях кустарника. Из прибрежной чащи выскочил крупный лось и заметался на небольшой галечной косе.

Не успел Никита сообразить, в чем дело, как из леса появились поджарые серые звери и бросились на лося.

— Волки! Конец сохатому, — пожалел новгородец.

Ему и в голову не могло прийти, что лось решится переплыть в этом месте реку. Но положение у зверя было безвыходное. Спасаясь от острых волчьих клыков, он как-то неуклюже подпрыгнул и забился в быстрых струях Выга.

Лоси — превосходные пловцы, но как ни старался большой и сильный бык справиться с течением — все было напрасно. Он упрямо запрокидывал голову, украшенную плоскими рогами, выставлял из воды горбатую морду.

Зверь быстро несло к водопаду. Барахтаясь, он все еще не хотел сдаваться, пытаясь достигнуть островков, между которыми торчал карбас. Вокруг головы лося белел веноч, вспененный сильным течением.

Зверь, подхваченный водоворотом, исчез в глубине, а когда его снова вынесло на поверхность — порог был рядом. Лосиные рога еще раз мелькнули перед глазами Никиты и снова потерялись в белой пене...

А на косе, где недавно топтался лось, пять голодных лохматых волков сидели на гальке и, казалось, с удивлением оглядывали человека, забравшегося на черный камень.

В это время товарищи Никиты не спускали глаз с дымящейся пасти водопада. Они ждали, когда в водовороте промелькнет карбас, желая хотя бы взглядом проводить морехода в его последний, страшный путь. Лесистый островок закрывал от них и Никиту, и карбас, и скалы.

— Дяденька, дяденька, — раздался неожиданно звонкий голос, — карбас твой в камнях увяз! Кормщик-то на Чертов Зуб слез. — Это прибежал запыхавшийся Егорий.

— Где карбас? Какой кормщик? Ты толком говори! — обступили мальчугана дружинники.

— На камне, что Чертовым Зубом прозывается... А кормщик высокий такой и лоб рассечен. — Егорий показал, как проходит шрам на лице кормщика.

Труфан Федорович словно ожил:

— Помню, помню, за этим островком еще два камня поперек реки торчат. Сумел, значит, Никита карбас меж ними направить... Пойдем, Федот, посмотрим, чем мужику помочь можно.

И Амосов зашагал по тропинке. За Федотом двинулись и дружинники. Пройдя немного вперед, они увидели Никиту, стоящего к ним спиной, тюки с товаром и карбас меж скал.

— Товар не забыл, — растроганно говорил Амосов, — сохранил, родной...

— Что ж, ребята, время волочить! — загудел Федот. — Надоть к Никите быстрее добираться. Сначала на остров, а с острова до камней рукой подать.

Все согласились с Федогом, но, когда вернулись на прежнее место, откуда до острова было ближе всего, поняли, что добраться до него — задача нелегкая.

Переплыть рукав в этом месте не было никакой возможности. Можно было попытаться пристать к острову на карбасе, плывя по течению, но и здесь успех был маловероятен. А если бы человеку все же удалось благополучно выбраться на крутой берег островка, то лодку неминуемо перевернуло бы или залило водой.

— Н-да... — задумался Труфан Федорович. — Вот и добрались... А ты, Федот, «рукой подать до Никиты-то», — передразнил он дружинника.

— А ежели по ремню на остров? — раздался чей-то голос. Труфан Федорович быстро оглянулся:

— А ты попробуй, Митрий, может, и даст бог.

Дмитрий неторопливо набрал в руки сыромятный ремень из моржовой кожи. Примеряясь глазом, он размахнулся — и ремень, со свистом прорезав воздух, зацепился петлей за сломанный сук ели. Дружинники обрадованно загалдели, но сразу же стихли и затаив дыхание наблюдали, как Дмитрий подтягивал ремень. От усилий парня сук разогнулся, и он, боясь, что ремень соскочит, ослабил его.

— Не выдержит меня сук, а то бы я вмиг на той ели был! — вздохнул с сожалением Дмитрий.

Все молчали, разочарованные неудачей.

— Дозвольте мне, я попробую! — неожиданно раздался звонкий голос. — А ежели сук обломаю, все равно не утону. За ремень уцеплюсь. — Егорка схватил Амосова за рукав и с надеждой смотрел на него: — Дозволь, дедушка!

— Руками не удержишься, а вот ежели тебя веревкой обвязать, тогда, пожалуй, позволю... — раздумывая, медленно говорил Амосов.

Он ласково положил свою руку на голову мальчика.

— Ну-ка, Дмитрий, обвяжи парня покрепче, его-то сук выдержит, — приказал Амосов дружиннику.

— Выдержит! — отозвались эхом обрадованные голоса. — Выдержит, Труфан Федорович, не сомневайся, а не выдержит — не утонет парень.

— Как до ели доберешься, твое дело — ремень привязать, да покрепче, милай, чтобы меня али Никиту выдержал, понял? — наказывал Дмитрий, пробуя узлы на спине у мальчика.

— Понял, дяденька, — ответил Егорка, искоса взглянув на большое тело Дмитрия. — Уж так завяжу, что и вдвоем с кормщиком не тяжело будет.

Дружинники рассмеялись, а Егорка, поплевав по-взрослому на ладошки, схватился за ремень и, быстро перебирая руками, повис над рекой. На середине пути мальчик по пояс оказался в воде: сук был слаб, и даже легкое Егоркино тело сгибало его. Не успел Труфан Федорович с дружинниками охнуть, а Егорка уже спрыгнул на землю и возился у ели, привязывая ремень. Скоро он призывно замахал руками.

— Привязал Егорий, — заметил внимательно наблюдавший за мальчиком Труфан Федорович. — Молодчина парень! Мореход из него выйдет стоящий... Ну, Митрий, теперь твой черед! — обратился он к Головне.

Дмитрий собирался недолго. Нашупав нож у пояса и привязав топор, он ухватился за ремень. Перебравшись благополучно на островок, Дмитрий помахал рукой товарищам и вместе с мальчиком быстро скрылся в диких зарослях. С трудом пробираясь сквозь густой кустарник, плотно охвативший со всех сторон десяток тощих и высоких елей, они, тяжело дыша, вышли на противоположный берег острова и сразу же увидели Никиту на плоской вершине камня.

— Никита-а-а! — закричал Дмитрий.

Да куда там, рев водопада заглушал всё. Кормщик, не оборачиваясь, упорно продолжал смотреть на берег.

— Дяденька, а ежели камнем в кормщика — легоньким, вот таким? — показал мальчик зажатый в руке камень.

— А ты попадешь в Никиту-то?

— Таким камешком я малую пгицу отсель зашибу, — с гордостью ответил Егорка, — а то в Никиту! — И он ловко швырнул камень в спину кормщика.

Никита вздрогнул, обернулся и увидел на зеленом острове, у самой воды, Дмитрия и Егорку. Он обрадовался и сразу понял, что надо делать. Когда Дмитрий перебросил ремень, Никита продел его сквозь трещину в скале и закрепил за надежный, криво выступавший обломок.

С концом в зубах Дмитрий взобрался на ель, выросшую у самого берега, и намертво прикрутил ремень за ствол. Теперь осталось самое легкое. Тюки с товаром Никита подвязывал к протянутому над потоком ремню, а Дмитрий, оседлав еловый сук, орудовал веревкой, перетаскивая тюки через водопад.

Тем же путем выбрался на остров и Никита, изрядно промокнув в быстрых, пенистых струях реки. Обнявшись на радостях, они с тюками за плечами тронулись в обратный путь. Пока Дмитрий перетаскивал оставшийся товар, Никита и Егорка наладили отличную подвесную дорогу. Теперь по ремню, привязанному высоко, почти у вершины ели, груз скользил сам, падая прямо к ногам дружинников.

Крепко обнял и поцеловал Никиту старый мореход за находчивость и верную службу, обнял и поцеловал и Дмитрия.

— А ты, Егорий, — обратился он к мальчику, — веди назав-трие мать. Ежели она согласна, беру тебя с собой. На лодье в море пойдешь, сам морскому делу учить стану... Тебе-то ладно ли будет?

— Ой, как ладно, дедушка! — чуть слышно прошептал Егорка и бросился домой, шаркая голыми пятками по осыпающейся гальке.

Усталые, но довольные добрались мореходы к избушке. Здесь у карбасов, вытащенных на берег, лежали тюки с грузом, доспехи и оружие дружины. На большом вертеле целиком жарился жирный олень, распространяя вкусный запах. На радостях Труфан Федорович приказал открыть бочонок с лучшим заморским вином. И пока не показалось дубовое дно, не смолкли разговоры и песни... К полуночи лагерь заснул, стало тихо. Только прорывающийся сквозь шум водопада дикий плач сони и близкий волчий вой заставляли дозорного крепче сжимать копьё.

Глава XXIII. ДРУЗЬЯ БОГА И ВРАГИ ВСЕГО МИРА

Гонец венецианца Миланио — Иван Калика задержался в крепости Выборг. Он долго не мог найти попутного судна в город Або.

Местные и иноземные корабельщики на просьбы Ивана Калики отвезти его только качали головой, не соглашаясь уходить из гавани ни за какую плату. Корабли собирались в большие караваны и только во множестве осмеливались проходить места, где хозяйничали разбойники.

Потеряв почти месяц, Калика нашел хозяина маленького суденышка под названием «Слеза девы Марии», идущего в Або с грузом деревянной посуды, и уговорил взять его с собой.

Кормщик велел Ивану Калике прийти на судно с рассветом, а деньги за провоз заплатить вперед.

— Разбойников я не боюсь, — сказал на прощанье купец. — груз у меня незавидный. Деревянная посуда морским братьям не нужна. Они награбили столько добра, что могут кушать на золоте. И суденышко у меня маленькое да худое.

— А как знать разбойникам, что у тебя на судне? — любопытствовал Иван Калика. — А может, ты сокровища там прячешь?

Кормщик с таинственным видом оглянулся и, понизив голос, ответил:

— Морские братья всё знают, у них везде глаза н уши.

Иван Калика, расставшись с кормщиком, решил немного побродить по городу. Сделав несколько шагов, он неожиданно увидел молодую девушку в русском наряде. Иван Калика остановился, заглядевшись на красавицу.

«Нет краше во всем свете», — подумал он.

Видя, что девушка что-то разыскивает, Калика решился заговорить:

— Что ищешь, красавица, али потеряла что?

— Лодью попутную ищу, — ответила девушка, глянув на Ивана Калику. — Хочу в город Або попасть.

— Ты одна живешь? — подошел к девушке Калика.

— У дяди живу, купец он, медом торгует.

— А в город Або тоже с дядей плыть хочешь?

— Одна поплыву. В Або у меня брат живет.

Иван Калика долго не раздумывал.

— Вот что, девка, — сказал он: — я тоже в Або пробираюсь. У меня и лодейка одна сговорена, назавтрие в море плывем. Ты сестрой назовешься, вдвоем-то вернее... Согласна, что ль?

Девушка подняла на незнакомца большие глаза.

— Согласна я, спасибо, — ответила она.

— Ну и хорошо! — обрадовался Калика. — А звать тебя как?

— Варварой звать, — сказала девушка. — Когда приходиться-то, рано ли?

— Вот к той лодейке махонькой, со щеглой[54] одной, — показал на суденышко Иван Калика.
— К восходу солнешному приходи.

Девушка поклонилась незнакомцу и, не сказав больше ни слова, скрылась за тюками товаров, которыми была завалена набережная.

С тех пор как ушел Дмитрий, девушка не находила себе места. Грозное предчувствие томило ее сердце. Варваре казалось, что Дмитрий в опасности, что корабль, на котором он вышел в море, гибнет... Она сказала отцу:

— Батюшка, я пойду в Новгород встретить Дмитрия. Помоги мне.

Степан Тимофеевич замахал руками:

— Не пуцу, и думать не смей!..

— По добру не отпустишь, так уйду, — тихо, но твердо ответила девушка. Всегда ласковая, покорная во всем отцу, сейчас она была неузнаваема.

Посмотрев на дочь, Котов понял, что Варвара не уступит. Не сказав больше ни слова, он вышел во двор и целый день, отводя душу, бранился с работниками.

Наутро Варвара, одетая по-дорожному, с узелком в руках, пришла к отцу прощаться.

— Вот ты какая! — посмотрев на дочь, сказал Степан Тимофеевич. — А я и не знал. Думал, ты в мать пошла, а нет — моя кровь... — Он запнулся и, всхлипнув, махнул рукой. — Ну, вот что, девка, иди! Работников с тобой пошлю, денег дам. Иди к своему медведю!

На следующий день с первыми лучами солнца шестеро работников Степана Котова, усадив девушку в большой карбас, вышли на Выгозеро. На руле сидел старый пастух Одноуш: увидев однажды на руке Варвары перстень с черным жуком, он, чем только мог, старался услужить девушке. Теперь он взялся проводить Варвару до Повенца.

На первой ночевке бродячий монах из Новгорода принес тревожные вести.

— Слыхал, толкует народ на торгу, — рассказывал монах, — морские разбойники поклялись в Новгород купца Амосова с хлебом не пустить: товары разграбить, а корабли сжечь.

— А людей куда, отче? — спросила Варвара, жадно ловившая каждое слово. — С дружиной что разбойники сделают?

— В море, девонька, бросят али с кораблями сожгут. У них обычай строг, на то и душегубы...

Варвара горько плакала всю ночь.

Утром, уловив момент, когда Варвара была одна, к ней подошел Одноуш.

— Не убивайся, милая, рано еще друга оплакивать, — ласково сказал он. — хорошие люди везде есть, помогут. Вот с нашего погоста Олег Темный... Он знатен среди морских братьев. Его прозвали там «Жестокий». Если Олег увидит у тебя на руке перстень с жуковиной, он исполнит твою просьбу и любой ценой спасет Дмитрия.

— Я пойду к разбойникам... Но как я найду их? — Девушка с мольбой глядела на старика.

— А вот как, милая: в Новгороде тебе делать нечего; я знаю ближний путь в заморскую крепость Выборг и проведу тебя. Там живет мой брат. Он поможет тебе найти Жестокого.

— Спасибо, дедушка, спасибо!

И вот Варвара в Выборге. Брат Одноуша рассказал ей, как разыскать морских братьев: для этого Варваре нужно было увидеть еще одного человека в городе Або. Но как назло в этот порт корабли не отходили уже много дней. Сгорая от нетерпения помочь Дмитрию, она решила сама отыскать судно. Уговоры Одноуша и его брата подождать знакомого кормщика не привели ни к чему. Неожиданное предложение Ивана Калики обрадовало Варвару, и она сразу согласилась.

Утром «Слеза девы Марии» с попутным ветерком двинулась на запад. Кормщик держался близко от берега, а когда стемнело, зашел для ночевки в небольшую пустынную бухточку. На следующий день все чаще и чаще стали встречаться низкие скалистые острова. Когда суденышко вышло на опушку Або-ских шхер, острова, преградив дорогу со всех сторон, окружили его. Но опытный кормщик среди тысячи островов и островков продолжал вести свой корабль. Сотни примет помогали ему. На небольшом островке к трем соснам, растущим в одиночестве, кто-то прибил поперечную тесину в виде стрелы и покрасил ее в красный цвет; здесь суденышко легло курсом на север. Повороты пошли все чаще и неожиданнее; паруса убрали давно и шли на одних веслах.

Ивану Калике иногда казалось, что судно идет прямо на скалистый мыс и гибель неизбежна. Но кормщик в последнюю минуту крутым поворотом выводил из опасности свой корабль и ложился на новый курс. Калика стал считать повороты, но скоро сбился со счета.

Недаром морские братья избрали своим обиталищем Абоские шхеры, насчитывающие несколько тысяч необитаемых островов. Разбойники, хорошо знавшие местность, легко укрывались от погони за островками, а преследователь не отваживался заходить в шхеры, боясь внезапного нападения. Тысячами подводных камней и острых скалистых мысов отпугивали мореплавателей Абоские шхеры, служа надежным укрытием морским братьям. В то же время разбойники жили в мире со шведскими властями и даже за хороший выкуп брались проводить в шхерах шведские корабли.

У одного из островов, на котором виднелись деревянные постройки, стоял на якоре небольшой, украшенный резьбой корабль.

— Это морские братья... — шепотом сказал кормщик Калике. — Скажи девушке, — добавил он, — пусть спрячется внизу. Не ровен час, увидят еще.

Словно притянутое магнитом, судно «Слеза девы Марии» двинулось к кораблю и стало борт о борт с ним. На судне появились два чужих человека. Зайдя в каюту кормщика, они перебросились с ним двумя-тремя словами.

Хозяин, вздыхая, вынул из кармана несколько серебряных монет и передал их одному из морских братьев, седому, зверо-ватому на вид старику.

— Хозяин неплохо уплатил за свои деревянные черепки, — сказал товарищу седовласый, пряча деньги в кожаную кису. — Ты свободен, можешь продолжать путь, — обернулся он к кормщику, направляясь на свое судно.

На мачте «Слеза девы Марии» появился зеленый лоскут, и хозяин направил судно к самому опасному району Абоских шхер.

К вечеру «Слеза девы Марии» вошла в устье небольшой реки. Иван Калика увидел старинный замок, стоящий на скале, и город с островерхой церковью. Это было старинное поселение Або.

Девушка, заплатив за проезд, простилась с кормщиком и сошла на берег. Ивану Калике, увязавшемуся было вслед, она сказала:

— Отстань — я спешу!

Махнув рукой, Иван Калика остановился.

— Ну что ж, прощай! — крикнул он вдогонку девушке. — Насильно мил не будешь, — Он вспомнил, что она даже не спросила его имени.

Расспросив у людей дорогу, Иван Калика направился на поиски нужного человека.

Очутившись у небольшого домика на пустынном берегу, вдали от городских стен, Иван Калика еще раз взглянул на пергамент.

— «Ганце Сассенбеке... — читал он. — На берегу дом каменный, а крыша из свинцовых плиток. Перед домом три яблони, окна закрыты ветвями...» Три яблони, дом каменный...

сказал он. — Все правильно.

Иван Калика четыре раза стукнул в дощатую дверь с медной оковкой. Никто не ответил.

Гонец постучал еще четыре раза.

Дверь отворилась. На пороге появился сгорбленный старик с палкой в руках.

— Мне надобен Ганце Сассенбеке, — сказал Ивам Калика на вопросительный взгляд старика.

— Я — Сассенбеке.

— Миланиоо велел вам кланяться...

— Что мне его поклоны, — перебил старик.

— ...и передать на память вот это. — Иван Калика протянул старику талер. — А второй Миланио просил передать Картавому.

— Это другое дело, — сказал Сассенбеке. — Заходи в дом.

Закрыв дверь, Сассенбеке провел Ивана Калику в большую комнату, где горел очаг, а в дыму коптились два больших окорока. Осадив гонца на дубовую скамью, Сассенбеке вышел, а через пять минут в комнате появился совсем другой человек.

— Приходится скрываться, брат, — сказал Сассенбеке, увидев удивление гостя. — Давно купчишки оторвали бы мне голову, если бы я не вел тонкой игры... В городе меня знают за благонаправного и добропорядочного старика, никогда не покидающего свой дом, а, как видишь, я совсем не стар и не могу считаться домоседом... Мои хозяева зовут меня Картавым... Хорошие вести привез для Одноглазого? — спросил он.

— Хорошие, — отозвался гонец. — Будет чем порадовать всех братьев. Надо торопиться, — добавил Иван Калика. — Когда отвезешь меня к братьям?

Сассенбеке подумал:

— Можно сегодня в ночь. Будто рыбалить на море выйдем, а там — к своим.

С заходом солнца Иван Калика с Ганце Сассенбеке подплывали на рыбацьем челне к небольшому островку, закрывавшему вход в узкий залив. Совсем неожиданно для Калики из-за крутого каменистого мыска вылетел небольшой корабль с драконьей головой на носу, похожий на встреченный в шхерах, и направился прямо к челну. На корабле дружно работали веслами. Кто-то, взобравшись на звериную голову, кричал:

— Эй! Чья лодка?

— Друзей бога и врагов всего мира, — отозвался Сассенбеке.

— Кого надо?

— Одноглазого.

На корабле помолчали.

— Зачем вам Одноглазого?

— Передать ревельский талер.

— Подходи, — слышалось в ответ.

Иван Калика и Картавый подгребли к кораблю и, прицепив свою лодку к корме, перебрались

на него.

Корабль долго двигался узким каменистым заливчиком. Круто меняя направления, судно обходило то острый мыс, то камень или островок. Но вот корабль вошел в удобную гавань, в которой стояли большие, затейливо украшенные корабли.

Иван Калика и Сассенбеке высадились на небольшую скалистую площадку, где была стража. Сопровождаемые воинами, они направились к темневшему впереди входу в пещеру. У знамени, поднятого на высоком древке, Иван Калика остановился. Он взглянул на большое знамя, чуть-чуть шевелившееся на легком ветру; на зеленом полотнище словно повис большой черный жук, хищно растопырив лапы.

«Ну и знаменье! — подумал Калика. — На жуковину смотреть страшно».

Сассенбеке, по-видимому, здесь хорошо знали; встречавшиеся брагья приветствовали его.

Один из воинов, стоящих у входа в пещеру, вызвался проводить прибывших к Одноглазому, главарю братьев, и, засветив факел, пошел вперед. В пещеру вел узкий ход. Путники спустились вниз на несколько ступеней, выбитых в скале рукой человека, и, пройдя узкий коридорчик, вошли в огромный грот. Большое пресноводное озеро темнело посередине.

— Тут много свежей воды, — обратился к гонцу Сассенбеке.

Небольшая подземная речка, перекатываясь через камни, шумливо вливалась свои воды в озеро.

Гулко раздавались под высокими сводами шаги и голоса путников, и это невольно заставляло их разговаривать тише.

На стенах пещеры виднелись какие-то надписи, сделанные копотью или высеченные на камне. Из пещеры вело в разные стороны множество ходов, провалами темнеющих в стенах.

Иван Калика и Сассенбеке высадились на небольшую скалистую площадку.

Братья вошли в одно из боковых ответвлений, и долго двигались длинным коридором.

— Смотри, брат, какие склады с пищей. Можно выдержать осаду не один месяц, — показал Сассенбеке на одну из дверей. — А вот склад с боевыми доспехами. Этим оружием можно снабдить большое войско. Сейчас мы проходим около дверей, — продолжал он рассказывать, — которых не разбить самым большим тараном. Если будет нужно, все двери можно быстро закрыть, опустив их сверху... А здесь обитают братья, когда приходится скрываться от врагов, — указал он на ряд небольших пещер.

Иван Калика находился в логове знаменитых разбойников — морских братьев, в руках которых находились многие города на северном берегу Варяжского моря.[55]

Шведы часто использовали морских братьев как военную силу в борьбе со своими соперниками на море и за это предоставили разбойникам убежище у своих берегов. Это было на руку морским братьям. Они бежали с земель, захваченных рыцарским орденом, и горели желанием отомстить своим угнетателям-немцам.

Однако морские братья не пропускали удобного случая для нападения и на других соседей шведов — новгородцев. Случалось, корабли разбойников доходили почти до крепости

Орешек, грабили и уничтожали русские поселения по берегам Невы.

В братстве собрались люди, которым больше некуда было деться. Здесь были язычники, католики и православные: эсты, славяне, литовцы, шведы, датчане и выходцы из других стран. Вождь выбирался всеми братьями, добыча делилась поровну. Обиженные, обездоленные люди собрались сюда, чтобы мстить за обиды, за свою искалеченную жизнь, за своих родных и близких. Братья свято хранили свободу, которую у них отняли на родине. Разбойников боялись все мореходы Варяжского моря. Одно упоминание о морских братьях заставляло трепетать самые храбрые сердца.

Разбойники не знали пощады в бою и жалости к пленным. Девиз морских братьев, о котором без ужаса не могли слышать ганзейские и другие купцы, был: «Друзья бога и враги всего мира»...

— Мы пришли, — обернулся провожатый. — Здесь наш вождь! — И он постучал в деревянную стену.

Это оказалась дверь. Она бесшумно открылась. Провожатый, простившись, пошел обратно, а Сассенбеке и Иван Калика вошли в небольшое помещение, освещенное масляными светильниками.

Бедное убранство комнаты поразило Калику: постель из медвежьих шкур, стол, за которым спиной к вошедшим сидел человек.

— Мы к тебе, брат, — робко обратился к нему Сассенбеке. Человек обернулся.

— А-а, Картавый! — сказал он негромко. — Какие новости? Чем порадуешь?

— Со мной гонец из Новгорода, брат. Он принес тебе срочное письмо.

Одноглазый молча протянул руку. Иван Калика заторопился и, разорвав подшитую к рубахе подкладку, вынул свернутую вчетверо бумагу.

— Читай, — приказал вождь. Иван Калика прочитал грамоту.

— Так, так... Новгородские корабли купца Амосова везут богатые товары. Во что бы то ни стало их надо уничтожить, иначе Мнланию грозит смерть... Так, так...

Он взял деревянный молоток и стукнул в бронзовый диск, висевший возле стола. Неслышно появился один из братьев.

— Принять гостей, — не глядя, распорядился Одноглазый. — Идите, братья, — добавил он.

Все ушли.

Охватив руками большую голову с копной рыжих волос, вождь долго сидел, не шевелясь. Злая тоска давно точила главаря разбойников. Ничто не радовало его, ничто не приносило ему утешения. Десятки подвигов, совершенных им в морских битвах, казались вождю бесцельным, никому не нужным делом.

— Так, так... — сказал он вдруг. — Еще двадцать кораблей пойдут ко дну, но когда же я доберусь до тебя, проклятый поп!.. Когда ты взвоешь, подвешенный на крюк!.. Я припомню тебе отца, припомню мать... — заскрипел он зубами.

Одноглазый снова задумался.

— Когда же я соберу силы и разом смету с родной земли всю нечисть: попов, этих черных

трутней, и кровожадных рыцарей с крестами на одеждах! Когда я смогу отомстить за кровь многих невинных людей! О, как я хочу поговорить с тобой, великий магистр!.. — Великан сжал кулаки. — Если бы не брат Миланио, попавший в беду, я не стал бы больше расточать силы на грабежи и разбои. — С каждым словом голос вождя делался все тише и тише.

Утром в лагере морских братьев появилась красивая девушка Весть об этом быстро разнеслась среди обитателей залива. Девушка приехала к Жестокому, правой руке вождя.

Не успела Варвара сказать и двух слов, как в комнату вошел Одноглазый.

— Так, так... у тебя в гостях красавица, Жестокий, — хмуро сказал он. — Однако ты не забывай хорошее правило: любая женщина может пробить в лагере только от восхода и до захода солнца... Выйди-ка, брат, за дверь, мне надо кое-что сказать тебе, — добавил вождь.

Жестокий нехотя поднялся и вышел за Одноглазым.

Сердцем почувствовав неладное, словно кошка бросилась Варвара к плохо прикрытой двери. То, что она услышала, потрясло ее. Она медленно опустилась на скамью.

— Что с тобой, красавица? — бросился к Варваре вернувшийся Жестокий.

Девушка отвела руку разбойника.

— Я слышала, что тебе говорил этот человек, — смотря в глаза Жестокому, сказала Варвара. — Вместе с купцом Амосовым, в его дружине, плывет человек, которого я люблю больше жизни. Помоги мне, Жестокий, спаси моего Дмитрия. Заклинаю тебя вот этим перстнем. — И Варвара протянула руку.

Жестокий молча смотрел то на девушку, то на перстень.

— Твоя просьба священна, — выговорил наконец Жестокий, — твоими устами приказывает всемогущий Перун... Скажи мне еще раз: что ты хочешь?

Варвара повторила свою просьбу.

— Я спасу Дмитрия, — твердо сказал Жестокий. — Но как я найду его в бою, — подумав, добавил он, — среди сотен людей? Трудную задачу ты задала мне, девушка.

— Совсем не трудную, Жестокий! — радостно ответила Варвара. — Доспехи вашего богатыря Мечислава едва-едва пришлись ему впору. На состязаниях Дмитрий натянул лук Мечислава и трижды попал из него в цель, — говорила она быстро-быстро. — Ты его сразу заметишь среди тысяч людей.

— Я спасу его, — повторил Жестокий. — А сейчас я велю проводить тебя в Або к нашему человеку. Ты слышала, что сказал вождь, — тебе здесь нельзя оставаться. Там, в городе, — подумав, сказал он, — ты увидишь своего Дмитрия живым и невредимым.

Глава XXIV. СТУДЕНОЕ МОРЕ

Через неделю тяжелого пути по порожистым рекам как-то вдруг, за крутым поворотом, новгородцам открылся большой залив. Это было Студеное море.

С приближением к морю старик Амосов заметно оживился.

— Поднажмите, ребяташки, — не уставал повторять он дружинникам, — поднажмите, родные!

Гребцам передалось волнение старика — они не жалели сил: карбасы летели, как на крыльях.

Словно желая охватить взглядом все морс, Амосов не отрываясь смотрел на уходящую вдаль темно-синюю, взлохмаченную белой пеной поверхность.

Как только карбас ткнулся носом в приглубый берег,[56] старик сразу помолодел. Лихо выпрыгнув на мягкий песок, он хлопнул по плечу рослого дружинника, возившегося с большим тюком, туго перевязанным сыромятным ремнем, и сказал радостно:

— Глянь, Никита, на морюшко Студеное! Вот оно, привел господь вновь увидеться.

Дружинник выпрямился. Заслонившись ладонью от солнца, он глянул на рассерженное ветром море.

— Оно и есть наше родимое... — начал было он, но запнулся, увидев старого морехода далеко от себя, торопившегося к берегу, на шум морского прибоя.

Пока дружинники сносили дорожную кладь на берег, Амосов неподвижно стоял на обнаженной отливом отмели.

Свежий северо-западный ветер, деловито подгонявший упругие волны, нес привычные запахи моря. Труфан Федорович учащенно дышал; он не обращал внимания на потоки прибоя, время от времени заливавшие бахилы, на брызги, кропившие лицо.

Великая любовь к морю, любовь с ранней молодости, была и сейчас крепка у Труфана Федоровича. Те два года, что он жил в Новгороде, его непрестанно грызла тоска. Сейчас старик был счастлив: родное Студеное море снова рядом, у его ног.

Перед взглядом морехода раскинулись многочисленные островки Онежских шхер, то большие, покрытые высоким густым сосновым лесом, то маленькие голые гранитные скалы.

По вечернему небу, словно живые, неслись вперегонки завитые облака. Скрываясь во мгле, уходил на север каменистый, носатый берег, сплошь покрытый лесом; его окаймляла широкая илистая тонкая полоса отмелей, обсыхающая в отлив и невидимая в приливные часы.

На юге резко выделялись среди невысокого побережья плавные очертания Медвежьих голов — гранитных глыб, заросших густым сосняком.

Издали неся над морем буйный побережник. Оторвавшись от соленых волн, он с яростью налетел на дремучий хвойный лес. И вековые сосны, качая вершинами, отзывались на шум Студеного моря.

— Труфан Федорович, дедушка! — услышал мореход. — Пойдем, тебя поп рыжий кличет.

Амосов обернулся. Увидев мальчика, он положил большую руку ему на голову:

— Идем, Егорушка, идем, родной.

Они сделали несколько шагов.

— Ты впервой море видишь? — вдруг спросил мореход.

— Впервой, дедушка.

Старик остановился:

— Поклонись Студеному морю, Егорий, проси милости. Мальчик подошел к кипящей пене прибора и низко поклонился.

— Повторяй за мной, — услышал он строгий голос.

— Студеное море, будь милостиво ко мне, Егорию, — повторял прерывающимся голосом мальчуган, — дай счастья и удачи в промысле. Сохрани мою жизнь... А я клянусь, Студеное море, не буду гневать тебя ни словом, ни делом. Буду хранить устав морской, кой деда и прадеды наши почитали. А если нарушу клятву свою, пусть унесет меня в пучину злой взводень.

— Теперь, Егорий, пойдём. Не забывай свою клятву, страшись гнева морского... Рубаху с нови беречь надобно, а честь смолоду, — помолчав, сказал старый мореход.

На ночлег Труфан Федорович расположился в деревянном скиту, сооруженном еще в давние времена монахами Валаамского монастыря. Скит стоял на одном из рукавов, обтекающих многочисленные песчаные острова.

Почерневшие толстые бревна хорошо укрывали братию от непогоды и лихих людей. О новгородских купцах Амосовых монахи слышали. Труфана Федоровича они не знали куда посадить и чем угостить. Попарив гостя в прокопченной баньке, его усадили в горнице на почетное место.

— Губа наша мелка — это верно, — певуче говорил старец, угощая морехода, — однако рыбой богата. Осенью зайдет и невелика рыбешка, а вода густеет, словно каша; тогда хоть шапку кинь в воду — не затонет, али палку воткни — не упадет, а только вертится да вертится... Покушай вот, Труфан Федорович, рыбку, галадью нашу. О прошлом годе выловили. Посол нежный, не ваша новгородская соль, не горька, такой-то рыбки в Новгороде не сыщешь.

Амосов невнимательно слушал угодливые речи старцев, думами бродя в далеком. Но вот он насторожился. Отец Варсонофий, старший по иноческому чину, стал жаловаться на шведов-разбойников.

— Жизни не стало, — говорил Варсонофий, прослезившись, — вот в прошлом годе два монастыря разорили: Святого Николая на Корельском да Святого архангела на Двине. Погостов сколь сожгли. Пока двиняне клич кликали, рать собрали, а след свейский давно простыл. Народ-то кто на промыслах в морях, кто в лесу на охоте. Одни старики да бабы по погостам остались.

— Знаю, отец, знаю про то, сердце кровью обливается, как про пепелища святые прослышу! — запальчиво ответил Амосов. — Да словами делу не помочь. Самим себя оборонить надобно, раз у господы новгородской думы про то нет.

— Да где ж нам, подаянием да трудами еле животы свои пасем...

— Знаю я в море острова, — не слушая старца, продолжал Амосов, — лесами, озерами, пашней и рыбой богаты. Пусты те острова. Дед мой Амос Корович там становье поставил; в губице кораблецам есть где от непогоды укрыться.

Труфан Федорович обвел взглядом слушавших его старцев.

— Вот на тех островах Соловецких, — повысил голос мореход, — монастырю быть самое

место. Большому монастырю, чтобы славу на всю землю Новгородскую... на всю Русь имел. Такой монастырь препоной ворогу станет! — забывшись, хлопнул по столу Труфан Федорович.

— Далече ли острова эти? — вдруг послышался из темного угла старческий, слабый голос.

Мореход обернулся. Под большой иконой, на тяжелой скамье, смиренно сидел древний инок.

— Кто ты, старче? — помедлил с ответом Амосов. — Откуда ты?

— Святого Валаамского монастыря инок, — тихо ответил старец. — Много грешен перед богом. Тщусь грехи замолить... Любы мне речи твои о тех островах. Хочу я...

— Немощен ты, старче, слаб, — глядя на изможденное, худое лицо инока, ответил мореход, — выдержишь ли?

Опираясь на посох, инок поднялся со скамьи и, приблизившись к столу, в упор взглянул на Амосова.

— Ты помнишь меня, Труфане?..

Серые, холодные, как сталь, глаза заставили вздрогнуть морехода, молнией пронеслись воспоминания.

— Княже, господине мой! — вырвалось само собой, неожиданно. — Жив, не убиен?

— Молчи, Труфане, нет больше князя! Инок Савватий перед тобой. — Старец опустил глаза и замолк.

Перед Труфаном Федоровичем встала картина боя с немецкими рыцарями у пригородов Пскова. Он видел, как на князя, скакавшего впереди, навалились рыцари, окружили его. Бросившиеся на выручку новгородцы не смогли пробиться. Мелькнул на мгновение позолоченный шлем. Тяжело сек вражеские головы русский меч в руках князя... Пронзительно заржав, вороной с подпалинами княжеский конь вынес хозяина из битвы. Тяжелое тело князя рухнуло наземь и, застряв в стремях, поволоклось по напитавшейся кровью земле; голова мертво подпрыгивала по кочкам... Скоро полвека минуло, а свежа в памяти старого морехода кровь, пролитая за русскую землю-

— Бог спас. Выходили добрые люди, — словно читая мысли Амосова, прошептал старик. — Теперь богу служу, схиму принял.

— Помнишь, княже, как рубились вместе...

— Молчи, не буду слушать... всё забыл.

Мореходу показалось, что редкая бородка старца дрогнула.

— А на островах Соловецких быть монастырю! Попрошу игумена отпустить на подвиг... Скит построю.

Труфан Федорович вынул из дорожного мешка небольшую шкатулку, украшенную резьбой, и взял оттуда горсть драгоценных камней:

— Прими, отче, на монастырь. Верю, в хорошие руки даю. Проси отца игумена, пусть благословит, мою просьбу передай. Монастырю на Соловках не бедствовать, Амосовы не забудут.

Инок низко поклонился мореходу и вернулся на лавку под образами.

Егорий не спускал с Амосова глаз.

— Дедушка, — шепотом сказал мальчик, — а в море, ежели свей на нашу лодью нападут, что тогда?

— Биться будем, Егорушка.

— И я тоже биться буду.

Амосов внимательно посмотрел на мальчика:

— Зачем спрашиваешь, Егорушка, боязно тебе?

— А я... чтобы не забыли на меня доспехи взять.

— Возьмем на тебя доспехи, Егорий, — строго сказал Амосов. — Раз на море пошел... не торопись, успеешь всего наглядеться.

Утром, проснувшись, Амосов увидел, что место, где сидел инок, пустовало.

— Инок Савзатий уже час как ушел, — пояснил келейник, заметив недоумевающий взгляд морехода. — Велел тебе поклон передать, сказать, чтобы не беспокоился, все будет, как задумал.

С вечерней водой Амосов отправился в море на маленькой монастырской лодейке. Путь теперь лежал к устью Двины и дальше в Холмогоры. * * *

Солнышко, пробиваясь светлыми лучами через слюдяные окошечки, освещало просторное село. Здесь все было сделано из темного дуба, все казалось простым и крепким.

Две постели по стенам, большой стол, резной поставец, икона в углу, две тяжелые скамьи, полка с книгами.

У каменной печурки, пылавшей жарким огнем, сгорбившись, неподвижно сидел седой старик. Он задумался, на коленях у него лежала раскрытая книга. Густые брови, словно два белых медведя, сошлись у переносья.

У ног старика, на большой волчьей шкуре, свернулся комочком Егорка и, посапывая, крепко спал.

Скоро неделя, как прибыл Труфан Федорович с Двины в свое становище на Новой. Земле. Везде ему сопутствовала удача: тридцать две заморские лодьи удалось найти в Холмогорах и в становищах по Белому морю. Лодьи были сделаны отличными мастерами и пригодны к большому плаванию. На ильинскую неделю все суда соберутся в обширное становище за Святым Носом с грузом воска, звериных шкур, моржовой кости и мягкой рухляди.[57] Из них двадцать самых больших лодей Амосов взял под хлеб, закупив его в Холмогорах.

Сейчас он дожидался на своей лодье «Шелонь» внуков Ивана и Федора, зимовавших в устье Оби. Мореходы должны были вернуться с драгоценным грузом на второй Амосовой лодье — «Онего».

Становище в Кармакулах, стоящее на берегу удобной, глубокой губы, издревле принадлежало роду купцов Амосовых. За последние несколько лет оно обросло новыми строениями, вместительными амбарами.

Внук Труфана Федоровича, Иван Олегович, приняв из рук стареющего деда его богатые промыслы и добротные морские корабли, взялся с большой охотой умножать достатки.

Помощниками Ивану во всех делах был младший брат Федор и кормщик Варфоломей, старинный друг и приятель Труфана Федоровича.

Утром кормщик Варфоломей сказывал, что промышленники видели с высокого мыса большую лодью о трех мачтах и признали ее за амосовскую. С часу на час Амосов ждал внуков.

И вот старик очнулся: он услышал приветственные крики и беготню на палубе. Еще миг — и большое тело лодьи чуть содрогнулось. Это вернулось долгожданное судно и, приставая к борту лодьи, слегка толкнуло ее.

«Экий молодец Иван! — подумал старик. — Славный мореход! Пристает так ладно, что и не заметишь».

Опять послышались громкие радостные голоса, шаги по палубе. Старик выпрямился, глубокие морщины расправились.

Вошел высокий, под стать старику, широкоплечий мужчина. Простое, открытое лицо сияло неподдельной радостью.

Войдя, он заполнил собой всю каюту. Старик поднялся навстречу и ждал, пока пришедший крестил лоб перед образом.

Потом младший мореход низко поклонился старшему:

— Деду! Труфан Федорович!

Труфан, обняв внука, посадил его подле себя.

— С удачей ли, Иван, все ли ладно, здоров ли Федор? — ласково спрашивал старик.

— Все ладно, Труфан Федорович. Всё сделали. И Федор здоров. Две сотни сороков соболиных да пятьсот беличьих — не с пустыми руками. Да кости моржовой отборной триста пуд. И югра довольная — весь товар ихние купцы на берегу оставили. На тот год на обмен топоров да ножей больше брать надо. Князек-то ихний тебе кланяться велел. Лучшего соболя десять сороков. Как один зверьки, залюбуешься!

— Его Егорием звать, — показал Амосов на проснувшегося мальчика, — наш, новгородский. Взял я его с собой. Матери обещал морехода из него сделать. Смелый мужичок!

— Ну что ж. нашего полку прибыло, значит! — весело отозвался Иван. — Пусть привыкает — места хватит... Мы потом с тобой, Егорий, дела обговорим. Ладно, што ль?

— Ладно, — серьезно ответил мальчик. — Я обожду.

— Федор, а Федор! — крикнул Иван. — Куда задевался? Подь сюда с соболями, пусть дед посмотрит.

Вошел Федор с большим тюком — в горнице стало тесно. Обняв младшего внука, Труфан Федорович долго не мог на него наглядеться.

Вскрыв аккуратно тюк, Иван Олегович вытащил несколько шкурок.

— Ну-ка, смотри, Труфан Федорович! Твое слово...

Старик внимательно разглядывал смолисто-черную небольшую шкурку. Его рука любовно гладила пышный густой мех.

— На тысячу один такой зверек попадается. Этому соболю цены нет! Царский зверек! Старик помолчал.

— Остатний товар где?

— Всё в лодью взяли. Моржовую кость на низ. Тяжелое внизу — на море способнее да и рухлядь от воды сохраннее.

Старик Амосов слушал, не перебивая, и только одобрительно качал головой.

— По приметам-то способные ветры должны на утрие пасть, — после раздумья заметил он.

— Завтра и в поход идем. Поди распорядись, дружине вготове быть. Доспехи ратные у всех ли есть?

Мельком взглянув на Егорку, он поймал его умоляющий взгляд.

— Иване, — сказал он внуку, — малого снарядить надо... Сходи с Иваном, Егорушка, выбери себе по силам секиру али копье. К Варфоломею сходи — он доспехи бережет... И шелом пусть даст Варфоломей, — добавил он смеясь. — Воин хоть куда будешь!

Глава XXV. ИГРАЛИЩЕ БУРЬ

Все шло, как задумал Труфан Федорович. В ильинскую неделю все лодьи дружно собрались в обширном становище у Святого Носа. Теперь предстоял путь в далекую Данию. Ждали сигнала с «Шелони» от старика Амосова.

Труфану Федоровичу не терпелось. Он несколько раз просыпался, выходил наверх, определял ветер — смотрел на облака, на море, прислушивался к отдаленным звукам прибоя, бившегося в каменный Мурманский берег.

Наутро тридцать четыре заморские лодьи, подгоняемые крепким восточным ветром да стайкой белокрылых птиц, неслись по Студеному морю. У Варангер-губы ветер изменился, задул сердитый полуночник и стал прижимать лодьи к варяжскому берегу.

Норманны заметили русских. На ближнем высоком мысу задымился костер.

— Поход наш сведав, своим вести подают. По всем берегам знатье разнесут — русские, мол, в гости жалуют. — И Труфан Федорович, не спускавший глаз с берега, ухмыльнулся в бороду, вспоминая былые походы.

Не доходя до Мурманского Носа, дозорные на «Шелони» увидели несколько вражеских кораблей, гребущих наперерез передовому судну.

Дружинники одели шеломы, приготовились к бою. Егорка тоже одел шелом, из-под которого едва виден был его нос, взял в руки копье.

Подойдя поближе и увидев вооруженных людей, норманны решили разойтись мирно.

— Эло! — крикнул с носа дощатого судна норманнский разбойник. — Хотим ветер у вас купить.

Но, с трудом удерживая равновесие на волне, не рассчитал и, едва успев ухватиться, повис на драконовой шее. На лодьях засмеялись. А старый Амосов крикнул в ответ, будто не поняв, что надо врагам:

— Нет у нас ветра. На палой воде всю ветрову казну извели, не взыщите.

Норманны, с сожалением поглядев на глубоко сидящие, набитые ценным грузом лоды, повернули обратно. Их длинные нескладные корабли сильно било на зыби, казалось, что вот-вот какое-нибудь не выдержит — развалится или перевернется.

Велико Студеное море. Грозный седой взводень, подгоняемый свирепым ветром, катился по необъятным просторам.

У правого борта «Шелони» горой поднялась пенящаяся волна. Казалось, что лодья, жалобно скрипевшая на все лады, или рассыплется на части, или затонет в хаосе обрушившейся на нее стихии.

У моря жалости нет. Чиста стала палуба, все, что могла, унесла с собой волна. Несколько бочек, старый парус, два небольших карбасика давно плавали где-то на вздыбленных морских просторах.

У бортов лоды прыгали по волнам мешки из нерпичьих шкур, наполненные ворванью. Привязанные крепкими веревками, вот уже сутки плыли они за судном, выпуская понемногу жир, тонким слоем растекавшийся по поверхности разъяренного моря...

Северные мореходы от дедов и прадедов знали, как успокоить ворванью грозную морскую стихию. Взводень, покрытый масляной пленкой, тишел, злоба его гасла. Жир морского зверя защищал море от ветра, погашая его силу. На приморских судах всегда в запасе было несколько бочек с нерпичьим, тюленьим или моржовым жиром. Но сегодня хитрость не помогала. Ветер в одно мгновение вырывал у моря и уносил куда-то спасительное тонкое покрывало.

На правее стоял старый Никита. Вцепившийся скрюченными пальцами в румпель, казалось, он неотделим от толстого деревянного бруса. А у бизань-мачты, ухватившись за снасть, жались еще два дружинника, вахтенные, в помощь деду. Но сейчас помощь Никите была не нужна. Старик, как положил руль лево на борт, так и держал его уже добрый час.

А лодья норовила, вопреки усилиям Никиты, вильнуть вправо и лечь вдоль зыби, бортом к ней. А этого-то как раз и боялся дед.

Нет-нет, да и окатит взводень потоками воды деда и вахтенных. А расходившийся ветер без устали кропит соленым дождем.

— Полуношник-то крепчает, дед! — крикнул один из молодцов у мачты.

— ...ает, дед! — услышал Никита.

Слова тонули в свисте ветра и шуме моря. Никита повернул голову.

— Что баишь, не слышу! Сюда подь! — крикнул старик, взмахнув рукой.

Дружинник переждал волну и, улучив удобный момент, одним прыжком очутился около Никиты.

— Держись крепче, Савелий, а то враз смое! — кричал дед.

Но Савелия учить не надо: он сразу схватил румпель, больно прижав дедову руку.

— Пусти, леший! Ишь, как клешнями облапил. Чего ты кричал мне?

— Да ветер крепчает, говорю, вишь, гнет лодью. Не опружило[58] бы насовсем. Пылко стало в

море.

— А делать-то что? — отозвался дед. — Сам видишь, только большой парус остался. Другие мачты, почитай, сутки нагие стоят. Ветрище — страх! Глянь, пены сколь и море побелело.

Никита немного помолчал.

— И с чего бы ветру, такому взяться — нету у меня понятия. Кабыть и молебен ладно правили, и по солнышку на счастье поворот дали... Все как надобно...

Он опять замолк, что-то вспоминая.

— А ведь был грех, запамятовал, — вдруг оживился дед. — Провозился я с отвалом и домой забежать не успел. Ванюшке, внучку своему, велел обряду морскую на лодью принести. Время якоря выкатывать, вода уходит, а он, озорник, только прибеж. Говорю ему:

«Принес, Ванюха, бахилы?»

«Принес», — говорит.

«А бузурунку?»[59] Старуха мне новую на дорогу связала, — пояснил Никита.

«Принес».

«А икона где?»

«Вот!»

И подает мне икону. Тут меня кабыть кто по сердцу ударил.

«Какую, спрашиваю, икону взял?»

«Пресвятую богородицу...»

«ТЬфу, говорю, дурак! Прости господи, что она, баба, в нашем деле понимает? Николу морского брать надо».

Да что делать, вода-то не ждет. Пришлось с богородицей в море идти. От нее и напасть вся...

Тут Никита пригнулся, спасаясь от потоков соленой воды, водопадом зашумевшей по палубе.

— Чтоб те пусто было! — утираясь шапкой, ругал ветер обозленный дед. — Угомону нет на проклятущего, вот ведь как всего вымочил.

А ветер все крепчал и крепчал.

Теперь, когда лодью кренило на левый борт, она черпала бортом воду и долго не хотела подниматься.

Все тяжелее и тяжелее становилась лодья. Вдруг, крепко накренившись, суденышко вздрогнуло и так осталось, скособочившись на левую сторону.

Почувствовав неладное, из люка вылез Труфан Федорович.

Мореход огляделся.

Полуночное солнце закрывали серые, почти черные тучи. Ни проблеска, ни светлого

пятнышка на всем небе. Он так и не разобрался, где кончается море, а где начинается небо.

Перехватив румпель из рук старика, Амосов крикнул ему в ухо:

— Парус роняй! Опружит нас...

Скинув с плеч мокрый полушубок, Никита, перекрестив лоб, бесстрашно ринулся навстречу ревущему морю. И вот Никита у паруса.

Схватив фал,[60] он быстро развязал узел. Парус не шел вниз. Видно, сильным ветром снасти были зажаты где-то там, наверху.

Беспомощно опустив руки, мореход остановился.

— ...рус роняй!.. — донеслось с кормы.

Ветер с новой силой рванул парус. Не удержался на ногах мореход и кувырком полетел к борту.

Труфан Федорович понял, что больше времени терять нельзя:

— Топор!..

В эти минуты Егорий, не отходивший ни на шаг от Амосова, метнулся к мачте.

— Куда ты, стой!.. — успел схватить его за шиворот Амосов. — Придержи малыша! — кому-то крикнул он и, размахнувшись, швырнул топор в натянутый до предела парус.

Заглушая шум ветра и грохот моря, пушечным выстрелом лопнул парус: топор ловко попал в цель.

Ветер, с силой ворвавшись в широкую рану, в клочья разодрал парусину. Лодья выпрямилась и, легко качаясь, окунала борта в кипящие гребни.

Амосов снял шапку и молча смотрел, как лохмотья паруса птицами носились над свинцовым морем.

А Никиту волна успела вынести за борт. Каким-то чудом он ухватился за снасть и сумел удержаться. Крепко держался мореход, захлебываясь в соленой воде. Волна два раза поднимала его, норовя унести с собой. Но старый подкормщик уцелел.

Выбравшись на палубу, он долго стоял, растопыбив ноги, не

понимая, что же случилось...

— Ну и взводище!.. Как зверь лютый! — Мореход с озлоблением плюнул, — На-ко вот, возьми теперь Никиту-то!.. ан нет... не выйдет, — сказал он, направляясь на корму.

— С удачей, Труфан Федорович! — как ни в чем не бывало сказал Никита. — Лихо ты топором по парусу... Верный глаз имеешь. Спас от беды неминучей.

— Ну, дед, счастлив ты! Думал я — не выдюжишь, — встретил Никиту Амосов.

Обернувшись, Амосов долго смотрел на Егорку.

— А ты почто смерти искал, несмышлениш, — строго спросил он, — почто морской устав нарушил? Мальчик стоял потупившись.

— Отвечай! — еще строже прикрикнул Труфан Федорович — На море ты, не за материн подол держишься.

— Я... виноватый, дедушка, — не поднимая головы, ответил Егорка. — По моей вине парус сгиб... Вчера мне Савелий велел снасть осмотреть. Полез я, вижу — веревка совсем потерлась. Связал я ее, да неладно, узел большой вышел, сквозь векшу[61] не лез. Потому... — мальчик всхлипнул, — потому деду Никите не спустить парус было.

— Почто старшим не сказал? — грозно продолжал допрос Труфан Федорович. — Сразу почто не сказал? От нерадения твоего лодья, люди могли сгинуть.

— Запоматовал, дедушка! — едва слышно отозвался мальчик.

Он поднял голову и полными слез глазами смотрел на старого морехода.

Стоящие рядом дружинники и Никита внимательно, без улыбки, слушали разговор.

— Вот что, — решил Амосов: — ты, Егорий, дважды нарушил морской устав — не сказал про порченую снасть и без позволения кормщика самовольно похотел на мачту лезть. По морскому обычаю надлежит тебе строгое наказание. Пусть дружина решит, сколь много сечь тебя нужно... Никита, — обратился он к подкормщику, — ты наказание справь, порядок знаешь.

— А за то, что не ложно, все, как было, поведал, смягчение тебе выйдет! — важно отозвался Никита. — Так-то, брат...

— Ну, я пойду сны доглядывать, — сказал Труфан Федорович. — Покличь, ежели что, а ребятам, как утречком встанут, скажи: пусть судну порядок наведут. Стишает ветер — паруса ставь.

Труфан Федорович спустился в свою каюту.

Через несколько часов лодья преобразилась. Распустив все паруса, она быстро двигалась по курсу, покачиваясь да переваливаясь с волны на волну.

После обеда на носу лодьи собрались все дружинники и обсудили поступок Егория.

Мореходы жалели мальчика. Он был смел, находчив, быстро привыкал к морю.

Порешили на двенадцати лозах. Никита связал несколько березовых прутьев от метлы и приступил к делу, громко отсчитывая удары.

Мальчик молчал, крепко сжав зубы. Но, когда Никита разошелся и хотел отсчитать тринадцатый раз, Егорка с обидой сказал:

— Дружина двенадцать порешила! Так что ж ты против всех-то идешь?

Раздался громкий хохот.

— Вставай, Егорка, довольно Никите тешиться, — сказал кто-то. — Свои-то дети большие у него, так соскучился — сладость в розгах видит.

— Ну, теперь не запоматуешь, Егорий, как морской устав рушить. Так-то, парень, и наберешься ума-разума.

— Еге-ге, ребята!.. — Никита вдруг замолчал, напряженно всматриваясь в горизонт. — Так и есть. Лед по носу, да много его, и небо льдом сверкает. К северу вроде вода есть — темноты в небе больше... Ну-ка, Петро, на середовую мачту ползи, огляди лед получше, я Труфану Федоровичу сказаться пойду.

Беспокойный Никита заторопился к кормщику.

— Труфан Федорович, — кричал он в люк, — выходи на палубу! Кабыть, лед впереди.

Быстро поднялся на палубу Амосов. Лих грозный взводень для поморской лодьи, а лед еще страшнее...

Труфан Федорович внимательно осмотрел весь горизонт.

В это время к «Шелони» стали собираться остальные лодьи на совет. Надо было решить, как быть дальше.

Глава XXVI. ЗАСАДА

Целый месяц шли Амосовы лодьи по морям, стараясь держаться все время вместе. Недалеко от Бергена сильная буря снова разбросала корабли; целых пять дней искали мореходы друг друга, но трех людей так и не досчитались...

Несколько норманнских кораблей, не решаясь открыто напасть на большой караван, по пятам шли за русскими до самого Бергена в надежде, что штормом разобьет лодью или случится какое-либо несчастье. Но ничего такого не случилось. А после бури у Бергена новгородцы своих преследователей больше не видели.

Наконец показали долгожданные берега датского королевства; низменная земля открылась неожиданно, словно кто-то бросил на море большой блин. Сотни небольших рыбацких лодок сновали в прибрежных водах; некоторые выходили в море за рыбой, другие возвращались с промысла.

Амосов попросил хозяина одного из рыбацких судов, возвращавшегося с полным грузом селетки, провести лодьи в гавань Роскильде — резиденцию короля, находящуюся в глубине узкого, длинного залива.

Когда большие поморские лодьи подошли к пристаням портового города, на набережную высыпали многие жители, чтобы посмотреть на невиданное зрелище. И было на что посмотреть: тридцать один морской корабль — это не шутка. Даже крупные портовые города европейских стран в те времена не всегда обладали таким флотом.

Уплатив пошлину в королевскую казну, Труфан Федорович мелочью одарил портовых надзирателей, а бургомистру преподнес дорогую шкурку голубого песка.

Вернувшись из города, старый мореход едва передвигал ноги.

После трудного и опасного плавания он впервые почувствовал усталость.

Годы брали свое: по ночам ныла поясница, болели ноги; от непрерывного напряжения покраснели и слезились глаза.

Теперь, когда лодьи стояли в спокойном месте, можно было подумать о себе.

«Отдохну денек, — мечтал Труфан Федорович, спускаясь пол палубу, — полежу, сил моих больше нет».

Амосов недовольно поморщился, когда увидел сидящего на лавке человека.

— Что угодно вашей милости? — спросил он, косясь на заморскую одежду незнакомца.

— Труфан Федорович, это я, Порфирий Ворон! — радостно сказал гость и бросился навстречу старику.

— Порфирий, сынок! И мореход обнял гонца.

— Ну, рассказывай, милай, как дошел, что сделал? — успокоившись немного и усадив рядом с собой гостя, сказал Труфан Федорович.

Беседа длилась долго.

Порфирий Ворон благополучно пробрался в Данию, виделся с королем. Датское купечество поддержало просьбу новгородцев, и король, милостиво приняв посла, обещал помощь.

— Псы-рыцари не хотят по доброму соседству жить, — продолжал свой рассказ Ворон. — В Новгород ганзейских купцов не пускают, далее Котлина им хода нет. Свеев против Новгорода учат. Морскую дорогу вовсе закрыли... Ежели новгородец на иноземном корабле в заморье вышел, враз утопят. А народ в Новгороде и до се голодный.

Не забыл Ворон рассказать Амосову о торговых новостях и о ценах на всякие товары.

Об одном только умолчал он — о судьбе Медоварцева и Жареного.

— Ну, а товарищей своих, Медоварцева и Жареного, где оставил? — не утерпел Труфан Федорович. — Живы, здоровы ли?

Пряча глаза, Порфирий замолчал.

— Сгибли ребята, — утирая слезы, с трудом выговорил он наконец, — от злодейской руки сгибли. — И Порфирий все поведал старому мореходу.

Русские люди в Риге узнали о судьбе Жареного от Арисгарха, спасшегося от смерти. Ворон же узнал от датских купцов, недавно приехавших из Риги.

Труфан Федорович, сжав кулаки, слушал Ворона. Помянув добрым словом павших, он долго сидел, закрыв лицо руками.

— Сердце щемит, как Медоварцева да Жареного вспомяну. Жалко, спору нет. Однако, не в том корень, — тихо, словно сам с собой, заговорил Амосов. — Кто нас боронить будет, коли мы сами себя не бороним? Великому Новгороду без кораблей, без стражи морской, без торговли заморской сильным не быть... Вот смотри, Порфирий, я со своими кораблями не побоюсь по морям пройти. Меня никто не тронет. Любо разбойникам одну-две лодейки ограбить, а попробуй-ка нас взять. Небось обожгутся.

— Разбойников беречься надоть, Труфан Федорович, — заметил Порфирий. — Силища их в

этом море! Они, разбойники-то, морскими братьями себя зовут и, кроме бога, всех за врагов почитают. Бог-то у них — жуковина, черная да страшная. Верный человек меня предупредил, — понизил голос купец, — тебе беречься надо, прознали разбойники о твоём походе.

— Пройду! — махнул рукой Труфан Федорович. — С моими дружинниками в огонь без опаски можно идти. Я, Порфирий, — помолчав, сказал он, — всегда в дело свое верю и к людям своим доверие имею. И они за дело себя не пожалеют.

На следующий день Амосов пустился в торговые дела. Порфирий Ворон и здесь сумел помочь ему добрым советом.

Распродав товары с большой выгодой — цены давали вдвое против ганзейцев, Амосов купил еще несколько лодей пшеницы. На другие суда грузили ипрские сукна, тонкое полотно, железо, олово, свинец, серу, красное и белое вино в бочках, соль и другие товары.

Несмотря на запрещение папы, Амосову удалось купить оружие и порох. На каждое судно он поставил по две пушки, палившие каменными ядрами.

На десятый день к вечеру Труфан Федорович закончил все свои дела и, пообещав донским купцам зайти еще раз на обратном пути в Поморье, стал готовить лоды к отходу. Утром суда стояли готовые к отплытию.

Труфан Федорович решил выйти в море ночью, чтобы не привлекать внимания. Кораблей было много, и выход из порта большого каравана не остался бы незамеченным. Перед тем как идти отдохнуть, он позвал дозорного.

— Здесь я, дедушка, — откликнулся Егорка.

— Егорий?! Кто тебя в дозор поставил? — удивился Амосов. — Других разве нет?

— Другие-то перед походом спать повалились. «Ты, говорят, Егорка, стережи».

«Так-то оно так, — подумал Амосов, — ночью все руки нужны будут, а все же неладно малого одного оставлять».

— Ну хорошо, Егорий, — строго сказал Труфан Федорович. — Доверили тебе дело большое, так ты смотри рот не разевай, не засни часом...

— Что ты, дедушка! — обиделся мальчик. — В жизнь в дозоре не засну.

Старый мореход, глянув по привычке на воду и на небо, ушел к себе, а Егорка принялся расхаживать по палубе.

Стемнело, трудно уже было рассмотреть, что делается на стоящем рядом судне. Мальчику надоело ходить взад и вперед, и он забрался на толстое бревно на носу судна и стал смотреть на темную, неприветливую воду, плескавшуюся о борта лоды.

Неподалеку раздались странные звуки — он прислушался.

«Тук, тук, тук, — явственно донеслось с кормы стоявшего рядом судна. — Тук, тук, тук».

Прешло совсем немного времени, стук повторился. Теперь он был слышен совсем близко, с кормы своего судна.

«Кто может стучать, — подумал Егорка. — Спят все. Посмотрю», — и, легонько спрыгнув на палубу, побежал на стук.

Босые ноги неслышно поднесли его к корме. Велико же было удивление мальчика, когда он

увидел незнакомого человека, прибивавшего к кормовым перилам какой-то темный предмет.

— Эй! — крикнул Егорка. — Что за человек?

Незнакомец молча бросился на мальчика, и Егорию не удалось даже пикнуть — потная ладонь закрыла ему рот. Но, когда незнакомец сдавил другой рукой мальчику горло, Егорка, изловчившись, больно укусил его за палец. Незнакомец охнул и разнял руки.

— Ребята, помогите! Сюда, ребята!.. — крикнул Егорий.

Страшный удар свалил мальчика с ног, но крик был услышан. На палубе забегали дружинники. Когда подняли лежавшего в беспомощности Егорку, рядом никого не было.

Кто-то вылил ведро холодной воды на мальчика. Разбуженный шумом, подошел Труфан Федорович и, узнав, в чем дело, бросился к Егорию.

— Егорий, — тряс он его, — Егорий, что с тобой? — Руки старика дрожали. — Что с тобой, Егорушка?..

— Там человек стучал... прибивал... — очнувшись, несвязно начал мальчик. С трудом поднявшись на ноги, он, шатаясь, подошел к темному предмету. — Вот что он прибил...

Труфан Федорович подошел поближе.

— Красный фонарь, — сказал Амосов, осмотрев предмет со всех сторон, — свеча-то велика, на всю ночь хватит... А вот еще один, — заметил он.

— На той лодье тоже стук был, — сказал, немного оправившись, Егорка.

— А ну, ребята, сбегай посмотри! — распорядился Труфан Федорович.

Несколько человек бросились на соседнюю лодью. Там тоже оказался зажженный фонарь.

Дружинники в недоумении разводили руками.

— На других лодьях посмотреть надобно. Глянь-ка, братцы. Ежели и на других фонари горят, — догадался Амосов, — разбойных рук дело. Приметы лиходеи поставили, чтобы ночью наши лодьи обозначить.

Действительно, на всех новгородских лодьях горели красные фонари. На «Онего», так же как на «Шелони», фонарей было два. Теперь все стало ясным.

— Твои лодьи, господине, дважды мечены, — предупреждали Амосова дружинники. — На дороге ты им встал.

— А кто же вызнал, кто вора поймал?.. — спрашивали мореходы.

— Егорий вора поймал, малый чуть живота не лишился. Видишь, как его по башке ахнул вор-то... — ответил Никита. — Молодец, Егорий! — обернулся он к мальчику. — Поведай-ка нам все, как было.

Не помнящий себя от радости Егорий подробно рассказал, как он заметил вора.

Труфан Федорович ласково погладил мальчика по голове:

— Пойдем, Егорий, ко мне, отдохни, в море скоро выходить. И вы, ребята, часок сосните. В дозорных пусть Дмитрий ходит. Ты, Егорий, — держа мальчика за плечи и подталкивая его вперед, строго говорил Амосов, — не понимай о себе много! Ничего тут знаменитого нет, что вора заметил. Правильно службу справил, по уставу, и всё тут, а на других лодьях забыли про устав. От этого и все беды на море случаются.

Когда лодьи вышли в море и, вытянувшись в длинную ленту, медленно двигались на восток, была темная осенняя ночь. Ветер дул попутный, но слабый, лодьи легко покачивались на небольшой волне.

Егорка проснулся. Он с трудом повернул голову, шея сильно болела, во всем теле чувствовалась тупая, ноющая боль, но он радостно улыбнулся, когда вспомнил, что произошло вечером. Его потянуло на палубу. Наверху он долго вглядывался в темноту, ничего не разбирая со света.

«Ну и ночь, черна, и кулака своего не видно», — думал Егорий. Он взобрался на свое любимое место — накозье, толстое бревно на носу судна и, примостившись, стал глядеть на море. Шел первый час ночи.

Вдруг Дмитрий, дозорный, неожиданно крикнул.

— Огонь вижу близко! Наша лодья на огонь идет... Берег... Изба светится... Каменья!.. — выкрикивал богатырь.

Все явственно услышали доносившийся с берега громкий собачий лай. Многие увидели темную гряду камней.

Труфан Федорович, помогая Савелию, навалился на руль. Лодья, медленно поворачивая влево, уходила мористее...

— Дальше от берега — надежнее будет, — сказал Савелий, когда Труфан Федорович намного отвернул лодью от прежнего направления и направил ее на северо-восток.

Амосов не мог понять, почему здесь оказался берег. Он несколько раз заглядывал в свою записную книгу, где были указаны благополучные курсы на все ветры. Все казалось правильным, и ошибки не могло быть — до берега оставалось далеко. Но собака? Откуда взялась собака на море и гряда камней, уходящая к востоку?

Думать было уже поздно: за «Шелонью» повернула «Онего», а там и все другие лодьи амосовского каравана, державшиеся близко друг подле друга.

Дружина на «Шелони» была взбудоражена. Счастливо избавившись от опасности, все люди были на палубе и горячо обсуждали минувшие события.

Вдруг раздался детский пронзительный крик.

— Ой!.. Ой!.. — кричал мальчик. — Нельзя сюда, поверните! Дедушка, поверни!..

— Что там, Егорий, что видишь? — встревоженно крикнул Амосов.

— Не знаю, дедушка, черное что-то... близко уж, поверни! — завопил еще сильнее мальчик.

Несколько человек вместе с Труфаном Федоровичем бросились на нос. Впереди, совсем рядом, плавали бревна.

Амосов понял беду.

— Лево ворочай, ребята! — крикнул он, с беспокойством наблюдая за черной лентой связанных между собой бревен. — Больше, больше давай!

Но было поздно. С хода лодья врезалась в толстое тяжелое дерево, дрогнула и остановилась. Егорий чуть-чуть не свалился в воду от сильного толчка.

— Говорил тебе, дедушка, что нельзя сюда, — подошел к Амосову мальчик.

Старик не ответил. Махнув рукой, он побежал к средней мачте, где хранились приготовленные факелы, и стал разжигать огонь. Размахивая горячей смолистой веткой, он предупредил остальные суда об опасности. Но сделать что-либо было уже нельзя, лодьи одна за другой сворачивали в сторону и все же попадались в ловушку. Несколько лодей столкнулись и запутались снастью. На судах началось смятение.

В это время показались черные тени чужих кораблей, идущих прямо на сбившийся амосовский караван.

— Вражье! — раздался голос Труфана Федоровича. — К оружию, други!

— Вражье, ребята, вражье! — закричали вдруг с разных лодей дружинники. — К оружию!

Новгородцы быстро вооружились, и, когда враги стали прыгать на палубы русских судов, их «с почетом» приняли на рогатины и пики.

Раздались выстрелы из пушек.

Ожесточенный бой шел в темноте. Но вот вспыхнул один из разбойничьих кораблей, подожженный рукой Савелия, — стало светло. Теперь Амосов видел, что и на вражеских кораблях идут схватки — новгородцы вышибли морских братьев с нескольких лодей, и разбойникам приходилось защищаться.

«Так вот что подстроили, проклятые! — думал Труфан Федорович, сидя на мачте и командуя битвой. — В ловушку корабли наши заманили, голыми руками хотели взять».

На головном корабле морских братьев, скрестив руки, стоял Одноглазый. Корабль находился в стороне от боя. Видя, что новгородцы стали теснить морских братьев, Одноглазый не стал вмешиваться.

— Так... так!.. — бормотал он, глядя, как обороняются новгородцы. — Вот это воины! Так... так...

Уж несколько часов длилась битва. Наступил рассвет.

Один из кораблей морских братьев подошел к головному кораблю. Жестокий, спрыгнув на палубу, подошел к Одноглазому.

— Брат, самые лучшие отряды вынуждены оставить суда новгородцев. Мертвая голова, Хромой и Безносый убиты. Два наших судна находятся в руках русских.

Одноглазый молчал.

— Я предупреждал тебя, — с упреком сказал Жестокий, — надо было взять больше людей! Новгородцы в бою совсем не похожи на жалких ганзейских торгашей или тевтонских собак с крестами...

Громкий призывный звук боевого рога поднял разбойников. Морские братья с оружием в руках заполнили палубу. Некоторые из них повисли на реях, готовые прыгнуть на корабли

новгородцев.

Послышалась команда. Столкнув корабль с места, весла стали мерно загребать воду. Головной корабль медленно приближался к лодье «Шелонь».

Когда корабли сошлись, Одноглазый с диким воем первый прыгнул на палубу «Шелони». Стоявшие у борта дружинники отшатнулись. Из толпы новгородцев вышел вперед Дмитрий.

Выхватив меч, он бросился на Одноглазого. Зазвенело оружие, от мечей посыпались искры. Новгородцы и морские братья притаив дыхание наблюдали за битвой двух богатырей.

Если Дмитрий был сильнее Одноглазого, то главарь морских братьев был гораздо опытнее в бою. Отбившись от могучего напора Дмитрия, Одноглазый ловким ударом выбил меч из его рук. Новгородец успел схватить секиру, и борьба началась снова.

Скоро все поняли, что победит Одноглазый.

— Взять живьем! — громко сказал Жестокий и показал воинам на Дмитрия.

Нрав Жестокого был хорошо известен братьям, — они ринулись со всех сторон на Дмитрия. И в тот момент, когда он должен был погибнуть от меча Одноглазого, шестеро братьев повалили его на палубу. Вцепившись в Дмитрия, они стали вязать его руки и ноги.

Бой с великаном утомил вождя морских братьев.

Когда новгородцы бросились на выручку и поединок превратился в общую свалку, Одноглазый уже не мог склонить победу на свою сторону.

Схватка была жаркая, разбойникам пришлось оставить русское судно — атака была отбита. Когда головной корабль разбойников отошел от борта «Шелони», мореходы стали искать Дмитрия: на лодье его не оказалось, среди убитых его тоже не было.

— В полон взяли Дмитрия!.. — вздохнув, сказал Труфан Федорович. — А ты, Егорий, — увидел старик мальчугана, — чего здесь? Воевал разве?

— А на что мне снаряда дадена! — важно ответил мальчик. — Когда он, кривой черт, Дмитрия ломить стал, я в него копьем пустил, и попал, дедушка, ей-бо, пра! А он обернулся да как на меня взглянул — страшно сделалось. Вот черт кривой!.. — повторил мальчик и, посмотрев на Труфана Федоровича, смутился. Он долго не знал, что сказать, и мялся в нерешительности с ноги на ногу.

Труфан Федорович смекнул, в чем дело.

— Я тоже кривой черт! — сказал он нарочито строго. — Ну, спасибо, Егорий, порадовал старика.

— Одно дело — враг, — серьезно сказал мальчик, — а тебя я кривым чертом и в жизнь не назову.

Труфан Федорович рассмеялся:

— Ладно, Егорий! А по мне назови хоть горшком, только в печь не ставь.

Сражение с морскими братьями окончилось полной победой новгородцев. Пять исправных разбойничьих судов стали добычей дружинников, один корабль сгорел.

Несколько дней после битвы прошли незаметно; погода, благоприятствовала плаванию. Ровный попутный ветер быстро гнал Амосовы лодьи на восток. Благополучно миновали устье

реки Наровы, и дружинники с нетерпением ждали Котлинских берегов.

Быстроходная «Шелонь» стала отставать от остальных лодей. На судне открылись старые раны, полученные на пути в Данию: опять отказал руль, стали пропускать заплаты, поставленные на разошедшиеся пазы обшивки. Трюм быстро наполнялся водой. Необходимо было остановиться и исправить повреждения. Вместе с «Шелонью» должны были остановиться и остальные корабли.

— Пусть идут лодейки, Труфан Федорович, — посоветовал Савелий, — все равно Котлина им не миновать. А мы мигом свое дело спроворим. Пока ребята привал празднуют — забодай их бык! — и «Шелонь» у Котлина будет. А тут всем делать нечего, свои ведь берега вокруг.

— Хоть и длинные руки у морских братьев, — согласился Амосов, — а сюда им не достать. Пусть идут вперед лодьи...

Амосовы корабли один за другим скрывались из виду, а на «Шелони» убрали паруса и, пользуясь спокойной погодой, принялись поправлять судно. Работали весело, с песней.

В обеденный час ветра не стало, и сразу наступила какая-то необычная тишина. Амосов посмотрел по сторонам, удивился.

— Ну и тишь! — раздумывал он вслух. — На реке так-то не всегда увидишь... И морской птицы не слышно. В чем причина? А утресь от птичьего толка покою не было.

На небе ни облачка, на море ни морщинки. Яркое солнышко ослепительно сверкало на гладкой поверхности моря.

Штилевая погода держалась недолго. Вскоре задул ровный восточный ветер. Дружинники расставили паруса так, чтобы лодью не сносило назад.

Труфан Федорович вышел на палубу. Глянув на дозорного, развалившегося в карбасе, он хотел было ругнуть его за нерадение, да понадеялся на погоду и махнул рукой.

Сегодня по маловетрию было особенно, по-летнему тепло; несмотря на сентябрь, дни стояли солнечные, ясные. Амосов, расстегнув одежды, цветным платком вытер обильный пот.

— Егорий! — крикнул он сидевшему поодаль мальчику. — Ну-ка, водицы принеси умыться. Истомило, чуть жив поднялся.

Егорий, зачерпнув деревянным ведерком воды из-за борта, стал поливать на морщинистую шею старика.

— Дедушка, — сказал он, когда старик, обмывшись, принялся расчесывать бороду, — в немецкой стороне тучка черная низко над водой видна. Кругом небо синее, а там облачко махонько, что дым черно.

— Облачко, говоришь? — живо обернулся Труфан Федорович. — Где?

Егорий снова взглянул на черное облачко. Оно было уже ближе и во много раз больше.

Старый мореход сразу понял, в чем дело.

— Сюда, ребята! — раздался его громкий голос. — Паруса роняй! — И он бросился к средней мачте.

А Егорий, не разбирая ступенек, скатился в поварню и будил спящих дружинников.

— Скорее, скорее! — повторял он. — Беда, скорее!..

Когда молодцы выскочили на палубу, было уже поздно. Черное облако было совсем рядом.

— Смотри, смотри! — испуганно закричал кто-то.

Ошалелые дружинники увидели, как из тучи высунулся извивающийся отросток, похожий на хобот огромного слона. Быстро набухая и удлинняясь, хобот, как живой, тянулся к морю, а море под ним забурлило и вздыбилось пенящейся шапкой. Из тучи потянулись вниз еще две черные руки, но тут же ушли обратно.

В какой-то миг облако соединилось с морем: все закружилось в бешеном водовороте. Порывом ветра с Егория сорвало шапку и унесло куда-то. Вокруг потемнело; загремел гром, сверкнула молния. Проливной дождь водопадом обрушился на судно, скрыв все с глаз мальчика.

В этот же миг две мачты с грохотом вырвались из своих гнезд и вместе со снастью и парусами исчезли за бортом. Лодью, захлестнув водоворотом, стремительно унесло куда-то в сторону.

Но Егорий ничего этого уже не видел и не слышал. Волна смыла мальчика за борт, и он отчаянно барахтался, стараясь не захлебнуться в бурлящей воде.

Через несколько минут шторм стал стихать. Молния сверкала все реже и реже, но дождь все еще лил как из ведра. Егорке показалось, что близко от него плавает что-то черное. С трудом он добрался к бесформенной куче дерева и, уцепившись за какую-то доску, заплакал.

«Сгиб!» — подумал Егорка, стуча зубами от испуга и холода. Ему сделалось страшно.

— Дедушка! — закричал мальчик изо всех сил. — Дедушка!..

Оправившись от страшных ударов волн, Амосов сразу бросился в трюм. Предположения его оправдались: в носовой части лодьи появилась сильная течь. К счастью, на разошедшиеся пазы можно было положить заплату — смоленый кусок парусины, растянутый за углы веревками. Люди встали за насосы. Когда в деревянных трубах с хлопаньем и хрипеньем стали ходить поршни, на душе у Амосова сделалось легче.

И тут он вспомнил о Егорке.

— Егорий! — закричал старик. — Егорушка!!

Амосов искал всюду — Егорки нигде не было.

В поисках мальчика забегали остальные мореходы, но следов его на лодье не нашли. Осталось подумать только одно... Дружинники молчали. Наконец Савелий не выдержал и подошел к Амосову.

— Труфан Федорович, — переминаясь с ноги на ногу, начал он, — не деревом ли мальчика зашибло... снастью опять могло зацепить...

Старый мореход оглянулся: ни карбаса, ни маленькой лодочки на палубе не было, все снесло смерчем. Ни слова не говоря, он, как-то сгорбившись, ушел к себе.

— Жалеет Егория, — нарушил молчание Савелий, — а помочь нечем...

Через два часа дождь перестал, небо очистилось от облаков, и скоро солнце снова засияло на синем небе. И море и небо были такими, словно ничего и не случилось.

Как раскаивался теперь Труфан Федорович, что отпустил все свои корабли. Но делать было

нечего, приходилось ждать, пока на «Шелони» не поставят новые мачты, не поднимут паруса, не натянут снасти.

Несколько раз старый мореход выходил на палубу и молча смотрел, как идет работа. Задолго до солнечного заката дружинники соорудили мачты из оставшихся на лодье бревен, починили старые запасные паруса. Косые лучи солнца еще золотили спокойную поверхность моря, а Савелий, забравшись на самый верх средней мачты, продергивал снасть для подъема паруса.

«Да, — думал он, работая, — говорят, и рогожный парусок дороже крашенных весел; без паруска-то, выходит, и ни туды и ни сюды...»

Закончив свое дело, Савелий полез было вниз, но его остановил Амосов.

— Глянь-ка, Савелий!.. — Старик стоял без шапки, прикрыв одной рукой глаз, а другой указывал куда-то в море. — На птиц смотри! — крикнул он. — Вон их сколько кружится.

Только теперь Савелий едва различил круживших над морем чаек. Если бы не яркая белизна крыльев, сверкавших на солнце, никогда бы не увидеть их человеку.

— Ну и глаз у тебя острый, господине! — удивился Савелий. — Ну и глаз, забодай тебя бык! Не сказал бы, что птицы, и век бы не заметил.

Амосов еще раз внимательно посмотрел на чаек, прикинул ветер, еще глянул на чаек и сказал:

— Поднимай паруса, ребята! Остальное после доделаем. Там — Егорка, над ним птица кружит.

Вечерний ветер был тих. Дружинники старались поймать в парусе каждое его дуновение. Лодья медленно двигалась к далеким чайкам. А когда багровое солнце опустилось в кудрявые облака, стелющиеся по горизонту, с мачты раздался крик:

— Егорка, Егорка!

Скоро все увидели маленькую фигурку, снующую по куче деревянных обломков.

Лодья со скрипом пристала бортом к бревнам и тесовинам, опутанным веревочными снастями; на этой куче скакал в восторге Егорка. Сразу несколько рук потянулись к мальчику и подняли его на лодью. Амосов дрожащими руками обнял своего любимца.

Начались расспросы. Все с интересом слушали рассказ мальчика о приключениях.

Труфан Федорович, усадив мальчика возле себя, спросил:

— Скажи мне, Егорий, почему птица возле тебя кружилась?

— А я, дедушка, теста мешок нашел, к щегле он был привязан, то тесто птицам и бросал. Далеко лодья, меня-то не видно, а птицу заметить можно. Думал, по птицам меня найдете.

Труфан Федорович любовно посмотрел на Егорку. Потом перевел взгляд на дружину. На его лице светились торжество и гордость за мальчика.

— Мал годами, Егорий, а умом зрел, забодай тебя бык! — не выдержал Савелий. — И море к

нему ласково.

На следующий день утром «Шелонь» тихо подошла к деревянным мосткам на Котлине, где стояли остальные амосовские лодьи.

Глава XXVII. ПОБЕДА МОРЕХОДА АМОСОВА

Дмитрий, связанный по рукам и ногам, находился на корабле морских братьев у Жестокого. На все попытки с ним заговорить он отвечал молчанием или ругательством. В схватке его сильно помяли, но серьезных ран не было. Прошло несколько дней плавания. В конце пятого дня корабль зашел в какую-то гавань. Поужинав в этот день и запив ужин обычной порцией пива, Дмитрий почувствовал слабость, ему захотелось спать. Больше он ничего не помнил.

Очутился Дмитрий в хорошо убранной горнице на мягкой постели. Доспехи были сняты и висели на стене.

Едва Дмитрий пришел в себя, как дверь открылась и в горницу вошла Варвара.

— Варвара! — не веря своим глазам, крикнул великан. — Откуда ты?

— Дмитрий! — И девушка кинулась к нему.

Трудно передать словами, как были рады встрече и Дмитрий и Варвара. Все, что произошло, казалось им сном. Немного успокоившись, Дмитрий сказал:

— Надо своих догонять, негоже товарищей бросать.

Через два дня Дмитрий с Варварой были на Неве. Амосовские лодьи только вчера ушли из Котлинской гавани, и догнать их теперь было нетрудно.

Дмитрий нашел свою лодью у новгородской крепости Орешек. Низкий островок, на котором высилась каменная крепость, был весь в зелени, река тут расходилась двумя рукавами. Слева низкий зеленый берег был покрыт сосновым лесом; издали казалось, что сосны висят в воздухе. Справа — желтые пески с редкими соснами; по берегу то здесь, то там выступали языки болотной травы.

Дружинники радостно встретили богатыря Дмитрия и его невесту.

Амосов ласково, словно родную дочь, принял на свою лодью девушку.

До самой Ладоги хватило что порассказать и Дмитрию и Варваре.

Весть о приходе русских судов с хлебом и другим товаром быстро достигла Новгорода. Сотни новгородцев спешили в Ладогу встречать дорогих гостей. Народ новгородский ликовал. Приехали купцы, посадник, тысяцкий и многие именитые горожане.

И вот корабли стоят у старой ладожской крепости — в реке Ладожке. Посадник, боярин Никита Губарев, первый обнял старика Амосова.

— Не думал, что свидимся! — радостно говорил он. — Ведь сколько напастей на тебя псы-рыцари наслали. А ты, слава богу, жив-здоров...

И посадник рассказал Амосову то, что он узнал после его отъезда.

— А опосля я в Новгород к владыке решил съездить и Вьюна с собой взял, — закончил посадник свой рассказ. — Все владыке начисто поведал. Гневен он был, и не обскажешь как. На-утрие на воротах немецкого двора народ двух переветников повесил: Миланио, что лекарем у Борецкого был, да Вьюна. А па второй день купец ганзейский Иоганн Фусс и один наш к>п-чишка туда же угодили. Однако главный ворог орденский поп Шоневальд сбежал — он-то всю кашу заварил... А Борецкий... — шепнул на ухо Амосову боярин. — Пожалел его, видно, владыка! Сейчас воевать на литовского князя идет.

— А разве Борецкий тоже супротив меня? — спросил Амосов. — Быть того не может. Мое дело всей земле Новгородской на пользу.

— У Борецкого о своей земле голова болит. За свою землю он с кем угодно воевать будет... — задумчиво ответил посадник. — А кто его разберет, ну его к ляду! — махнул он рукой.

В Ладогe поспешно перегружали товары с больших заморских лодей на речные плоскодонные суда. Предстояло плавание через Волховские пороги, где морские корабли пройти не могли. Большие суда, в том числе «Шелонь» и «Онего», возвращались обратно.

С ранней весны и до осени будут плавать в студеньих морях поморские лодьи, промышляя морского зверя и рыбу.

Пришло время Труфану Федоровичу прощаться с внуками. Он торжественно благословил их на обратный путь. Мореходы хотели попутно снова зайти в Данию и купить еще товаров для Новгорода.

— Не бывать мне боле на море: стар стал, — говорил Амосов Ивану и Федору. — Ты, Иване, — Труфан Федорович положил руку на плечо старшему внуку, — блюди след дедень и прадедень — умножай русскую славу народа нашего. Ежели сильными будем на море, никому нам дороги морской не закрыть. Никакой ворог тогда не страшен...

Он замолк, стараясь побороть волнение.

— Варфоломея слушай, перенимай морскую науку. Морю Студеному передай привет. Любил я его и тихое и бурное. И льдам морским кланяйся... Тяжко с морем прощаться, кто жизнь с ним ладно прожил. — Старик отвернулся и незаметно смахнул слезу.

Ивану сделалось жалко деда. Он припал к его груди.

— Буду беречь морскую славу, деду, не закошу Амосов род. Век твои слова буду помнить!

— Ты, Федор, во всем слушай брата! — обратился старик к младшему внуку. — Он не обидит... А Егорий... — Труфан Федорович с любовью посмотрел на мальчика. — Пусть он сам о себе скажет... Подойди, Егорий!

Старик не сразу нашел слова. Видно, ему тяжело было расставаться с любимцем.

— Со мной пойдешь, Егорий, в Новгород жить али к морю охоч? Скажи, что душа просит.

Егорка посмотрел на Амосова, на лодьи, дремавшие у причала, на дружинников.

— Я... я, дедушка, — начал мальчик, запинаясь и глядя полными слез глазами на старика, — я таким, как ты, мореходом буду... И тебя люблю, дедушка! — закончил он с плачем. — А на море охоч.

— Чего, дурак, разревелся? В море и без твоих слез рассола хватит. — Старик заморгал глазом. — А мореход из тебя выйдет! Говорил и сейчас скажу. Прав, Егорий, что от моря не отстаешь...

Нужно было спешить: стояла осень, а поморам предстоял еще долгий обратный путь. * * *

Борясь за свободу морей, защищая свою заморскую торговлю, Великий Новгород одержал еще одну победу над своим коварным соперником Ганзой.

Искусные кораблестроители и мореплаватели, новгородцы с давних времен бороздили северные моря на своих крепких кораблях. Поэтому новгородские купцы сумели в нужный момент послать лодьи в Данию в обход Скандинавского полуострова и пуститься в обратный путь, несмотря на позднюю осень.

Во многие иноземные города, как и прежде, повезут новгородские купцы свои товары. И будет множиться слава богатого города, богатого трудами сынов своих в полуночных странах и студеных морях.

Note1

Тевтонский орден — немецкий духовно-рыцарский орден, возникший в XII веке во время крестовых походов. Глава этого ордена назывался великим магистром.

Note2

Негоциант — купец, ведущий оптовую торговлю главным образом за пределами своей страны.

Note3

Старшина немецкого двора — глава поселения немецких купцов в Новгороде.

Note4

Тысяцкий — один из правителей Новгорода, командовавший новгородским ополчением и ведавший судом по торговым делам.

Note5

Посадник-наместник князя, первый правитель города. В Новгороде должность посадника в 1126–1478 годах была выборной.

Note6

Медичи — флорентийский род, правивший во Флоренции в XV–XVIII веках с перерывами и бывший в XV веке одним из крупнейших банкирских домов Европы.

Note7

Двор Ярослава — площадь в Новгороде, где собиралось вече.

Note8

Речь идет о разгроме немецких рыцарей польско-литовско-русским ополчением в 1410 году.

Note9

Иванские купцы — древнейшее купеческое объединение, возникшее в XII веке при церкви Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде («Иванское сто»).

Note10

Степенной. — Так называли посадника и тысяцкого в отличие от «старых», то есть вышедших в отставку посадников и тысяцких.

Note11

Югорские купцы — особая группа новгородских купцов (Югорщина), торговавшая с населением северных земель (югрой).

Note12

Сойма — одномачтовое палубное грузовое судно.

Note13

Лодья (ладья) — морское и речное судно Древней Руси.

Note14

Ганза, или Ганзейский союз, — торговый и политический союз северонемецких городов, который вел оживленную торговлю с Новгородом.

Note15

Понизовский хлеб — хлеб, привезенный с Низа: из Окско-Волжского междуречья.

Note16

Господа — совет из высших должностных лиц и наиболее крупных бояр Новгорода.

Note17

Ряда — договор.

Note18

Готский двор — поселение иноземных купцов в Новгороде.

Note19

Капеллан — католический священник.

Note20

Рыбий зуб — моржовый клык.

Note21

Доньские купцы — датские купцы.

Note22

Черное и белое духовенство. — Черное духовенство — монашество; белое — приходское: священники, дьяконы, дьячки, причетники.

Note23

Подель — поморская верфь.

Note24

Коча, кочь — двухмачтовое палубное мореходное судно; поменьше лодьи.

Note25

Рынчара — полоса чистой воды между берегом и плавучими льдами.

Note26

Меженное время — тихое, безветренное время в середине лета.

Note27

Носошник — забойщик в моржовом промысле, стоящий на носу карбаса и бросающий в зверя

«носок» — гарпун, брссковое копье.

Note28

Вечные мужики, вечники — миряне с правом голоса на вече.

Note29

Скудельница — кладбище, общая могила.

Note30

Опашень — летняя верхняя мужская одежда.

Note31

Так в старину называлась река Нарва.

Note32

Свёйский гость — шведский купец.

Note33

Паузок — речное мелководное судно для перегрузки кладей с больших судов.

Note34

Бахилы — высокие кожаные сапоги на мягкой подошве, с круглыми носками.

Note35

Ворот-лебедка — приспособление для подъема тяжестей, например для подъема якоря, для вытаскивания судна на берег.

Note36

Погост — сельский приход, включающий несколько деревень; иногда так называли село, в котором была церковь.

Note37

Прясла — здесь: верхняя площадка крепостной стены.

Note38

Корг — нос судна, наклонный стояк, к которому приделан водорез.

Note39

Табанить — грести обратно, от себя, продвигаясь кормой вперед.

Note40

Шняк (шняка) — рыболовная морская лодка, одномачтовая, с прямым парусом и тремя парами весел.

Note41

Порок — старинное название тарана, всякого стенобитного орудия.

Note42

Легенда записана писателем Б. В. Шергиным.

Note43

Шелоник — юго-западный ветер.

Note44

Средовая мачта — грот-мачта.

Note45

Средовая мачта — грот-мачта.

Note46

Вымол — пристань.

Note47

Локоть — мера длины; соответствует приблизительно длине локтевой кости. Русский локоть равнялся приблизительно 0,5 метра.

Note48

1 Тяжелые потеси; потесь — большое еловое весло на барках, около 20 метров длины, с широкой лопастью; заменяет руль. Иногда их бывает два: с кормы и с носа.

Note49

Ласт — единица веса, около 120 пудов. Заимствована у голландцев.

Note50

Распашные весла — длинные весла в распашной лодке, то есть в такой, где уключины сделаны вразбивку через весло направо и налево.

Note51

Обжа — земельная мера, равная 15 десятинам (15 гектаров).

Note52

Торосной карбас — легкая лодка, приспособленная для перетаскивания через нагроможденные обломки льда (торосы).

Note53

Ратман — член ратуши.

Note54

Щегла — мачта.

Note55

Так называли древние славяне Балтийское море.

Note56

Приглубый берег — берег, под которым глубоко.

Note57

Мягкая рухлядь — пушной товар, меха.

Note58

Опружать — опрокидывать.

Note59

Бузурунка — фуфайка, куртка.

Note60

Фал — судовая снасть, веревка, служащая для подъема парусов.

Note61

Векша — блок.